

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

На правах рукописи

ДОУ ЧУНЬЯО

**НОМИНАЦИЯ ВОЗРАСТА ЧЕЛОВЕКА В ЛЕКСИКЕ И ФРАЗЕОЛОГИИ
РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ:
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Специальность 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор
Левицкий Андрей Эдуардович

Москва 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОПОСТАВЛЕНИЯ НОМИНАЦИИ ВОЗРАСТА В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ.....	14
1.1. Лингвистические основы сопоставления репрезентации возраста человека средствами русского и китайского языков	14
1.1.1. Антропоцентрические основы сопоставления языков и культур ..	15
1.1.2. Понятие лингвокультуры в современной лингвистике.....	17
1.1.3. Теория номинации в зеркале лингвистики XX – начала XXI века	20
1.1.4. Теория поля в современной лингвистике	23
1.2. Актуальные направления современной сопоставительной лингвистики	26
1.2.1. Подходы к сопоставлению лексических и фразеологических единиц языков.....	27
1.2.2. Культурная коннотация в единицах номинации русского и китайского языков.....	43
1.2.3. Внутренняя форма номинативных единиц русского и китайского языков в сопоставительном аспекте	44
1.3. Методы сопоставления лексических и фразеологических единиц русского и китайского языков	46
1.4. Сопоставление семантических полей 'возраст/年齡' в русском и китайском языках.....	52
1.4.1. Семантическая основа	52
1.4.2. Структурные особенности	62
1.5. Выводы по Главе 1.....	66
ГЛАВА II. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ВОЗРАСТА ЧЕЛОВЕКА СРЕДСТВАМИ РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛЕКСИКИ	70
2.1. Сопоставительный анализ словарных дефиниций гипонимов	

лексико-семантических полей 'возраст/年齡' в русском и китайском языках	71
2.2. Лексико-семантические микрополя 'детство/童年' в русском и китайском языках.....	85
2.3. Лексико-семантические микрополя 'молодость/青年' в русском и китайском языках	93
2.4. Лексико-семантические микрополя 'зрелость/壯年' в русском и китайском языках.....	104
2.5. Лексико-семантические микрополя 'старость/老年' в русском и китайском языках.....	108
2.6. Выводы по Главе 2.....	117
ГЛАВА III. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ВОЗРАСТА ЧЕЛОВЕКА СРЕДСТВАМИ РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ	121
3.1. Фразеосемантические микрополя 'детство/童年' в русском и китайском языках.....	123
3.2. Фразеосемантические микрополя 'молодость/青年' в русском и китайском языках.....	132
3.3. Фразеосемантические микрополя 'зрелость/壯年' в русском и китайском языках.....	167
3.4. Фразеосемантические микрополя 'старость/老年' в русском и китайском языках.....	179
3.5. Выводы по Главе 3.....	220
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	223
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	228
СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ	248
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ КОРПУСНЫХ ДАННЫХ	251

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено актуальной проблеме сопоставления вербальной объективации возраста человека средствами лексики и фразеологии русского и китайского языков.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что данная диссертация вписывается в русло сопоставительного изучения семантики номинативных единиц неродственных разноструктурных языков. Антропоцентрическая природа языка дает возможность выявить и сопоставить особенности вербализации информации о человеке. Одним из свидетельств тому является развитая система лексических и фразеологических единиц, обозначающих возраст человека в научном, художественном и бытовом дискурсах, которая ещё не была описана в русле сопоставительного подхода, что делается в данном диссертационном исследовании.

Теоретической и методологической базой данного исследования стали труды ведущих лингвистов в области *сопоставительной лингвистики* (В.Д. Аракина, А.Х. Востокова, И.Р. Гальперина, В.И. Горелова, В. фон Гумбольдта, С.Д. Кацнельсона, Э.М. Медниковой, И.И. Мещанинова, В.А. Плунгяна, А.А. Потевни, Ю.В. Рождественского, Э. Сепира, В.М. Солнцева, М.В. Софронова, Н.С. Трубецкого, Б.А. Успенского, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова, Ван Фусян, Лю Лифэнь, Лю Чундэ, Пань Вэньго, Сюй Юйлун, У Ханьин, Ян Цзыцзянь), *теории номинации* (Н.Д. Аругюновой, В.Г. Гака, Е.С. Кубряковой, Г.В. Колшанского, Б.А. Серебренникова, Ю.С. Степанова, В.Н. Телии, И.С. Торопцева, А.А. Уфимцевой), *лексической и фразеологической семантики* (Ю.Д. Апресяна, В.Л. Архангельского, В.П. Жукова, И.М. Кобозевой, М.А. Кронгауза, Ю.М. Лотмана, В.М. Мокиенко, Г.Н. Складневской, В.Н. Телии, Д.Н. Шмелёва), *лингвистической теории поля* (Ю.Д. Апресяна, А.В. Бондарко Л.М. Васильева, Б.Ю. Городецкого, В. фон Гумбольдта, Н.Г. Долгих, Г.А. Золотовой, Ю.Н. Караулова, Н.И. Толстого, Й. Трира, Г.С. Щура) и *лингвокультурологии* (А. Вежбицкой, С.Г. Воркачева, Г.Д. Гачева, Д.Б. Гудкова, В.

фон Гумбольдта, И.В. Зыковой, В.И. Карасика, М.Л. Ковшовой, В.В. Красных, Н.Б. Мечковской, В.И. Постоваловой, В.Н. Телии, В.И. Шаховского, Пэн Вэньчао, Чжао Айго).

Цель исследования заключается в выявлении изоморфизма и алломорфизма в описании возраста человека средствами лексики и фразеологии русского и китайского языков.

Поставленная цель конкретизируется в следующих **задачах**:

1) представить лексические и фразеологические единицы русского и китайского языков как фрагмент лингвокультуры этноса;

2) определить зоны сходства и отличия в русской и китайской лингвокультурах относительно временной шкалы жизни человека;

3) выявить словарные дефиниции гиперонимов семантических полей 'возраст' и '年齡' – лексем *возраст* и *年齡*, а также гипонимов данных полей, т.е. лексем *детство*, *отрочество*, *юность*, *молодость*, *зрелость*, *старость* и *童年* [*детство*], *少年* [*юность*], *青年* [*молодость*], *壮年* [*зрелость*], *中年* [*средний возраст*], *老年* [*старость*] в русском и китайском языках;

4) рассмотреть семантику лексических единиц русского и китайского языков, вербализующих возраст человека, и выявить их стилистические особенности;

5) сопоставить русские и китайские фразеологизмы, отражающие возраст человека с позиции таксономического подхода;

6) рассмотреть фразеологические единицы русского и китайского языков, вербализующие возраст человека, в русле сопоставительного и лингвокультурологического подходов.

Гипотеза исследования заключается в предположении того, что, во-первых, номинации возраста являются одними из наиболее значимых и динамично развивающихся маркеров культуры; во-вторых, лексические и фразеологические единицы, маркирующие возраст человека, по-разному структурируются в русском и китайском языках; существование наименований возраста человека в данных языках, с одной стороны, отражают природу изучаемой категории, а с другой –

отражают особенности социально-исторической и культурной традиций русского и китайского народов, их религиозного и мифологического мировидения, а также бытового опыта.

В качестве **объекта** исследования выступают лексические и фразеологические единицы, характеризующие возраст человека в русском и китайском языках.

Предметом исследования является репрезентация возраста человека средствами лексики и фразеологии русского и китайского языков в русле сопоставительного подхода.

Материалом исследования служат данные, полученные методом сплошной выборки из «Большого фразеологического словаря русского языка» (под ред. В.Н. Телия), «Академического словаря русской фразеологии» (под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского), «Русско-английского фразеологического словаря» (под ред. С.И. Лубенской), «Фразеологического словаря русского литературного языка» (под ред. А.И. Фёдорова), «Большого англо-русского фразеологического словаря» (под ред. А.В. Кунина), «Большого толкового словаря русского языка» (под ред. С.А. Кузнецова), «Русского толкового словаря» (под ред. В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной), «Толкового словаря русского языка» (под ред. С.И. Ожегова), «现代汉语成语大词典» («Большого фразеологического словаря современного китайского языка», под ред. Чжэн Вэйли), «中华成语大辞典» («Китайского большого фразеологического словаря», под ред. Чжоу Чянь), «在线成语词典» («Фразеологического словаря китайского языка онлайн»), «现代汉语词典» («Толкового словаря современного китайского языка», под ред. Хань Цзоли), «在线汉语大辞典» («Большого словаря китайского языка онлайн»), «百度在线词典» («Толкового словаря китайского языка Baidu онлайн»), «在线汉语词典» («Словаря китайского языка онлайн»).

Исследование выполнялось с помощью ряда **методов**. Среди них: метод словарных дефиниций для анализа основных лексем и фразеологизмов с семой 'возраст'; метод контекстуального и компонентного анализа – для выявления

значений лексических и фразеологических единиц с семой 'возраст'; полевой анализ номинативных единиц с семантикой возраста человека в русском и китайском языках помог структурировать лексико-семантические и фразеосемантические поля 'возраст/年齡' и их микрополя 'детство/童年', 'молодость/青年', 'зрелость/壯年' и 'старость/老年' русского и китайского языков; сопоставительный и лингвокультурологический анализ вербализации возраста средствами русской и китайской фразеологии были задействованы для выявления изоморфизма и алломорфизма в описании возраста человека средствами фразеологии русского и китайского языков как маркеров культуры; методом сплошной выборки из указанных выше словарей выделены лексические и фразеологические единицы с семантикой возраста человека.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые определены лексические и фразеологические средства репрезентации возраста человека в русской и китайской лингвокультурах; впервые раскрыты общие и культурно-специфичные черты номинации возраста человека средствами лексических и фразеологических единиц русского и китайского языков; впервые на основе данных лексикографических источников выявлены зоны сходства и отличия в русской и китайской лингвокультурах относительно шкалы времени в жизни человека; впервые представлены и сопоставлены лексико-семантические и фразеосемантические поля 'возраст' и '年齡[возраст]' в русском и китайском языках.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что она способствует развитию теорий сопоставительной семантики, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, а также лексической и фразеологической семантики в сопоставительном аспекте. Работа вносит вклад в изучение сопоставительного и лингвокультурного аспектов номинативных единиц русского и китайского языков.

Практическая значимость работы заключается в создании корпуса лексических и фразеологических единиц с семантикой 'возраст' в русском и

китайском языках, что послужит основой для создания тематического русско-китайского/китайско-русского словаря. Полученные данные могут быть использованы в теоретических курсах русского и китайского языков, сопоставительной лингвистики, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, общего языкознания, а также в практике преподавания русского и китайского языков как иностранных.

Положения, выносимые на защиту:

1. Категория возраста человека выступает одним из значимых фрагментов картин мира русского и китайского языков. Она отражает комплекс знаний о человеке как индивиде, изменяющем свои свойства и качества в процессе онтогенеза и закрепленные в языке традиции их восприятия. Возраст как универсальный феномен включает также вербализованные представления, оценки, опыт и особенности индивида разного возраста. Восприятие человека в разные периоды его жизни представлено в семантике лексических и фразеологических единиц русского и китайского языков, маркируя отличия и сходства соответствующих лингвокультурных традиций.

2. Семантические поля 'возраст' и '年齡' рассматриваются как способ систематизации номинативных единиц со значением возраста человека в русском и китайском языках в форме иерархической структуры, с присущими им конфигурациями. В структуре данных семантических полей существуют изоморфные и алломорфные элементы. К изоморфным элементам относятся упорядоченные микрополя: 'детство/童年', 'юность/少年', 'молодость/青年', 'зрелость/壮年' и 'старость/老年'. Алломорфные элементы заключаются в том, что в русском языке между микрополями 'детство' и 'юность' существует и микрополе 'отрочество', а в китайском языке между микрополями '壮年 [зрелость]' и '老年 [старость]' – микрополе '中年 [средний возраст]'.

3. В русской и китайской лингвокультурах имеются отличия, связанные с номинацией определённых возрастных периодов (т.е. детством, молодостью, зрелостью и старостью), поскольку номинативные единицы русского и китайского

языков, означающие возраст человека, регулярно реализуют метафорические значения, связанные с возрастом. Лексическая и фразеологическая системы отражают типичные представления с точки зрения носителей русской и китайской лингвокультур о детстве (наивность и др.), молодости (неопытность, недостаточная зрелость, энергичность и др.), зрелости (полнота физического развития) и старости (слабость, недостаток жизненных сил и др.). В русской и китайской лингвокультурах характеристики и оценки, приписываемые возрастным периодам, отличаются. Так, в русской лингвокультуре детство рассматривается как «начало» (напр., *с колыбели*); молодость характеризуется легкомыслием (напр., *по молодости лет*); старость – глупостью (напр., *старый пень*), а в китайской лингвокультуре молодость характеризуется чистотой, добротой (напр., *赤子* [букв. *красное тело*]), самостоятельностью (напр., *而立* [букв. *встать на ноги*]) и смелостью (напр., *初生之犊不怕虎* [букв. *новорождённый телёнок не боится тигра*]) и т.д., а зрелость – мудростью (напр., *不惑* [букв. *не иметь сомнений*]).

4. В русском и китайском языках имеются номинативные единицы, называющие только возраст человека (напр., *молодёжь/青年*, *бальзаковский возраст*, *聚沙之年* [букв. *в возрасте, когда играют в песочнице*] и др.), и единицы, определяющие возраст с помощью описания других явлений, связанных с возрастной проблематикой, а именно: внешность, физическое и физиологическое состояние, черты характера, интеллектуальные способности, социальный статус, эмоциональное состояние и поведение (напр., *молодец/壮汉*, *от горшка два вершка*, *鹤发童颜* [букв. *волосы журавля и детское лицо*] и др.). Различия заключаются в том, что существуют подгруппы, зафиксированные только в одном из сопоставляемых языков. Так, в русском языке выделяются лексико-семантическая подгруппа «Молодость + интеллектуальные способности» (напр., *недоросль*) и фразеосемантические подгруппы «Молодость + интеллектуальные способности» (напр., *Ум бороды не ждёт*) и «Старость + поведение» (напр., *Мышиный жеребчик*). По сравнению с единицами русского языка, в китайском языке существуют фразеосемантические подгруппы

«Только о детстве» (напр., *免怀之岁* [букв. в годы, когда можно избежать объятия родителей]), «Детство + физиологическое явление» (напр., *负床之孙* [букв. встают, держась за кровать]), «Молодость + физиологическое явление» (напр., *情窦初开* [букв. появился ключ к разрешению вопроса о первой любви]), «Зрелость + эмоциональное состояние» (напр., *哀感中年* [букв. грусть и средний возраст]), «Старость + физиологическое явление» (напр., *老蚌生珠* [букв. старая устрица произвела на свет жемчужину]) и «Старость + эмоциональное состояние» (напр., *白头之叹* [букв. вздох и горе человека с белыми волосами]).

5. Номинативные единицы со значением 'возраст человека' в русском и китайском языках, обладающие гендерной маркированностью, раскрывают характерные различия при обозначении возраста мужчин и женщин. Так, в русском и китайском языках существуют единицы, означающие только девушку в добрачном периоде (ср.: *девица*, *待字* [букв. ждать помолвки], *на выданье*, *年已及笄* [букв. в возрасте, когда можно использовать шпильки для волос]). По сравнению с русским языком, в китайском есть единицы, характеризующие только лицо мужского пола, ср.: *志学* [букв. обратить все помыслы на учение] и *舞勺* [букв. танцевать гражданский танец].

6. Образ человека определённого возраста в русской и китайской лингвокультурах, создаваемый номинативными единицами сопоставляемых языков, типизирован на основе метафор, восходящих к архетипам сознания: «человек – растение» и «человек – животное». Человек в сопоставляемых лингвокультурах воспринимается как составная часть окружающей его природы: напр., молодой, неопытный человек – *зелень*, *青椒* [зелёный перец] и др. основан на метафоре «человек – растение», а образ, создаваемый единицами: *Старый конь борозды не портит*, *老马识途* [букв. старая лошадь знает дорогу] и т.д. – на метафоре «человек – животное».

7. По сравнению с лексическими единицами, фразеологизмы представляют собой особые способы вербализации возраста человека. Ценностное содержание

русской и китайской культур выявляется с помощью культурной интерпретации образов фразеологизмов сопоставляемых языков: напр., ср.: лексические единицы *долгожитель/寿星* и фразеологические единицы *Мафусаилов век* и *乔松之寿* [букв. *продолжительность жизни небожителей Ван Цяо и Чи Сунцзы*]. По сравнению с лексическими единицами, данные фразеологизмы связывают с религиозными слоями русской и китайской культур, их образ построен на сравнении со святыми долгожителями. Фразеологизмы в целом выступают в роли эталона долголетия в русской и китайской лингвокультурах.

Апробация работы. Основные положения данной диссертации изложены в **17** публикациях: в **1** научной статье в журнале, индексируемом в базах данных Web of Science; в **6** научных статьях в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание; в **1** статье в издании, рекомендованном ВАК РФ; в **9** публикациях в сборниках и материалах научных конференций.

Основные положения работы также обсуждались на **13** научных конференциях: на Международной научной конференции «Язык лингвокультурологии: теория vs. эмпирия» Института языкознания РАН (Москва, 2015 г.); на Всероссийской научной конференции «Полифония большого города – 7: Проблемы социализации в современном глобальном мире» МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, 2016 г.); на «VII Международном конгрессе по когнитивной лингвистике» Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород, 2017 г.); на Международной научно-практической конференции «Учитель. Ученик. Учебник» МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, 2018 г.); на Всероссийской междисциплинарной научно-практической конференции «Человек в информационном пространстве» Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (Ярославль, 2018 г.); на Международной научно-практической конференции памяти Ю.Н. Марчука «Слово. Словарь. Термин. Лексикограф» Московского государственного областного университета (Москва, 2019 г.); на IV Международной

научно-практической конференции «Магия ИННО: интегративные тенденции в лингвистике и лингводидактике» МГИМО (У) МИД России (Москва, 2019 г.); на Международной научно-практической конференции «Языковой дискурс в социальной практике» Тверского государственного университета (Тверь, 2019 г.); на Международной научной конференции «Язык, культура, ментальность: проблемы и перспективы филологических исследований» Юго-Западного государственного университета (Курск, 2019 г.); на IX Международном конгрессе по когнитивной лингвистике Нижегородского филиала национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород, 2019 г.); на XXI Международной научной конференции «Россия и Запад: диалог культур» МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, 2019 г.); на XIII Международной научной конференции «Язык, коммуникация, перевод» Военного университета (Москва, 2019 г.); на Международной научно-практической конференции «Языковая картина мира в условиях мультилингвизма и мультикультурализма: переводческий, лингвистический и дидактический аспекты» Воронежского государственного университета (Воронеж, 2020 г.).

Структура работы. Данная диссертация состоит из Введения, трёх Глав с выводами по каждой из них, а также Заключения и Списка использованной литературы.

Во Введении определены предмет исследования, его объект, актуальность, цели и конкретные задачи, научная новизна, материалы и методы, использованные в данной работе; представлены теоретическая значимость, практическая ценность и положения, выносимые на защиту, а также структура диссертации.

В первой главе изложены теоретические основы сопоставления номинации возраста в русской и китайской лингвокультурах, рассмотрены история антропоцентрического поворота в языкознании и базовые понятия: лингвокультура, теория номинации, семантическое поле, культурная коннотация и внутренняя форма номинативных единиц русского и китайского языков. В данной части работы содержатся методы и основы сопоставительного исследования лексем и фразеологизмов в русской и китайской лингвистике, а также

отмечаются отличия между семантическими полями 'возраст/年齡' русского и китайского языков.

Во второй главе проводится сопоставительный анализ лексических средств вербализации возраста человека в русской и китайской лингвокультурах.

Третья глава данной работы посвящена сопоставительному изучению русских и китайских фразеологических единиц, в которых объект описания представляет собой возрастные особенности человека и основные этапы его жизни – *детство, молодость, зрелость* и *старость*.

В Заключении подводятся итоги проведенного исследования и определяются перспективы дальнейших научных исследований.

Список использованной литературы включает **231** наименование, список лексикографических источников – **38** наименований.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОПОСТАВЛЕНИЯ НОМИНАЦИИ ВОЗРАСТА В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

1.1. Лингвистические основы сопоставления репрезентации возраста человека средствами русского и китайского языков

Возраст понимается нами как универсальное явление, так как все люди рождаются, взрослеют, стареют и умирают. Возраст восходит ко времени и представляет собой его составную часть. Время же в наивно-языковой картине мира является важнейшим для характеристики человека и этапов его жизнедеятельности, временных ритмов цивилизаций, а также используется для описания окружающего мира [Лебедько 2002: 115].

Возраст имеет антропную природу, обладает высокой степенью абстрактности, представляет собой универсальную характеристику человека. В обыденном сознании возраст и его отдельные этапы – *детство, юность, молодость, зрелость* и *старость* воспринимаются и описываются преимущественно как ключевые стадии развития человека. Таким образом, в ходе изучения проблемы возраста человек выходит на центральное место во Вселенной и ключевое положение в системе гуманитарных наук. «Основным звеном в триединстве мира, человека и языка является человек» [Зубкова 2016: 27]. Феномен Человека исследуется с разных точек зрения: внешности, возраста, души, духа, ума, чувств, сознания, эмоций, характера, общения с другими, ценности, морали и т.д. В.З. Демьянков разработал метод и способ изучения концепта ЧЕЛОВЕК. Он считает, что человек – это система переработки информации, а при изучении его поведения, надо анализировать внутреннее состояние [Демьянков 1994: 1]. Н.Д. Аругтюнова, в свою очередь, справедливо полагала, что феномен Человека осмысливают только через естественные языки [Аругтюнова 1999: 324].

Таким образом, для описания проблемы репрезентации возраста человека

необходимо проводить анализ в ракурсе антропоцентрического подхода. В связи с этим рассмотрим историю антропоцентрического поворота в языкознании.

1.1.1. Антропоцентрические основы сопоставления языков и культур

В конце XX века в языкознании произошёл антропоцентрический поворот, т.е. языкознание перешло к изучению отражения в языке процессов мировосприятия человеком, а в поисках своего предмета уже не может обойти основной вопрос – вопрос об отношении мышления к бытию, духовного к материальному, субъективного к объективному [Зубкова 2016: 26]. Актуальным стало утверждение о том, что в истоках языка лежит противопоставление человека миру, универсуму, Вселенной, заключающее в себе всё содержание языка [Гийом 1992: 161–162].

Антропоцентрическая революция в языкознании базировалась на концепции В. фон Гумбольдта, представленной в XVIII–XIX в. [Зубкова 2016: 124]. Концепция В. фон Гумбольдта играет важную роль в гуманитарных исследованиях и сегодня. Учёный считал, что язык тесно связан с его носителями и их культурой; язык – это самый важный антропоцентрический фактор. Без языка человек не сможет думать, чувствовать и жить в этом мире [Humboldt 1963: 77].

Согласно В. фон Гумбольдту, сущность языка «состоит в том, чтобы отливать в форму мыслей материю мира вещей и явлений» [Гумбольдт 1984: 315]. Язык же выполняет роль вечного посредника между духом и Природой, представляя собой «мир», лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека [Там же: 169, 304].

С точки зрения В. фон Гумбольдта, язык – это «само бытие» народа. Языки представляются различными картинами мира, потому что в каждом из них способы интерпретации мира отличаются друг от друга. В языке мы «находим сплав исконно языкового характера с тем, что воспринято языком от характера нации» [Гумбольдт 1985: 373]. Кроме того, мышление людей зависит от их языка, так как он оказывает регулирующее воздействие на поведение человека. Мышление, по В. фон Гумбольдту, не просто зависит от языка, а до известной степени обусловлено языком каждого отдельного народа [Гумбольдт 1984: 317,

324].

Язык, по В. фон Гумбольдту, это также «народный дух». Он существует в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил и мировоззрения, а этого человек сможет достичь, «когда своё мышление поставит в связь с общественным мышлением» [Там же: 51]. Следовательно, категория духа может передать суть человека [Гумбольдт 1985: 337–345]. Духовные задатки народа, говорящего на определённом языке, тесно связаны с его формой, которая характеризуется неповторимой индивидуальностью [Гумбольдт 1984: 69–74]. Внутренняя форма языка, по В. фон Гумбольдту, представляет собой свойственный ему принцип порождения, а внешняя форма языка, включая звуковую и грамматическую формы, является проявлением и воплощением внутренней формы [Там же: 100–107].

Кроме того, В. фон Гумбольдт установил антропоцентрическую программу исследования языка, в которой человек занимает центральное место. Данное понимание высвечивает пять ипостасей языка: 1) язык – это сила, которая делает человека человеком; 2) язык является антропоцентрическим феноменом, несущим неизгладимый «след» этого начала; 3) по пути исследования к адекватному изучению языка должны быть проанализированы связи между языком и сознанием, мышлением, культурой и духовной жизнью человека; 4) язык – это подлинно антропоцентрическая реальность, которая является универсальной системой, раскрывающей истину о человеке, о его сознании и подсознании; 5) цель исследования языка должна заключаться в познании человечеством самого себя и своего отношения к миру [Гумбольдт 1984, 1985; см. также: Постовалова 2014: 199]. Таким образом, В. фон Гумбольдт впервые раскрыл диалектику языка в его отношении к миру и человеку. Именно данное учение послужило фундаментом для антропоцентрического подхода в современной лингвистике, включая лингвокультурологию, психолингвистику, социолингвистику, которые изучают взаимосвязи между феноменами «язык», «человек», «культура», «сознание», «знание», «мышление», «общение», «информация» и «общество».

Идеи В. фон Гумбольдта нашли продолжение в трудах Л. Вайсгербера,

который считает, что язык – это «сила» духовного формирования, «сила» культурного творчества и «сила», формирующая представление человека об окружающем мире. Язык же определяет миропонимание человека и оказывает влияние на культуру народа [Вайсгербер 1993]. Развивая мысль В. фон Гумбольдта о взаимосвязи языка, духа народа и его культуры, лингвисты (в частности, Э. Сепир [1993] и Б.Л. Уорф [1960]) приходят к мысли о взаимосвязи между человеком, его языком и культурой.

Естественно, на рубеже XX–XXI веков, с началом антропоцентрической переориентации общей парадигмы гуманитарного знания и возникновением лингвокультурологии, которая ориентирует исследователя «на переход от позитивного знания к глубинному на путях целостного синтетического постижения языка как антропоцентрического феномена» [Постовалова 1999: 25]; и посвящена описанию корреспонденции языка и культуры в синхронном их взаимодействии, и акцентирована на культурный фактор в языке [Телия 1996: 222]. Таким образом, язык рассматривается как хранилище знаний о мире, в котором отражается информация [Ревзина 2006].

Итак, репрезентация возраста человека средствами лексики и фразеологии русского и китайского языков как актуальная проблема опирается на такие базовые понятия, как культура и лингвокультура, теория номинации, семантическое поле, культурная коннотация и внутренняя форма номинативных единиц русского и китайского языков. Современная лингвистика должна отвечать не только на вопрос, что такое язык, но и на вопрос, чего достигает человек посредством языка. Язык – это не просто средство коммуникации и выражения мысли, он ещё тесно связан с культурой и представляет собой её орудие.

1.1.2. Понятие лингвокультуры в современной лингвистике

Как пишет Н.Д. Арутюнова, «человек живёт в контексте культуры, она является для него "второй реальностью"», которую он сам создал, и она является для него объектом познания [Арутюнова 1991: 3]. По мнению Н.И. Толстого, язык – это компонент культуры и её инструмент; язык как вербальный код культуры

и творец культуры [Толстой 1995: 24].

Культура есть базовое понятие для лингвокультурологического анализа. Согласно мнению В.Н. Телия, культура – это «та часть картины мира, которая отображает самосознание человека. <...> Из этого следует, что культура – это особый тип знания, отражающий сведения о рефлексивном самопознании человека в процессах его жизненных практик» [Телия 1999: 18]. Культура отличается эволюционным характером, историзмом, ценностной ориентацией, отраженной в жизненной философии народа, межпоколенческой трансляцией на основе групповых традиций, кроющихся в коллективном бессознательном и т.д. Иначе говоря, культура – это мировидение и миропонимание, которое обладает семиотической природой [Телия 1996: 222], т.е. культура и язык являются семиотическими системами. Язык – это первичная семиотика, а культура – вторичная, зависящая от него. Язык и культура существуют в диалоге между собой. Язык, благодаря его кумулятивной функции, хранит ее, обеспечивая диалог поколений не только из прошлого в настоящее, но и из настоящего в будущее [Там же: 224–226].

Что касается взаимосвязи языка и культуры, Ю.М. Лотман писал, что «языки и культура неотделимы: невозможно существование языка, который не был бы погружен в контекст культуры, и культуры, которая не имела бы в центре себя структуры типа естественного языка» [Лотман 1993: 328]. По мнению В.И. Постоваловой, язык – «зеркало культуры, отображающее лики прошедших культур, интуиции и категории миропредставлений <...> Он есть форма выражения содержания мысли, само это обретенное и сохраняемое духовное содержание и, наконец, инструмент его осмысления, орган самосознания» [Постовалова 1999: 30].

Итак, культура представляет собой сложную информационную систему, своеобразную историческую память народа. Язык, человек и культура тесно взаимосвязаны. Языковой знак как информационный носитель культуры, фиксирует её проявления.

Что касается понятия «*лингвокультура*», в данном термине существуют

две составляющие: *лингво* и *культура*. Очевидно, что понятие «*лингвокультура*» тесно связано с понятиями «*язык*» и «*культура*». Культура оязыковленная, овнешненная и закреплённая в знаках языка и явленная нам в языковых процессах, является лингвокультурой [Красных 2013-а: 10]. С точки зрения В.В. Красных, лингвокультура – не только включает в себя общие компоненты образа мира, но и формирует его «объективную составляющую» [Там же: 10]. Вслед за В.Н. Телия [1996, 2006], В.В. Красных считает, что под лингвокультурой понимаются миропонимание, мироосознание и мироощущение народа. Следовательно, лингвокультура относится к лингвокогнитивному феномену и формируется путём образов сознания в их «вербальных одеждах» [Красных 2010: 33; 2013-а: 10; 2013-б: 74].

В отличие от языковой картины мира, лингвокультура формируется образами сознания, облечёнными в языковые знаки, т.е. «семантика лингвокультуры» представляет собой культуруносные смыслы, овнешненные в знаках языка [Красных 2013-б: 73–74]. По мнению В.В. Красных, лингвокультура включает в себя «только общие компоненты образа мира, т.е. то, что формирует «объективную составляющую» всего культурно маркировано и культурнозависимо, поскольку обуславливается единой системой значений» [Там же: 73–74]. Образное оформление этой мысли сводится к тому, что «если культура – это образ жизни, которому следует общество, способ жизни человека, то лингвокультура – это обусловленный жизнедеятельностью и зафиксированный в языке способ «говорения», сообщения о мире и о себе в этом мире» [Фурашова 2016: 283].

Разделяя отмеченную выше точку зрения, мы полагаем, что культура представляет собой образ жизни человека, своеобразную историческую память народа, а лингвокультура – «обработка» данной памяти народа с помощью языковых знаков. Лингвокультура рассматривается нами как комплексное семиотическое образование, с помощью которого реализуются способы актуализации культуры в языке.

1.1.3. Теория номинации в зеркале лингвистики XX – начала XXI века

Номинативная деятельность, отражающая процесс познания человека в окружающем мире, изучается в сфере ономазиологии [Кубрякова 1981: 127–128]. В связи с тем что в центре внимания ономазиологического подхода находится человек говорящий, данный подход вписывается в антропоцентрическое направление в лингвистике. Задача номинации заключается в поиске и исследовании закономерностей того, как «действительность, отраженная в категориях мышления, воплощается в значениях языковых форм, какое влияние оказывает мышление и практическая деятельность людей на становление и принятие языковых знаков, на их семантическую структуру и правила функционирования» [Языковая номинация. Общие вопросы 1977: 13].

В современной лингвистике проблемам теории номинации посвящены труды таких учёных, как Э.С. Азнаурова [1977], Н.Д. Арутюнова [1971], Т.А. Боброва [1974], В.Г. Гак [1977], А.Ф. Журавлев [1982], Е.С. Кубрякова [1981, 1986], Г.В. Колшанский [1976], Б.А. Серебренников [1977], Ю.С. Степанов [1977, 1981], В.Н. Телия [1981], И.С. Торопцев [1974], А.А. Уфимцева [1997] и др.

Номинация в узком аспекте понимается как обозначение предметов посредством языковых единиц [Колшанский 1976: 15]. В.Г. Гак более широко понимал номинацию содержательного аспекта и средств номинации в формально-структурном аспекте. Он полагал, что номинация – это обозначение как предметов, так и лиц, качеств, отношений, действий и событий, т.е. всего отражаемого и познаваемого в сознании человека с помощью номинативных единиц [Гак 1977: 233]. Таким образом, номинация – это процесс и результат названия [Там же: 234]. Структура номинации состоит из значения, смысла и объема обозначаемого. Выделяются три типа номинации: 1) на анализе характера обозначаемого объекта; 2) на рассмотрении внутренней формы номинативных единиц; 3) на выявлении семантической стороны номинативных единиц [Там же: 230–239].

Понимание акта номинации представляет собой главнейшее достижение современной лингвистики. Н.Д. Арутюнова [1971], Е.С. Кубрякова [1981,

1986], В.Н. Телия [1981], А.А. Уфимцева [1997] и другие представители Московской школы полагают, что номинация – это процесс наименования объекта как конкретное соотнесение с данным референтом. И.С. Торопцев [1974] и А.Ф. Журавлев [1982] рассматривают номинацию как процесс образования новых имен.

Согласно мнению В.Н. Телия, номинация рассматривается как процесс образования языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, или результат процесса именования, т.е. слово, фразеологизм, предложение и другие значимые языковые единицы служат для наименования фрагментов действительности [Телия 1990-а: 336–337].

А.А. Уфимцева считала, что номинация опосредована мышлением и является средством его объективации [Уфимцева 1997: 7–19]; Г.В. Колшанский же полагает, что номинация есть языковое закрепление понятийных признаков, представляющих собой результат абстрагирующей деятельности человека, направленной на познание наглядно-чувственной информации. Данные понятийные признаки отображают свойства предметов [Колшанский 1976: 19].

Номинация является комплексным феноменом, объединяющий лингвистические и экстралингвистические аспекты отношений лексем. Языковое значение образуется в условиях трехкомпонентной ситуации – человек, действительность и язык [Уфимцева 1977: 10]. В процессе номинации, который «отражает общественный опыт носителей языка в сознании, экстралингвистические факты превращаются в языковое значение» [Там же: 13].

Выделяются первичная и вторичная номинации. Первичная имеет прямое и непосредственное значение, а вторичная номинация, непрямая, или косвенная, формируется на основе сравнения и метафоры, предполагая «семантическое переосмысление первичного образа с включением оценочных категорий» [Телия 1986: 16]. С точки зрения Г.Н. Скляревской, языковая метафора – это «способ осуществления вторичной косвенной номинации при обязательном сохранении семантической двуплановости и образного элемента» [Скляревская 2004: 15]. Метафора есть одно из наиболее продуктивных средств формирования вторичных наименований, как фразеологизмы, обладая свойством «навязывать»

говорящим на данном языке специфичный взгляд на мир [Телия 1996: 134]. При этом навязывание способа мировидения и мышления о действительности в грамматическом, лексическом и синтаксическом диапазонах, не заслоняющее истинного понимания происходящего [Там же: 134].

В сознании человека лексические и фразеологические единицы репрезентируют разные образы, впечатления, картины и сцены. Они способны вербализовать концепт как квант структурированного знания [см.: Кубрякова 2004]. С позиции Е.С. Кубряковой, номинативный акт – результат закрепления жизненного опыта человека, тесно связан с поиском словесной оболочки для отражения результата познания им окружающего мира. Он так или иначе отражается в специфике отдельной языковой личности и целого лингвосоциума. Таким образом, номинативная единица, представляющая собой отражение жизненных циклов человека и его деятельности, опосредована языком [Кубрякова 1981].

Человек занимает центральное место в процессе номинации и представляет собой основной объект номинации. Именно на это ориентирован ряд исследований, средства номинации лиц и их особенностей исследуются в работах по теории номинации [Арутюнова 1977, Белоусова 1981, Демичева 1995, Еременко 1998 и др.]. Наименования лиц характеризуются значительной потенциальной вариативностью (ср.: *девка, девушка, девица, баба, старуха, красавица* и т.д. в русском языке), поскольку для человека характерны природная и социальная многогранность [Арутюнова 1977: 308]. Кроме того, ряд отличий в некоторых тенденциях называния в разных языках зависит от языковых и социокультурных особенностей каждого социума, собственно национального фактора, а также воздействия фактора объектного – обстоятельств и среды наречения [Сологуб 1987].

Следовательно, номинативный языковой знак, в том числе лексический и фразеологический, репрезентирует некоторую абстракцию как результат представления человека о реальности. В любом языке лексика и фразеология, представляющие собой кардинальную основу языковой картины мира,

являются базой языковой способности человека.

1.1.4. Теория поля в современной лингвистике

Полевой подход к изучению системных отношений языковых единиц в современной лингвистике представляет собой один из наиболее перспективных способов изучения объективации и моделирования языковой картины мира и её фрагментов [см. Бондарко 1984, Караулов 1972, Щур 1974]. Й. Трир как основоположник теории поля полагал, что поле является группой слов, которые «в содержательном отношении тесно связаны друг с другом и, будучи взаимозависимы, определяют значение друг друга» [Trier 1968: 10]; он впервые высказал мнение, что понимание семантического поля следует из понимания языка [Трир 1934: 177].

Возникновение понятия «семантическое поле» связано с концепциями Ф. де Соссюра о «значимости языковых сущностей» [Соссюр 1977] и В. фон Гумбольдта о «внутренней форме языка» [Гумбольдт 1984]. В современной лингвистике, теории семантического поля посвящены труды таких учёных, как Й. Трир [1934], С.Г. Бережан [1967], Б.Ю. Городецкий [1969], Г.А. Золотова [1970], Л.М. Васильев [1971], Ю.Н. Караулов [1972], Н.Г. Долгих [1973], Е.Л. Кривченко [1973], Г.С. Щур [1974], Ю.Д. Апресян [1995], Н.И. Толстой [1995], Ю.С. Степанов [1997], М.А. Кронгауз [2005] и др.

Г.С. Щур полагает, что «в качестве полей оправданно рассматривать группы элементов с общим лингвистическим интегральным признаком и способностью притягивать к себе новые элементы, обладающие таким признаком» [Щур, 1974: 106], т.е. семантическое поле понимается как категория, в основе которой лежит идея семантического сходства и «образуется множеством значений, которые имеют хотя бы один общий семантический компонент» [Апресян 1995: 252]. Семантическое поле, по мнению Э. Косериу, рассматривается как лексическая парадигма, которая возникает при делении всего лексического пространства на смысловые отрезки, соответствующие отдельным словам языка [Косериу 1969: 95].

Семантическое поле – это совокупность семантических единиц, характеризующих фиксированным сходством в каком-нибудь семантическом поле и связанных свойственными семантическими отношениями [Городецкий 1969: 173]. М.А. Кронгауз семантическим полем называет множество слов, «объединённых общностью содержания, или, говоря более конкретно, имеющих общую нетривиальную часть в толковании» [Кронгауз 2005: 130]. Он полагает, что семантическое поле – это не только объединение языковых единиц, обладающих сходным значением, но и их семантическое описание, сделанное по определённой схеме [Кронгауз 2001: 159].

Любое семантическое поле отличается иерархическим характером (ядро, центральная и периферическая части) [Караулов 1997: 458]. Оно обладает иерархической структурой многочисленных номинативных единиц, «объединённых общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определённую понятийную сферу» [Там же: 458]. И.М. Кобозева считает, что гипо-гиперонимические отношения являются основными корреляциями семантического поля, связывающие общее родовое понятие с номинативными единицами, обозначающими частные подразделения этого понятия [Кобозева 2007: 100]. Иными словами, семантическое поле понимается как ряд парадигматически связанных номинативных единиц с отдельными значениями, организованных по иерархическому принципу.

Лексико-семантическое поле представляет собой разновидность семантического поля [Васильев 1971: 107] и рассматривается как группа слов одного языка, достаточно тесно связанных друг с другом по смыслу [Караулов 1972: 57]. Н.В. Артёмова полагает, что лексико-семантическое поле – это «упорядоченное множество языковых единиц одной части речи с общим значением, которые отражают понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений и группируются вокруг ядерной части» [Артёмова 2000: 34].

Полевой подход как рациональный способ описания фразеологии стал общепризнанным в конце XX века с введением Л.И. Ройзензоном и Ю.Ю.

Авалиани термина «фразеологическое поле», который трактовался «как общность логических, и психологических сфер, равно как и собственно «бытийных» сфер, порождающих одинаковый в целом (с частичными вариациями) круг фразеологических явлений» [Ройзензон, Авалиани 1967: 74].

А.В. Кунин [1964: 418] отмечал полезность и возможность объединения фразеологических единиц в группы по семантическому признаку. Существуют три типа фразеологических полей: лексико-фразеологическое, фразеотематическое и фразеосемантическое [Ройзензон, Авалиани 1967: 74]. Фразеосемантическое поле – это один из трёх типов фразеологических полей [Ройзензон 1973; Арсентьева 1983; Кириллова 2003; Лычкина 2005 и др.], является фразеологическим полем в «чистом виде» [Кириллова 2003: 132], представляет собой один из элементов, вербализующих языковую картину мира [Волошкина 2009: 37]. Под фразеосемантическим полем принято понимать совокупность взаимообусловленных фразеологизмов, которые относятся к одной понятийной сфере, имеют общность семантической темы и характеризуются определёнными внутрисистемными отношениями между собой [Волошкина 2009: 37–39; Дьяконов 2012: 198].

Некоторые учёные, в том числе Л.И. Антропова [1978], В.П. Губарев [1985] и др., полагают, что фразеосемантическое поле рассматривается как часть общего лексико-семантического поля. В этом случае фразеосемантическая группа трактуется как подсистема в самом семантическом поле, ядро которого составляет синонимический ряд слов и фразеологизмов, «объединенных общим для них инвариантом и принадлежащих к одному стилистическому пласту» [Антропова 1978: 50]. Другие исследователи (Д.О. Добровольский [1996], В.М. Мокиенко [1995] и др.) считают, что фразеосемантическое поле – это самостоятельная система, поскольку «отождествление лексической и фразеологической идеографии чревато опасностью искажения фразеологической картины мира» [Мокиенко 1995: 4].

В основе распределения фразеологизмов по фразеосемантическим полям лежит «идентификация этих единиц отдельными лексемами,

словосочетаниями или развёрнутыми описаниями в лексикографических источниках, а также наличие интегрирующих элементов их семантики» [Волошкина 2009: 38]. Сема, будучи таким интегрирующим компонентом семантики фразеологизмов, выступает в качестве денотативно-сигнификативного компонента значения данных особых языковых единиц и представляет собой базовый элемент в формировании фразеосемантического поля. Сема – микроэлемент значения, означающий конкретные признаки денотатов [Кунин 1970]. Денотативно-сигнификативный компонент несёт информацию сознанию человека об объектах и ситуациях реальной действительности, отразившихся во фразеологических единицах [Телия 1996].

Фразеосемантическое поле, как другие языковые поля, также имеет иерархическую структуру, которая состоит из ядра и периферии [Волошкина 2009: 39]. Ср., например, ядерную зону фразеосемантических полей 'возраст/年齡' составляют единицы, которые обладают архисемой возраста, т.е. означают только возраст человека: *бальзаковский возраст*, *知命之年* [букв. в возрасте, когда человек знает волю неба] и т.д. Фразеологические единицы русского и китайского языков, обладающие дифференциальными семами и дополнительными смыслами, выступают в качестве микрополей, образующих периферию данных фразеосемантических полей: *желторотый птенец* (молодость + неопытность), *发短心长* [букв. короткие волосы и длинное сердце] (старость + мудрость) и т.д.

Таким образом, фразеосемантическое поле – это совокупность фразеологизмов, объединенных общей семантической темой и находящихся в определённых системных отношениях. Оно характеризуется семантической общностью элементов группы, разделением на микрополя и наличием иерархической структуры.

1.2. Актуальные направления современной сопоставительной лингвистики

1.2.1. Подходы к сопоставлению лексических и фразеологических единиц языков

1) лексика в китайском языке в сопоставлении с русским

Слово – это основная номинативная единица, обладающая формой (планом выражения) и значением (планом содержания), представляет собой фонетическое, морфологическое и лексико-семантическое целое [Шмелёв 1977: 49–50]. Критерии определения слова заключаются в графическом, фонетическом, грамматическом и семантическом принципах [Дронов 2015: 10], и слово характеризуется номинативностью, индивидуальностью, материальностью, структурной цельнооформленностью и воспроизводимостью [Шмелёв 1977: 50–51]. Но цельнооформленность не может считаться абсолютным признаком лексических единиц от других языковых единиц, поскольку орфографическая условность нескольких слов побуждает писать их отдельно, ср.: *back teeth* (*коренные зубы*) принято считать сложным словом [Дронов 2015: 10].

Отметим, что русский и китайский языки являются разноструктурными языками и существенно отличаются между собой, но в русском языке, как и в китайском, слова делятся на слоги. Китайские иероглифы могут обозначать отдельные звуки, слоги, морфемы, а также целые слова [Горелов 1984: 10; см. также Сунь Чансюй 1956; Ян Синьан 1957]. Так, в китайском языке слова могут быть односложными и многосложными. В древнекитайском языке односложные слова составляют около 66% [Горелов 1984: 14], а в современном китайском языке их доля примерно 15% [Хэ Хуа 1997: 62].

Китайские односложные слова являются непроизводными и несоставными словами, поскольку они лишены аффиксов и иных словообразовательных элементов и ограничены одной морфемой [Горелов 1984; Хэ Хуа 1997]. По мнению В.И. Горелова, по сравнению с русским языком, в китайском языке односложных слов несравненно больше, которые, как правило, «выражают наиболее простые понятия, означающие предметы и явления, известные человеку с глубокой древности» [Горелов 1984: 13], ср., например, 天 [*небо*], 人 [*человек*],

想 [думать] и т.д.

Односложные слова в китайском языке употребляются не только самостоятельно, но и в качестве частей для образования многосложных слов. Многосложные слова являются производными и составными словами, в составе которых имеется не менее двух морфем [Сунь Чансюй 1956]. Следует отметить, что в современном китайском языке отмечается тенденция развития двусложной структуры слова. Односложные и многосложные слова преобразовываются в двусложные, ср., например, 窗 [окно] – 窗户 [окно], 高级中学 [старшая средняя школа] – 高中 [старшая средняя школа] и т.д. [см. Горелов 1984; Хэ Хуа 1997]. Именно благодаря данной тенденции китайский язык является одним из богатейших языков мира по числу слов, и в нём непрерывно появляются новые слова [Ян Синьан 1957]. Иными словами, в современном китайском языке двусложные слова составляют подавляющее большинство.

Проблема разграничения сложных слов и словосочетаний в китайском языке одна из важнейших. Основным критерий их разграничения основан на отношениях между составляющими компонентами. Если отношения между составляющими компонентами не являются аналогами словосочетаний, то такие единицы – сложные слова, ср., например, 父母 [отец 父 + мать 母 = родители 父母], 电表 [электричество 电 + часы 表 = счетчик 电表], 男人 [мужской 男 + человек 人 = мужчина 男人] и т.д. [Ван Ляои 1954: 226]. По мнению Ван Ляои, суть отделения сложных слов от словосочетаний заключается в том, что если между составляющими компонентами можно вставлять другие языковые единицы, то рассматриваемые представляют собой словосочетания, ср.: 天亮 [небо светает] и 天一亮 [небо светает]; если они – нечленимые единицы, они понимаются как сложные слова, ср.: 男人 [мужчина].

Таким образом, как в русском языке, так и в китайском слова как основные номинативные единицы делятся на слоги. Однако роль слога в русском и китайском языках существенно отличается. В китайском языке каждый иероглиф означает слогом, который представляет собой не только звуковую, но и

смысловую единицу. Итак, односложные и многосложные слова существуют как в русском, так и в китайском языках, ср.: 雨 [дождь] – *шкаф*; 男人 [мужчина] – *лингвокультура* и т.д. Перейдём к рассмотрению сходных и различий в русской и китайской фразеологии.

2) общее представление о русской и китайской фразеологии

Фразеологизм – особая единица языка, фундаментальное описание которого отражено в работах В.В. Виноградова [Виноградов 1946; 1977]. Обобщая мнения В.В. Виноградова, В.Г. Гака, В.П. Жукова, С.И. Ожегова, З.Д. Поповой и А.И. Фёдорова, В.М. Мокиенко полагает, что фразеологизм является относительно устойчивым сочетанием лексем, обладающее воспроизводимостью, экспрессивностью и целостным значением [Мокиенко 1980: 4].

Согласно мнению В.Н. Телия, фразеологизм, характеризующийся устойчивостью, воспроизводимостью и семантическими сдвигами в значениях лексических компонентов, является общим названием семантически несвободных сочетаний слов, которые воспроизводятся «в визуально закреплённом за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определённого лексико-грамматического состава» [Телия 1997: 605]. С позиции лингвокультурологического подхода, М.Л. Ковшова считает, что фразеологизм – особый знак языка, обладающий культурной семантикой или культурной коннотацией, которая создается референцией фразеологической единицы к предметной области культуры [Ковшова 2013: 69]. Таким образом, русский фразеологизм характеризуется сверхсловностью, устойчивостью, образностью, воспроизводимостью и экспрессивностью [Баранов, Добровольский 2008: 27].

Перейдём к рассмотрению китайской фразеологии. Сян Гуанчжун полагает, что фразеологизм представляет собой сжатое и точное устойчивое выражение, который используется в долгосрочное время [Сян Гуанчжун 1982: 17]. Он отмечает, что китайские фразеологизмы имеют древние источники, восходят к древним произведениям различных жанров и обладают богатой исторической и культурной информацией [Там же: 17].

С точки зрения Ши Ши, фразеологизм – это существующая совокупность устойчивых и общепринятых словосочетаний, которые имеют целостное значение [Ши Ши 1979: 287]. Он считает, что в семантику фразеологических единиц «вплетена» историческая и культурная информация. Итак, фразеологизм имеет культурную коннотацию, которая создается референцией фразеологизма к предметной области культуры [Там же: 287]. Сюй Гоцин также полагает, что фразеологизм имеет целостное значение и культурную коннотацию. Кроме того, он отмечает, что структура китайского фразеологизма характеризуется закреплённостью, и в функциональном плане фразеологизмы подобны словам [Сюй Гоцин 1999: 125].

В свою очередь, Фу Хуайцин определил место фразеологизма в системе лексического состава китайского языка. Он полагал, что фразеологизм представляет собой важный класс лексических единиц, включающих не только лексемы, но и некоторые особые речения, а именно чэньюй, гуаньюнъюй, сехоуэй, яньюй и суюй [Фу Хуайцин 1985: 126]. Он также считал, что составляющие компоненты и модели образования фразеологизма сформированы в результате длительной речевой практики членов данного социума. Следовательно, фразеологизм как особый знак языка имеет целостное значение и культурную коннотацию и является устойчивой конструкцией [Там же: 126].

Суммируя приведенные мнения различных русских и китайских учёных, фразеологизм трактуется как явление универсальное, он как важная часть лексического состава языка представляет собой семантически несвободное, устойчивое сочетание слов, характеризуется сверхсловностью, устойчивостью, образностью, воспроизводимостью и экспрессивностью. В его семантике воплощается ценностное содержание культуры, т.е. фразеологизм представляет особый взгляд на мир, свойственный тому или иному народу и отражает его мировидение.

3) сопоставление русских и китайских фразеологизмов с позиции таксономического подхода

Отметим, что способы классификации фразеологических единиц в русском и китайском языках существенно отличаются. Рассмотрим сходное и различие в описании фразеологизмов русского и китайского языков с точки зрения таксономического подхода.

В русской фразеологии существуют разные таксономические подходы в описании фразеологизмов. Согласно первой научной классификации русских фразеологизмов, предложенной В.В. Виноградовым в 1940-е годы, они включают в себя фразеологические сращения (например, *точить лясы*), фразеологические единства (например, *подливать масла в огонь*) и фразеологические сочетания (например, *принимать меры*) [Виноградов 1946, 1977]. Очевидно, что В.В. Виноградов выделяет фразеологические единицы на основе структурно-семантического принципа. Н.М. Шанский к «виноградовским» типам фразеологизмов добавляет фразеологические выражения. Он впервые отнёс пословицы и сверхсловные номинации к фразеологизмам. Ср.: пословицы типа *волков бояться – в лес не ходить*; сверхсловные номинации типа *высшее учебное заведение* [Шанский 2015: 76].

В рамках концепции В.Л. Архангельского к фразеологии относятся все устойчивые словосочетания – «фраземы» и «устойчивые фразы». Фраземы и словосочетания одинаковы по структуре, а устойчивые фразы имеют структуру предложения [Архангельский 1964: 185]. Кроме того, в рамках концепции В.Л. Архангельского выделяется группа «грамматических фразеологизмов». Грамматический фразеологизм является семантически опустошенной фразеологической единицей, ср.: *то есть, вовсе не, как будто* и т.д. [Там же: 67].

Д.Н. Шмелев, разбирая имеющиеся классификации фразеологизмов, формулирует собственный подход к фразеологии. Он ввел термин «фразеосхема», считая, что фразеосхема – это продуктивная синтаксическая конструкция, ср.: *хоть в петлю лезь, хоть отбавляй* и т.д. [Шмелев 1977: 327–330]. В дальнейшем этот термин понимался по-разному. Такие формы называют синтаксическими фразеологизмами [Русская грамматика 1980: 383; см. также Всеволодова, Лим 2002].

В.П. Жуков выделяет идиоматические единства (например, *собаку съел*), архаизированные единства (например, *во всю ивановскую*), метафорические единства (например, *бить мимо цели*) и фразеологические единства (например, *поднимать голос*) [Жуков 1986: 85].

В.Н. Телия полагает, что ядерную часть русской фразеологии занимают идиомы (например, *мертвая хватка*) и фразеологические сочетания (например, *принимать меры*), на периферии же находятся паремии (т.е. пословицы и поговорки, например, *волков бояться – в лес не ходить*), штампы, клише и крылатые выражения (например, *лучше быть мёртвым, чем красным*) [Телия 1996: 58].

А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский, в свою очередь, анализируют фразеологические единицы в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы. Они полагают, что в русской фразеологии существуют пять типов фразеологизмов: идиомы (например, *волосы стали дыбом*), коллокации (например, *принимать меры*), пословицы (например, *волков бояться – в лес не ходить*), грамматические фразеологизмы (например, *едва не*) и синтаксические фразеологизмы (например, *Х как Х*) [Баранов 2013: 73; Баранов, Добровольский 2008: 67].

Таким образом, в русской фразеологии основную часть составляют идиомы и коллокации. В широком смысле русская фразеология включает поговорки, пословицы, крылатые выражения, а также афоризмы, прецедентные тексты и т.д.

В китайской фразеологии сохраняются разные подходы к пониманию объема фразеологического фонда. Китайские лингвисты, в том числе Сян Гуанчжун [1982: 17], Сюй Гоцин [1999: 135] и др., понимали фразеологический состав языка в узком смысле. Они полагали, что китайские фразеологические единицы включают только чэньюй (например: *金蝉脱壳* [букв. *Золотая цикада сбрасывает оболочку*]), гуаньюньюй (например: *不管三七二十一* [букв. *Не обращать внимания на то, что трижды семь – двадцать один; не обращать ни на что внимания*]) и сехоуэй, т.е. недоговорки-иносказания (например: *哑巴吃黄连 – 有苦说不出* [букв. *Держать горе в себе, трудно говорить о своих страданиях*]).

Ши Ши [1979: 287], Сунь Вэйчжан [1989: 1] и др. считают, что кроме чэньюй, гуаньюньюй и сехоуяй китайские фразеологизмы в широком смысле также включают яньюй, т.е. пословицы (например: 三百六十行, 行行出状元 [букв. Существует триста шестьдесят профессий, и в каждой можно стать мастером]), суюй, т.е. поговорки (например: 天下无难事, 只怕有心人 [букв. В мире нет трудных дел, нужны лишь усердные люди]) и гэянь, т.е. афоризмы (например: 虚心使人进步, 骄傲使人落后 [букв. Скромность помогает прогрессу, а зазнайство приводит к отставанию]).

Чэньюй и гуаньюньюй представляют собой основную часть китайской фразеологии и традиционные, специфические типы фразеологизмов по сравнению с русской фразеологией [Сунь Вэйчжан 1989]. Рассмотрим китайские чэньюй и гуаньюньюй и сопоставим их с существующими типами русских фразеологизмов с позиции таксономического подхода.

成语 (чэньюй) – важнейший и основной класс в китайской фразеологии. Иероглиф 成 (чэнь) означает готовый, а иероглиф 语 (юй) означает выражение. По своему составу подавляющее большинство фразеологизмов-чэньюй представляют собой четырёхсложные единицы. Китайские фразеологизмы-чэньюй могут быть единицами, имеющими параллельные или непараллельные конструкции. Ср.: 红男绿女 [букв. красный мужчина и зелёная женщина] – единица параллельной конструкции; 老马识途 [букв. старая лошадь знает дорогу] – единица непараллельной конструкции. Следует отметить, что структура чэньюй отличается закреплённостью, т.е. чэньюй характеризуется устойчивостью [Там же: 12].

Однако как в китайском, так и в русском языках фразеологические единицы «склонны» к трансформациям в речи. Поэтому в них возможны изменения порядка слов. Изменение порядка слов в китайских фразеологизмах непараллельной конструкции влечёт изменение смысла и условий употребления в предложении, ср.: 老马识途 [букв. старая лошадь знает дорогу] и 识途老马 [букв. старая лошадь, которая знает дорогу].

识途老马 [букв. старая лошадь, которая знает дорогу] означает опытных людей [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 974]. В семантике данной единицы возраст передаётся метафорично. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: 1) *你也不用发忧, 还有你老子是识途老马, 慢慢地来指拨你罢* (русский перевод: *Тебе не нужно беспокоиться об этом, твой отец – очень опытный человек, может давать тебе указания*); 2) *识途老马的老人不走主道, 反而带领我们徐徐走着迂回转折的窄巷* (русский перевод: *Опытный старик не идёт по главной дороге, наоборот, он ведёт нас медленно по узкому переулку*). Фразеологизм *老马识途* [букв. старая лошадь знает дорогу] означает пожилых людей, у которых имеется большой опыт, и потому они могут справиться с любым делом [Там же: 641]. Очевидно, с помощью данной единицы описывается возраст как характеристика качеств человека, проявляемых им в деятельности. В предложении данная единица употребляется в качестве сказуемого. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: *我认为, 虽年事已高, 但他老马识途, 还是可以胜任这个工作的* (русский перевод: *Мне кажется, что, несмотря на то, что он уже очень старый, но у него имеется большой опыт, он ещё может справляться с этой работой*). Фразеологизмы *识途老马* [букв. старая лошадь, которая знает дорогу] и *老马识途* [букв. старая лошадь знает дорогу] характеризуются положительной коннотацией.

Кроме того, крайне редко встречается изменение порядка слов в китайских единицах с параллельной конструкцией. Но в таком случае изменение порядка слов не влечёт изменение смысла и не влияет на условие употребления в предложении. Например, фразеологизмы-чэньюй *鹤发鸡皮* [букв. волосы журавля и кожа курицы] и *鸡皮鹤发* [букв. кожа курицы и волосы журавля]; фразеологизмы-чэньюй *鹤发童颜* [букв. волосы журавля и детское лицо] и *童颜鹤发* [букв. детское лицо и волосы журавля]. *鹤发鸡皮* [букв. волосы журавля и кожа курицы] и *鸡皮鹤发* [букв. кожа курицы и волосы журавля] означают

пожилых людей с белыми волосами и грубой кожей [Там же: 458]. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: *那位八太爷在船上找花姑娘, 找了半天, 只找到一个鸡皮鹤发/鹤发鸡皮的老太婆* (русский перевод: *Тот магистрат искал красивую девушку на борту, искал в течение длительного времени, но наконец только нашёл старуху с белыми волосами и грубой кожей*). Фразеологизмы *鹤发童颜* [букв. *волосы журавля и детское лицо*] и *童颜鹤发* [букв. *детское лицо и волосы журавля*] описывают стариков, которые выглядят хорошо и молодо [Там же: 459]. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: *如果不是亲眼所见, 你也许无法想象眼前这位鹤发童颜/童颜鹤发、乐观开朗的老先生, 就是年逾八旬的著名数学家* (русский перевод: *Если не видеть своими глазами, наверное, ты не можешь представить себе то, что перед глазами весёлый старик с белыми волосами и молоджавым лицом является известным математиком, ему уже больше восьмидесяти лет*).

Сопоставим китайские чэньюй с существующими типами русских фразеологизмов. Китайские чэньюй подразделяются на несколько видов. Первый вид составляют единицы, компоненты которых полностью переосмыслены и имеют целостное значение. По классификации русских фразеологизмов такой вид чэньюй соотносится с идиомами, которые характеризуются сверхсловностью, идиоматичностью и устойчивостью (ср.: *на дворе, вставлять палки в колеса, кот заплакал* и т.д.) [Баранов 2013: 69]. Например, китайский фразеологизм *秋风团扇* [букв. *ветер осенью поднялся, больше нельзя использовать веер*] обозначает, что пожилая женщина стала одинокой и впала в немилость; когда женщина стареет и увядает, её бросают [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 865]. Очевидно, что два составляющих компонента *秋风* [*осенний ветер*] и *团扇* [*круглый веер, опахало*] полностью переосмыслены. В Древнем Китае наложницы императора, дамы из высшего общества любили пользоваться круглым веером. С ним они выглядели изысканно. Таким образом, круглый веер может рассматриваться как символ женщины [Ван Шаохуа 2012: 43–45]. Данный фразеологизм-чэньюй показывает стереотипное

представление о женщинах, которые теряют красоту с возрастом и впадают в немилость после страстной любви. И так, как китайские чэньюй, так и русские идиомы характеризуются семантической слитностью составляющих их компонентов.

Китайские чэньюй включают и такие единицы, которые соответствуют русским крылатым выражениям и цитатам. Следует отметить, что «многие китайские чэньюй происходят из широко известных древних текстов различных жанров; зачастую в речи эти единицы имеют дополнительную культурную функцию – указывают на источник, являясь прямой цитатой из него» [Доу Чуньяо 2015: 285]. Ср., например, крылатое выражение в русской фразеологии: *Тяжела ты, шапка Мономаха!* Оно восходит к известной драме А.С. Пушкина «Борис Годунов» и является заключительными словами сцены под названием «Царские палаты». Китайская единица, например, *三十而立* [букв. в возрасте 30 лет, когда человек должен встать на ноги] является цитатой из древнейшего и известного произведения «Луньюй»: *子曰：“吾十有五，而志于学。三十而立，四十而不惑，五十而知天命，六十而耳顺，七十而从心所欲，不逾矩。”* («*论语·为政*») (русский перевод: *Конфуций говорил, что, когда мне исполнилось 15 лет, я обратил все помыслы на учёбу. В возрасте 30 лет я пытался установить цели и стать самостоятельным человеком. Когда мне исполнилось 40 лет, я чётко понял, что такое правильное, и что такое неправильное, я стал разумным человеком. Когда я находился в возрасте 50 лет, я понял свои исторические миссии и почему и откуда я пришёл в этот мир. Когда мне 60 лет, я невозмутимо, внимательно послушал мнения и разногласия других людей, понял их и правильно оценил. Когда я находился в возрасте 70 лет, я сделал так, как я думал, и одновременно не переступил правило и порядок общества.* «*Лунь Юй*»). Таким образом, данный вид чэньюй довольно многочислен, многие китайские чэньюй восходят к древним известным текстам различных жанров и тесно связаны с первоисточником. Если сопоставить классификации русских и китайских фразеологизмов, то видно, что второй вид чэньюй соотносится с крылатым выражением или цитатой, источник

которой хорошо известен носителю языка.

Третий вид китайских чэньюй напоминает русские устаревшие пословицы и афоризмы, ставшие впоследствии пословицами. Пословица, с точки зрения А.Н. Баранова, является фразеологизмом со структурой предложения, который выражает нравоучение, запрет или совет, объясняя обсуждаемое положение дел с точки зрения правил наивной логики [Баранов 2013: 76], ср.: *Ученье – свет, а неученье – тьма; Уча учишься* и т.д. В китайской фразеологии существует ряд фразеологизмов-чэньюй, сходных с русскими пословицами. Например, единица *诲人不倦* [букв. *учить других не утомимо*] происходит из древнего китайского афоризма Конфуция: *默而识之，学而不厌，诲人不倦，何有于我哉* (русский перевод: *Я беззвучно запоминал все знания, которые я узнавал. Я учусь, не зная отдыха, и учу других не утомимо. Что ещё сожалеет для меня?*). См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: *他一生勤勤恳恳，任劳任怨，为国家培养了一批又一批的栋梁之才。我们都应该向他学习，诲人不倦* (русский перевод: *Он был усердным на протяжении всей своей жизни, и даже не уклонялся от трудностей и не страшился обид. Он воспитывал многие люди государственного ума для своей Родины. Все мы должны учиться у него, надо учить других не утомимо*).

Итак, чэньюй характеризуется устойчивостью, сверхсловностью, образностью, идиоматичностью, воспроизводимостью, экспрессивностью, т.е. большинство параметров чэньюй отвечает идиомам, согласно русской фразеологии. Кроме того, некоторые виды китайских чэньюй во многом соотносятся с русскими крылатыми выражениями и пословицами, которые находятся на периферии фразеологии.

惯用语 (Гуаньюньюй) – устное творчество. Оно составляет большой пласт китайской фразеологии. *惯用* (*гуаньюнь*) обозначает привычный, а иероглиф *语* (*юй*) обозначает выражение. Итак, гуаньюньюй рассматривается как устная, короткая крылатая фразема, известная китайцам, которая обладает целостным значением [Сунь Вэйчжан 1989].

Китайские гуаньюньюй могут быть трёхсложными, четырёхсложными и даже многосложными единицами. Ср., например, трёхсложные единицы: 戴高帽 [букв. носить высокую шапку], 墙头草 [букв. трава на гребне стены], 放空炮 [букв. стрелять из пушки холостыми], 咬耳朵 [букв. шептать на ухо], 开后门 [букв. открыть задние ворота] и т.д.; четырёхсложные единицы: 打马虎眼 [букв. делать непонимающие глаза] и т.д.; многосложные единицы: 丁是丁, 卯是卯 [букв. не путать шип с пазом] и т.д. [Дай Муцзинь 1986; Ши Баои 1985].

По сравнению с китайскими чэньюй, у гуаньюньюй степень устойчивости не такая высокая. В обыденном общении между составляющими компонентами гуаньюньюй китайцы, как правило, добавляют какие-либо слова, которые не изменяют их значения. Ср.: фразеологизм-гуаньюньюй 戴高帽 [букв. носить высокую шапку] означает льстить кому-либо, делать комплименты [Фразеологический словарь китайского языка онлайн. <http://cy.5156edu.com/>]. В обыденном общении данная единица употребляется активно как 戴个大高帽. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: 你不用给我戴个大高帽, 我不喜欢阿谀奉承 (русский перевод: Ты не должен носить меня высокую шапку, я не люблю льстить и подхалимничать).

Как было показано выше, китайские чэньюй происходят из древней литературы различных жанров и имеют долгую историю. В связи с этим чэньюй преимущественно являются единицами, маркирующие книжное употребление, т.е. они бытуют в художественной литературе и представляют собой единицы высокого стиля. Однако в современном Китае также используются «чэньюй и в разговорной речи, как в целях сохранения культурного знания, так и для соблюдения речевого этикета и вежливого общения» [Доу Чуньяо 2015: 285]. По сравнению с чэньюй, гуаньюньюй – это устное народное творчество, употребляемые только в разговорной речи. Гуаньюньюй обладают богатой стилистической окраской, как правило, имеют отрицательную оценку. Гуаньюньюй реализует в устной речи переносные значения, ср.:

фразеологизм-гуаньюньюй 踢皮球 [букв. *играть в мяч*] в обыденном общении означает «отфутболивать» [Фразеологический словарь китайского языка онлайн. <http://cy.5156edu.com/>]. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: 日前, 市政府颁布了命令, 要求各级部门纠正办事拖拉, 踢皮球的作风 (русский перевод: *Несколько дней назад городское правительство издало распоряжение. В распоряжении правительство требует, чтобы все уровни департаментов корректировали медлительную стиль работы*).

Кроме того, в китайской фразеологии нередко встречаются гуаньюньюй, пришедшие из диалектов. Ср., например, единица 吃豆腐 [букв. *есть тофу*, описывает подшучивать над кем-либо] происходит из диалектов У (группа восточных диалектов – пров. Цзянсу и Чжэцзян); единица 窝囊废 [букв. *никудышная дрянь*, описывает никчёмного человека] происходит из пекинского диалекта; единица 堵窟窿 [букв. *закрывать дыру*, обозначает восполнять потери в бюджете или хозяйстве] взята из северо-восточного диалекта и т.д. [Дай Муцзинь 1986; Ши Баои 1985]. Очевидно, что в обыденном общении использование фразеологизмов-гуаньюньюй более или менее географически ограничено из-за влияния диалектов. По сравнению с фразеологизмами-гуаньюньюй, в китайской фразеологии отсутствует единица-чэньюй, которая происходит из диалекта [Дай Муцзинь 1986; Ши Баои 1985].

Сопоставим китайские гуаньюньюй с существующими типами русских фразеологизмов. Некоторые китайские гуаньюньюй сопоставимы с русскими коллокациями, которые представляют собой «слабоидиоматичные фразеологизмы со структурой словосочетания, в которых семантически главный компонент употреблен в своём прямом значении» [Баранов, Добровольский 2008: 67]. Ср., например, фразеологизм-гуаньюньюй 吃定心丸 [букв. *принять успокоительное лекарство*] означает успокоить кого-либо [Фразеологический словарь китайского языка онлайн. <http://cy.5156edu.com/>]. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: 老师公布了成绩, 给我吃了定心丸 (русский перевод: *Учитель огласил результаты, это меня успокоило*). Очевидно, что данная единица

является слабоидиоматичным фразеологизмом со структурой словосочетания, в которой главный компонент употребляется в своём прямом значении.

Некоторые китайские гуаньюньюй характеризуются высокой идиоматичностью, т.е. в них все компоненты переосмыслены. Ср., например, фразеологизм-гуаньюньюй 捡芝麻丢西瓜 [букв. подобрать кунжутное семя, но потерять арбуз] означает «больше ущерба, чем пользы» [Фразеологический словарь китайского языка онлайн. <http://cy.5156edu.com/>]. Очевидно, что составляющие компоненты 捡芝麻 [подобрать кунжутное семя] и 丢西瓜 [потерять арбуз] полностью переосмыслены. Подобные выражения обладают всеми признаками русских идиом, а именно: высокой идиоматичностью, воспроизводимостью, образностью, устойчивостью и сверхсловностью.

Таким образом, китайские гуаньюньюй характеризуются относительно слабой устойчивостью, сверхсловностью, воспроизводимостью и образностью. Они обладают богатой эмоционально-экспрессивной окраской. Кроме того, китайские гуаньюньюй включают слабоидиоматичные и высокоидиоматичные единицы, которые соотносятся с русскими коллокациями и идиомами.

В заключение проведенного сопоставительного анализа русских и китайских фразеологизмов с позиции таксономического подхода отметим, что для русских и китайских фразеологизмов характерны следующие признаки: сверхсловность, устойчивость, образность, идиоматичность, воспроизводимость, экспрессивность, а также «культуроносность». Китайские чэньюй могут соотноситься с русскими идиомами, крылатыми выражениями или цитатами, пословицами или афоризмами, а признаки китайских гуаньюньюй «отвечают» признакам русских идиом и коллокаций.

4) сопоставление лексических и фразеологических единиц языков в современной лингвистике

В современной лингвистике сопоставительное исследование лексических и фразеологических единиц в разноструктурных языках осуществляется с позиций

семантико-когнитивного (Донскова 2001, Синь На 2007, Сунь И 1998, У Джикан 1998 и др.), структурно-грамматического (Бабурин 2009, Климова 2009, Тянь Цзюнь 2001, Хэ Хуа 1997, Цзюй Цзыюй 1997, Чжан Лэй 2008 и др.), стилистического (Арсентьева 2006, Ли Чуньли 2018, Чэн Шуан 2016 и др.) и национально-культурного подходов (Баженов 1999, Инчина 2002, Рябинина 2014, Сяо Ина 2014, Титаренко 2008, У Сюэсун 2005, Цао Юнцзе 2003, Чжоу Ханьжуй 2014 и др.).

В современной российской сопоставительной лингвистике принято сопоставлять лексические подсистемы языков, как это делают В.Г. Гак [1974], И.Р. Гальперин [1980], Э.М. Медникова [1974], А.А. Уфимцева [1966] и др. В диссертационных исследованиях также отмечается интерес к сопоставительному изучению лексических единиц в русском, китайском, английском, французском, немецком и других языках [Цзюй Цзыюй 1997, Донскова 2001, Бабурин 2009, Климова 2009 и др.].

В китайской русистике активно проводится сопоставительное изучение лексики русского и китайского языков в семантическом, стилистическом и национально-культурном аспектах. Так, Синь На пыталась применить теорию прототипов, метафоры, метонимии в сопоставлении семантики русских и китайских лексем, выражающих цвет, пространство, тело человека и одежду. Посредством сопоставления она выяснила разницу русских и китайских лексем в когнитивном аспекте и проанализировала различия и сходства их семантики [Синь На 2007]. Чэн Шуан на конкретных примерах рассмотрела типы русского и китайского сетевого жаргона и их стилистику. Она выявила следующие стилистические фигуры: метафору, аллитерацию, перифразу, гиперболу, кальку и т.д., определив сходства и различия между сетевыми жаргонами русского и китайского языков [Чэн Шуан 2016]. Работа Сяо Ина посвящена сопоставительному исследованию культурной семантики русских и китайских лексем, означающих цвет. В ней детально сопоставлена культурная коннотация чёрного, белого, красного, жёлтого, зелёного и синего цветов в русской и китайской лингвокультурах [Сяо Ина 2014]. В работе Хэ Хуа впервые

детально сопоставлена система образования сложных слов и выявлены основные тенденции в образовании сложных слов в русском и китайском языках [Хэ Хуа 1997].

В российской и китайской лингвистике сопоставительное исследование фразеологических единиц языков нашло отражение в диссертационных работах Сунь И [1998], У Джикан [1998], Г.А. Баженова [1999], Тянь Цзюнь [2001], Цао Юнцзе [2003], У Сюэсун [2005], Чжан Лэй [2008], Чжоу Ханьжуй [2014], Ли Чуньли [2018] и др.

Следует обратить внимание на диссертационные работы Ли Чуньли и Г.А. Баженова. Г.А. Баженов впервые сопоставил фразеологические единицы русского и китайского языков в русле антропоцентрической парадигмы в когнитивной науке. Он впервые сопоставил существующие фразеологические концепции в русской и китайской филологии; впервые сравнил русские и китайские фразеологические единицы в рамках контрастивного анализа. Он также впервые рассмотрел проблемы национально-культурной специфики русских и китайских фразеологизмов [Баженов 1999]. Ли Чуньли впервые выявила сходства и различия русских и китайских фразеологических единиц, выражающих характер человека в семантико-когнитивном, структурно-грамматическом, стилистическом и национально-культурном аспектах [Ли Чуньли 2018].

Несмотря на то что в современной науке существуют работы, посвященные сопоставительному исследованию лексики и фразеологизмов, ни одно из этих исследований не описывает вербализацию возраста человека средствами лексических и фразеологических единиц русского и китайского языков в свете сопоставительного анализа, что призвано сделать данное диссертационное исследование.

Как указано выше, номинативные единицы включают в себя слово, словосочетание, фразеологизм и предложение [Телия 1990-а: 336–337]. Слово можно рассматривать как номинативную единицу простой структуры, а словосочетание, фразеологизм и предложение – сложные номинативные единицы. Для сопоставления лексических и фразеологических единиц с семантикой

возраста человека русского и китайского языков рассмотрим проблемы «культурной коннотации» и «внутренней формы» номинативных единиц в сопоставительном аспекте.

1.2.2. Культурная коннотация в единицах номинации русского и китайского языков

Современная лингвистика сосредоточена на изучении человеческого фактора в языке, что связано с его экспрессивной функцией, служащей выражению субъективных аспектов восприятия человеком реального мира, и реализующихся системой средств, представленных на разных уровнях языка [Лукьянова 1986: 43]. Коннотация представляет собой дополняющий компонент, входящий в семантику лексических и фразеологических единиц, который передаёт эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение человека к действительности в ходе её обозначения в высказывании [Телия 1986: 5; Чернейко 2005: 58], т.е. коннотация непосредственно соотносится с «человеческим фактором» в его когнитивно-психологическом проявлении [Телия 1990-б: 35].

И.М. Кобозева полагает, что коннотация рассматривается как «совокупность закрепленных в культуре (семантических) ассоциаций» [Кобозева 2016: 92]. Коннотация, входящая в состав лексического значения, составляет окружающую среду ядерных элементов денотативной части лексического значения [Стернин 1979], соотносится с внеязыковым значением о мире, заключённым в «рамки лингвокультуры» [Косериу 1989: 64].

Национально-культурный аспект функционирования языковых единиц рассматривается как «культурная коннотация» языковых единиц [Баранов 2013: 39]. Культурная коннотация как научное понятие лингвокультурологии впервые введено В.Н. Телия, которая считала, что культурная коннотация наиболее ярко проявляется в образных средствах – словах и фразеологизмах. Именно культурная коннотация «придает языковым знакам функцию квазиэталонов, квазистереотипов и т.п.» [Телия 1994: 15].

Национально-культурная коннотация зиждется на мировидении и

миропонимании народа. В языке «закрепляются и фразеологизируются именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и т.д., которые при употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет» [Телия 1996: 233]. Лексические и фразеологические единицы выявляют значимость определённых культурных установок для той или иной лингвокультурной общности [Язык и культура 1999: 30]. По мнению В.Н. Телия, содержание культурной коннотации видится в «ценностно осмысленных установках культуры, т.е. ментальных прескрипциях, оценивающих социальные и духовные практики человека» [Телия 2004: 27]. Культурная коннотация выполняет функцию памяти, хранения информации и рассматривается как область имплицитных конвенциональных знаний о лингвокультуре данного социума. Она также позволяет прояснить изоморфизм и алломорфизм в сопоставляемых лингвокультурах [Брагина 2007: 332–333].

Таким образом, культурная коннотация – это промежуточное звено между значением языковых единиц и культурной информацией знаков «языка» культуры. Содержание культурной коннотации кроется в части значения в ходе активации носителем языка культурного знания и даже в ценностно осмысленных установках культуры. Национальная специфика в семантике языковых единиц является результатом влияния культурных и исторических особенностей развития данного народа.

1.2.3. Внутренняя форма номинативных единиц русского и китайского языков в сопоставительном аспекте

В. фон Гумбольдт первым применил понятие «внутренняя форма» по отношению к языку и сформулировал положение о взаимосвязи характеров языка и народа. По его мнению, во внутренней форме каждого языка заключается специфика восприятия мира носителями языков [Гумбольдт 1984], т.е. для каждого языка характерна специфическая внутренняя форма, которая является выражением «народного духа», его культурной компетенции.

Л. Вайсгербер полагает, что суть различий между языками заключается в различности содержательного строя данных языков [Вайсгербер 1993: 118]. «Разная внешняя форма языка, воспринимаемая на слух, сопровождается разной внутренней формой языка, проявляющейся в соответствующих различиях, в мышлении и в поступках» [Там же: 118]. Л. Вайсгербер также считает, что с помощью внутренней формы языка можно выявлять определённый способ видения мира каждого народа, т.е. язык скрывает в своей внутренней форме определённое мировидение [Там же: 118].

По мысли А.А. Потебни, внутренняя форма слова «есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [Потебня 1989: 102]. Слово содержит «признак, взятый из значения предшествующего слова» [Там же: 212], который и указывает на внутреннюю форму языка. Внутренняя форма слова является синкретическим единством способа фиксации предмета в языковых единицах и его образа [Пищальникова, Сонин 2017: 409].

Д.Н. Шмелев отмечал значимость внутренней формы для семантики фразеологизмов [Шмелев 2006: 269–272]. Фразеологизм возникает на основе образа, представляющего собой часть денотативного значения. Образ фразеологизмов, который «создается живой внутренней формой, обеспечивающей образно-ассоциативное восприятие исходного фрейма или ситуации» [Прокопьева 1996: 45].

Внутренняя форма как часть плана содержания фразеологизма проявляется в разных аспектах его употребления, в том числе и внутренней формы – в языковой игре, ироническом употреблении идиом, народной этимологии и эвфемизации [Баранов 2013: 133–145]. Итак, внутренняя форма фразеологизмов представляет собой сложное образование, которое является существенной частью плана содержания фразеологизмов. Внутренняя форма – это образ, на который указывает лексическая структура фразеологизмов. Она рассматривается нами как часть знаний человека о мире. Образность является отличительной особенностью фразеологизмов по сравнению с лексемами.

Таким образом, внутренняя форма языка рассматривается как отражение специфичности культуры данного социума с помощью языковых знаков. В любом языке представлен изоморфизм, связанный с ограничением объективной реальности, и алломорфизм, который проявляет специфику национального способа мышления, отражая мир с точки зрения носителей данной лингвокультуры. Это позволяет говорить о языке как о форме отражения мировидения.

1.3. Методы сопоставления лексических и фразеологических единиц русского и китайского языков

В процессе сопоставления номинативных единиц русского и китайского языков, репрезентирующих возраст человека, в первую очередь, используется метод анализа словарных дефиниций лексем и фразеологизмов. Для сопоставительного анализа лексико-семантических полей 'возраст/年齡' следует сопоставить лексикографические данные гиперонимов данных полей – лексем *возраст/年齡* и их гипонимов: рус. *детство, отрочество, юность, молодость, зрелость* и *старость*; кит. *童年* [детство], *少年* [юность], *青年* [молодость], *壮年* [зрелость], *中年* [средний возраст] и *老年* [старость] [БТС 2004; Толковый словарь современного китайского языка 2012]. Сопоставительный анализ словарных дефиниций данных лексем в русском и китайском языках включает следующие процессы: во-первых, по лексикографическим данным проводится компонентный анализ словарных дефиниций соответствующих лексем русского языка из толковых словарей; во-вторых, по данным лексикографических источников проводится компонентный анализ словарных дефиниций соответствующих лексем китайского языка из толковых словарей; в-третьих, по словарным данным проводится сопоставительный анализ компонента значения каждого из эквивалентов в русском и китайском языках.

Возьмём в качестве примера словарные дефиниции лексем *возраст/年齡*

в русском и китайском языках. Заметим, что толкования значения лексем *возраст/ 年齡* в разных толковых словарях в целом сходны. По лексикографическим данным русского и китайского языков, общие компоненты словарных дефиниций лексемы *возраст* представляет собой «период в развитии человека», а общие семантические компоненты словарных дефиниций лексемы *年齡* [*возраст*] – «количество лет, в течение которых человек уже прожил». Очевидно, что в целях отражения особенностей представления о возрасте человека носителей русской и китайской лингвокультур следует сопоставить словарные дефиниции лексем *возраст/ 年齡*.

Отметим, что анализ словарных дефиниций является основной частью методов анализа средств концептуализации информации в современной лингвистике. Сопоставительный анализ словарных дефиниций лексем *возраст/ 年齡*, *детство/ 童年*, *молодость/ 青年*, *зрелость/ 壮年*, *старость/ 老年* и других номинативных (лексических и фразеологических) единиц, репрезентирующих возраст человека, позволит выявить изоморфизм и алломорфизм в отношении способа отражения мира или пути моделирования мира в русской и китайской лингвокультурах. В связи с тем что внутренняя форма языкового знака фиксирует способ отражения или путь моделирования действительности, языковой знак содержит культурно значимую информацию. Таким образом, в языке на этапе именованья происходит процесс культурного освоения действительности.

С помощью метода анализа словарных дефиниций мы можем отнести все языковые единицы, имеющие некий общий компонент значения, к лексико-семантическим или фразеосемантическим полям '*возраст/ 年齡*' в русском и китайском языках. Итак, в целях исследования семантики лексических и фразеологических единиц метод полевого анализа также занимает важное место. Некоторые лексические и фразеологические единицы русского и китайского языков, означающие только возраст человека, составляют ядерную и центральную части лексико-семантических и фразеосемантических полей '*возраст/ 年齡*', ср., напр., *детство/ 童年*, *девушка/ 姑娘*, *бальзаковский возраст*, *耳顺之年* [букв.

в возрасте, когда уши стали мне послушны] и др. Кроме того, в ходе анализа словарных дефиниций языковых единиц мы заметили, что многие лексические и фразеологические единицы русского и китайского языков характеризуют не только возраст человека, но и его другие дополнительные признаки (внешность, физическое состояние, черты характера, социальный статус и т.д.). Данные единицы составляют периферийную часть данных полей. Ср.: *жеребец* (возраст и внешность), *壮汉* [молодец] (возраст и физическое состояние), *от горшка два вершка* (возраст и внешность), *老马识途* [букв. старая лошадь знает дорогу] (возраст и черты характера) и т.д.

На втором этапе нашего исследования по данным национального корпуса русского и китайского языков проводится исследование содержательной стороны значений отдельных лексических и фразеологических единиц с семантикой возраста человека. В процессе второго этапа исследования используются методы контекстного и компонентного анализа.

Метод компонентного анализа – это метод изучения содержательной стороны значимых языковых единиц. Цель данного метода заключается в разложении значения единиц на минимальные семантические составляющие [Лингвистический энциклопедический словарь <http://lingvisticheskiy-slovar.ru/>]. Метод компонентного анализа значений языковых единиц основан на концепции таких учёных, как И.М. Кобозева [2016: 114], Л.О. Чернейко [2013: 183], З.Д. Попова и И.А. Стернин [2007: 194]. По мнению И.М. Кобозевой, метод компонентного анализа словарных дефиниций представляет собой основной метод описания лексического значения языковых единиц, так как «значение слова состоит из набора семантических компонентов» [Кобозева 2016: 114]. Л.О. Чернейко дополняет: компонентный анализ словарных дефиниций слов, по существу «строится на повторяемости семантических элементов» [Чернейко 2013: 183]. Метод, предложенный З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, заключается в использовании нескольких словарей и формулировке обобщающих дефиниций определённого значения. По мнению исследователей, цель анализа заключается в

получении описания лексических значений в виде семантических компонентов [Попова, Стернин 2007: 194].

В описании семантики языковых единиц компонентный анализ дополняется методом контекстного анализа. Контекстный анализ языковых единиц при их употреблении в речи позволил выявить всесторонние характеристики семантики данных единиц [Дягилева 2002: 60], поскольку любая языковая единица, являющаяся элементом коммуникации, тесно связана с другими. Это связано с тем, что «коммуникативный аспект семантики единиц не равнозначен таким категориям, как реляционное и субстанциональное содержание языковых единиц» [Колшанский 1980: 27]. Поэтому значения этих единиц могут раскрываться с помощью анализа контекста. Иными словами, лексическая и контекстная семантика существенно отличаются по материалу, методам и цели [Там же: 15–27]. В некоторых случаях наблюдается абсолютное несовпадение контекстуальных и словарных значений языковой единицы [Шаховский 1986: 21]. С точки зрения В.И. Шаховского, «словарная дефиниция и толкуемый эмотив никогда не являются адекватными друг другу», что подтверждается элементарным экспериментом на их взаимозаменяемость [Шаховский 1983: 62]. Итак, контекстный анализ представляет собой важный метод нашего исследования. Он рассматривается как анализ части через целое. Ср., по данным словарных дефиниций, лексема *девочка* означает ребёнка или подростка женского пола или молодую и неопытную девушку [БТС 2008: 244]. Но данная лексема в разговорной речи может обозначать взрослую женщину. Ср. в [НКРЯ]: *Есть женщины как женщины, а от актрисы требуется экстравагантность, но у тебя один только муж, и больше тебе никого не надо, ведь ты обыкновенная женщина, сколько же лет тебе понадобилось, чтобы понять это? – Ну что, девочки? – улыбнулась Таня* [Василий Аксёнов. «Пора, мой друг, пора» (1963)]. По данным словарных дефиниций, фразеологизм 金童玉女 [букв. *золотой мальчик и нефритовая девочка*] означает простодушных и наивных детей [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 563]. В разговорной речи данный фразеологизм может обозначать молодых людей, которые «сохраняют»

детские качества. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: *他英俊潇洒, 他女朋友年轻貌美, 他们俩真是金童玉女, 天生一对啊* (русский перевод: *Он талантливый и блестящий, его девушка молодая и красивая. Действительно, они – предопределённая судьбой пара, как золотой мальчик и нефритовая девочка*).

В процессе исследования сопоставительный и лингвокультурологический методы важны для сравнения единиц русского и китайского языков, особенно фразеологизмов. Так, сопоставительный метод во фразеологии – это совокупность приёмов и методик сопоставительного анализа фразеологизмов, используемая для выявления общего и специфичного в фразеологизмах двух языков [Кодухов 1974: 273], т.е. цель синхронного сопоставления фразеологизмов двух языков заключается в выявлении существенных межъязыковых сходств и различий [см. Райхштейн 1980]. Сопоставительное исследование фразеологизмов двух языков может осуществляться на разных уровнях обобщения материала, например, возможно сопоставление отдельных фразеологических единиц, фразеосемантических групп, структурных разрядов фразеологии и целых фразеологических систем [Левицкий, Славова 2006: 40]. Ср., например, отдельные близкие по значению фразеологизмы со значением 'возраст', фразеосемантические группы (напр., фразеосемантическая группа «возраст + внешность»), таксономический подход к классификации фразеологизмов. Таким образом, сопоставление фразеологических единиц языков даёт возможность не только более чётко вскрыть специфику русских и китайских фразеологизмов, но и познать их общеязыковые и индивидуально-языковые свойства.

Лингвокультурологический метод также важен для сопоставления фразеологизмов разных языков. По сравнению с лексическими единицами, фразеологизмы являются особыми знаками языка и культуры, обладая «культурноносностью» и воплощая ценностное содержание культуры в своей семантике. Лингвокультурологический анализ во фразеологии заключается в выявлении этноспецифичности фразеологических образов в сопоставляемых лингвокультурах, а также сходного и национально-культурного во

фразеологии [Ковшова 2014: 115]. Итак, сопоставительное лингвокультурологическое исследование фразеологизмов с семантикой возраста заключается в том, что требует проведения лингвистического и культурологического анализа.

Лингвистический анализ заключается в том, что сопоставляются план выражения и план содержания. При сопоставлении плана выражения фразеологизмов, следует анализировать грамматические особенности единиц, в том числе повехностно-морфологических и поверхностно-синтаксических и т.д. Для сопоставления плана содержания сопоставляемых единиц надо рассмотреть компоненты значения фразеологизмов (денотативный, сигнификативный, мотивационный и эмотивно-оценочный) [Там же: 116]. Ср., например, близкие по значению фразеологизмы русского и китайского языков *молоко на губах не обсохло* и *乳臭未干* [букв. *запах молока ещё не исчез*]. Они сходные по плану выражения, в которых имеется частица «не», которая выражает отрицание, т.е. «человек не вырос». В предложении они употребляются в качестве части сложного предложения или самостоятельного высказывания. Данные единицы также сходные по плану содержания, т.е. они имеют подобные денотативный, сигнификативный, мотивационный и эмотивно-оценочный компоненты значения (см. подробнее Главу 3).

Цель культурологического анализа заключается в выявлении этимологической, страноведческой и культурологической информации; смысла безэквивалентной лексики; исходных оппозиций; концептуальных «схем», лежащих в основе внутренней формы фразеологизмов; «следов» древнейших представлений о мире, явленных в образе [Там же: 117]. Так, образ, создаваемый этими единицами, основан на антропной метафоре, уподобляющей молодого (или юного) и неопытного (или несамостоятельного) человека грудному младенцу, который кормится материнским молоком. Данные фразеологизмы показывают представление русских и китайцев о юном или молодом человеке, неопытном, несамостоятельном, плохо знающем жизнь, который не сможет справиться с серьёзными делами (см. подробнее Главу 3).

В данной работе сопоставительное лингвокультурологическое исследование фразеологизмов русского и китайского языков осуществляется посредством рассмотрения культурной информации, культурной коннотации, заложенной в содержании исследуемых фразеологизмов, вследствие чего сопоставляемые лингвокультуры приобретают более яркие и характерные черты.

1.4. Сопоставление семантических полей 'возраст/年齡' в русском и китайском языках

1.4.1. Семантическая основа

Возраст представляет собой ключевой параметр для характеристики развития живой и неживой системы [Мухранова 2006: 14; Доу Чуньяо, Ковшова 2016: 228]. Согласно количественным и качественным признакам мы выделяем два основных типа возраста: абсолютный (календарный, хронологический) и условный (возраст развития) соответственно [Мухранова 2006: 14]. Хронологический возраст исчисляется временем со дня рождения в календарной системе, обозначая рамки и протяженность жизни [Ананьев 2001: 158], а условный возраст «определяется путем установления местоположения объекта в эволюционно-генетическом ряду, в процессе развития на основании неких качественно-количественных признаков» [Мухранова 2006: 14] и соотносится с онтогенетическим понятием «топологическое время», характеризующим качественную сторону времени [Ананьев 2001: 158].

Выделение возрастных групп имеет общие биологические основания для социума, но отнесение человека какого-либо возраста к какой-либо возрастной группе и типичное представление о каждом возрастном периоде (особенно положительная или отрицательная оценка молодости и старости) могут быть различными в разных социумах и даже в разные исторические эпохи в одном социуме, поскольку выделение возрастных групп во многом определяется социальной структурой общества и культуры [Фойт 1977: 183].

Возраст как объект изучения широко и активно исследуется в области социологии и психологии. В русской и китайской психологии учёные в основном уделяют внимание следующим проблемам: изучение особенностей жизненного пути человека и возрастных этапов его развития (А.Н. Леонтьев [1983], С.Л. Братченко [1997], А.В. Толстых [1998], Л.Б. Волынская [2000], В.М. Русалов [2006], И.В. Солодникова [2001], В.В. Солодников [2009], Цзэн Вэньсин [1987], Чэнь Мэй [1989], Цай Шугэ [1992] и др.), психологического развития личности в различные возрастные периоды (С.Г. Якобсон [1984], Л.С. Выготский [1991], В.И. Слободчиков [1995], И.С. Кон [1999], Б.С. Волков [2004], Гу Мэнхун [1992], Чжан Линь [1998], Дун Маньцзай [2001], У Сигаи [2005] и др.), психологических особенностей людей среднего возраста (И.С. Кон [1978], А.В. Петровский [1990], Чжан Вэйши [1987], Лю Чжэньхуа [1987], Лу Цзянь [1998], Ли Шуин [2002], Сун Пин [2010] и др.). В русской и китайской социологии возраст человека в рамках исследования жизненного пути и биографии личности рассматривают Е.Ф. Молевич [2001], Г.В. Дыльнов [2003], Т.А. Нестик [2003], М.А. Мануильский [2005], У Хуэймин [1990], Чжу Чучжу [1991], Чэнь Цзялинь [1992], Гун Сяоли [2005], Чжао Цзяхуа [2012] и др.

Кроме того, возраст человека как основное понимание также имеет правовое значение. Например, в определённом возрасте наступает право на получение пенсии. С 2019 г. пенсионный возраст в России повышают (мужчинам – до 65 лет, а женщинам – до 60 лет); а в Китае в последние годы пенсионный возраст также повысился (мужчинам – до 65 лет, а женщинам – до 60 лет). Согласно Закону «Об образовании» РФ и КНР, в России в школу принимают детей, начиная с 6,5 лет и не позже 8 лет, а в Китае дети 7 лет должны идти в школу. В России первый устанавливающий личность документ выдают гражданину, достигнувшему 14 лет, а в Китае – гражданину, достигнувшему 16 лет. Согласно законам РФ и КНР, в России люди могут выходить замуж или жениться в 18 лет, а в Китае вступить в брак могут мужчины с 22 лет, для женщины – с 20 лет.

Для глубокого понимания возраста в русской и китайской языковых картинах мира следует рассмотреть толкования лексем *возраст* и 年齡 [*возраст*] в

русском и китайском языках на основе компонентного анализа словарных дефиниций данных лексем. По данным толковых словарей русского и китайского языков, лексемы *возраст* и 年龄 [*возраст*] имеют следующие значения (см. таблицу 1).

Таблица 1

№	Словарные дефиниции лексемы <i>возраст</i> русского языка	Словарные дефиниции лексемы 年龄 [<i>возраст</i>] китайского языка
1	«Период, степень в росте, развитии каждого человека» [БТС 2004: 115];	人或动植物已经生存的年数 (现代汉语词典, 947 页) (рус. перевод: «количество лет, в течение которых человек или животное и растение уже прожили» [Толковый словарь современного китайского языка 2012: 947]);
2	«1. Период, ступень в развитии, росте кого-чего-н. возраста человека, животного, растения. 2. Количество прожитого времени, лет» [Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов 2007: 105];	人或动植物已经生存的年数(在线汉语大辞典 http://www.hydc.com/) (рус. перевод: «количество лет, в течение которых человек или животное и растение уже прожили» [Большой словарь китайского языка онлайн: http://www.hydc.com/]);
3	«1. Количество прожитых лет; период в жизни человека, животного. 2. Период с момента появления чего-л.; ступень в росте, развитии чего-л.» [БТС 2008: 144–145];	人或动植物已经生存的年数(百度汉语词典 https://hanyu.baidu.com/) (рус. перевод: «количество лет, в течение которых человек или животное и растение уже прожили» [Толковый словарь китайского языка Baidu онлайн: https://hanyu.baidu.com/]);

4	«Количество времени от рождения кого-н.; период в развитии человека, животного, растения» [Лопатин, Лопатина 1997: 61];	人或其他生物已经生存的年数(在线汉语字典 http://xh.5156edu.com/) (рус. перевод: «количество лет, в течение которых человек или другие живые существа уже прожили» [Толковый словарь китайского языка онлайн: http://xh.5156edu.com/]);
5	«1. Период, ступень в развитии, росте кого-чего-н возраста человека, животного, растения. 2. Количество прожитого времени, лет» [Ожегов, Шведова 1995: 90];	人或其他生物已经生存的年数(在线汉语词典 https://cidian.51240.com/) (рус. перевод: «количество лет, в течение которых человек или другие живые существа уже прожили» [Словарь китайского языка онлайн: https://cidian.51240.com/]);
6	«Период, ступень в развитии, росте человека, животного, растения» [Ожегов 1978: 86].	人或其他生物已经生存的年数(在线词典网 http://www.cidianwang.com/) – (рус. перевод: «количество лет, в течение которых человек или другие живые существа уже прожили» [Словарные сети онлайн: http://www.cidianwang.com/]).

Как видим, толкования значения лексемы *возраст* в разных толковых словарях в целом сходны. Толкования лексемы *возраст* в словарях № 2 и № 5 полностью совпадают. В толкованиях № 2, № 4, № 5, № 6 существуют общие компоненты: «период в развитии человека, животного, растения»; а в толковании № 1 только указан компонент значения: «период в развитии человека». Компонент значения слова *возраст* «количество прожитого времени / лет» представляет собой общий компонент в толкованиях в словарях «Толковом словаре русского

языка с включением сведений о происхождении слов» [ТСРЯ 2007: 105], «Толковом словаре русского языка» [Ожегов, Шведова 1995: 90], и «Большом толковом словаре русского языка» [БТС 2008: 144–145]. Кроме того, в толковании «Большого толкового словаря русского языка» [БТС 2008: 144–145] существует специфичный компонент значения, который отсутствует в других толковых словарях: «период с момента появления чего-л.»; в толковании «Русского толкового словаря» [Лопатин, Лопатина 1997: 61] также есть специфический компонент: «количество времени от рождения кого-н.». Данные компоненты значения в этих двух словарях фокусируют внимание на том, что возраст рассчитывается с момента появления или рождения кого-чего-н.

По сравнению с русскими словарными толкованиями, приведенные китайские толкования значений *年齡* [*возраст*] сходны. Толкования № 1, № 2 и № 3 полностью совпадают, и толкования № 4, № 5 и № 6 также полностью совпадают. Общий семантический компонент представляет собой «количество лет, в течение которых человек или <...> уже прожили». Отличие между толкованиями № 1, № 2 и № 3 и толкованиями № 4, № 5 и № 6 заключается в том, что первые три толкования указывают то, что возраст – это количество прожитых лет жизни человека, животного и растения; а последние три толкования указывают то, что возраст – это количество прожитых лет жизни человека и других живых существ.

По данным словарей синонимов русского и китайского языков, предлагается синонимический ряд для лексем *возраст* и *年齡* [*возраст*]: *года/годы, лета* в русском языке [Александрова 2010: 61; Словарь синонимов русского языка 2002: 69] и *年紀* [*лета*], *岁数* [*число лет*], *年事* [*годы, лета*], *年岁* [*период времени*] в китайском языке [Словарь Цы Лин онлайн: <http://www.cilin.org>]. ГОД – «только мн.: годы и года, годов. Возраст» [БТС 2008: 213]; ЛЕТА – «лет, летам; мн. 1. Годы. 2. Возраст» [Там же: 494]. Лексемы *возраст, года/годы* и *лета* употребляются в письменной и разговорной речи, имеют нейтральную коннотацию.

Лексема *年紀* [*лета*]: (人的) 年龄, 岁数 (现代汉语词典, 946 页) – (русский перевод: *年纪* – «количество лет, в течение которых человек уже прожил; период

в жизни человека, возраст человека» [Толковый словарь современного китайского языка 2012: 946]); единица 年岁 [период времени]: 1) 年纪, 2) 年代 (现代汉语词典, 947 页) – (русский перевод: 年岁 – «1) возраст человека; 2) годы (десятилетия)» [Там же: 947]); лексема 年事 [годы, лета]: (书) 年纪 (现代汉语词典, 947 页) – (русский перевод: 年事 – «письменная речь, количество лет, в течение которых человек уже прожил; период в жизни человека, возраст человека» [Там же: 947]); лексема 岁数 [число лет]: (口语) 人的年龄 (现代汉语词典, 1246 页) – (русский перевод: 岁数 – «разг., период в жизни человека, возраст человека» [Там же: 1246]). По данным толковых словарей китайского языка, по сравнению с 年龄 [возраст], лексемы 年纪 [лета], 岁数 [число лет] и 年事 [годы, лета] описывают только возраст человека, а не возраст животного или растения. Стоит обратить внимание на 年岁 [период времени], оно означает не только возраст человека, но и время. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: 1) 因为年岁久远, 我已经把这件事忘得一干二净了 – (русский перевод: Я уже полностью забыл это дело, потому что оно случилось много лет назад); 2) 古人们一遇到大旱年岁, 就得外出逃荒 – (русский перевод: Когда древние люди встретили катастрофический маловодный год, они должны сбежать из голодающих мест). Кроме того, следует обратить внимание на стилистические особенности данных лексем. Лексемы 年纪 [лета] и 年岁 [период времени] употребляются в письменной и разговорной речи, 岁数 [количество лет] употребляется в разговорной речи, а 年事 [годы, лета] является единицей высокого стиля, т.е. оно относится к письменной речи. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: 1) –您今年多大岁数? –我今年80了 – (русский перевод: – Сколько Вам лет в этом году? – Мне в этом году исполнилось 80 лет); 2) 他们外婆年事已高, 他们两个舅舅都到外州县做事情去了 – (русский перевод: Их бабушка очень старая, и их оба дяди уехали в другие округа и уезды, чтобы делать что-либо).

Очевидно, что словарные толкования лексем *возраст/年龄* в русском и

китайском языках отличаются между собой. При этом перед нами стоит задача сопоставления значений лексем *возраст* и 年齡 [*возраст*] для отражения особенностей мировоззрения и миропонимания носителей русского и китайского языков. По мнению В.И. Заботкиной, культурный смысл значения слова «кодирует концепты, понятия, явления культуры нации» [Заботкина 2014: 103]. Очевидно, что в современном китайском языковом сознании слово 年齡 [*возраст*] соотносится только с количеством прожитых лет, а не с возрастными периодами. Все словарные толкования показывают, что у человека, животного и растения, т.е. всех живых существ, есть возраст. По сравнению с толкованиями в китайской лексикографии, многие толкования в русских лексикографических источниках подчёркивают возраст – период, ступень или степень в росте и развитии. Кроме того, не все словарные толкования четко показывают то, что у всех существ (человека, животного, растения) есть возраст. Например, согласно «Большому толковому словарю» [БТС 2004: 115], лексема *возраст* означает период в развитии каждого человека; в «Большом толковом словаре» [БТС 2008: 144–145] *возраст* обозначает период в жизни человека или животного. На наш взгляд, анализ дефиниций лексем *возраст* / 年齡 в толковых словарях русского и китайского языков поможет нам узнать типичное представление китайцев и русских о возрасте, позволит выявить сходства и различия в представлениях о возрасте между китайцами и русскими.

Что касается классификации возрастных периодов развития человека, то во всём мире, в том числе в России и Китае, существуют разные подходы. Кроме того, в современном мире наблюдаются тенденции продления возрастных границ, и особенно среднего и старшего возраста.

В 1965 г. на симпозиуме Академии педагогических наук СССР была принята следующая возрастная периодизация: от 1 до 10 дней – новорождённые, от 10 дней до 1 года – грудной ребёнок, от 1 до 2 лет – раннее детство, от 3 до 7 лет – первый период детства, от 8 до 12 лет (муж.) и от 8 до 11 лет (жен.) – второй период детства, от 13 до 16 лет (муж.) и от 12 до 15 лет (жен.) – подростковый

возраст, от 17 до 21 года (муж.) и от 16 до 20 лет (жен.) – юношеский возраст, от 22 до 35 года (муж.) и от 21 до 35 лет (жен.) – первый период среднего возраста, от 36 до 60 года (муж.) и от 36 до 55 лет (жен.) – второй период среднего возраста, от 61 до 75 года (муж.) и от 56 до 75 лет (жен.) – пожилой возраст, от 76 до 90 лет – старческий возраст, старше 90 лет – долгожители [Источник: <https://lektsii.org/2-59227.html>].

В «Малой медицинской энциклопедии» указаны следующие возрастные периоды человека: период новорожденности (первые 4 недели), грудной период (от 4 недель до 1 года), раннее детство (1–3 года), дошкольный возраст (3 года – 6–7 лет), младший школьный возраст (6–7 лет – 10–12 лет), подростковый период (10–12 лет – 17–18 лет), юношеский период (17–21 год для мужчин, 16–20 лет для женщин), первый период зрелого возраста (21–35 лет для мужчин, 20–35 лет для женщин), второй период зрелого возраста (35–60 лет для мужчин, 35–55 лет для женщин), пожилой возраст (60–75 лет для мужчин, 55–75 лет для женщин), старческий возраст (75–90 лет) и долгожители (90 лет и более) [Малая медицинская энциклопедия 1991].

Г.С. Абрамова указывает более подробно содержательную сторону возрастных периодизаций развития жизни человека. Согласно её мнению, возрастные границы должны быть следующими: от 18 до 22 года – юность, от 23 до 30 лет – взросление, от 30–36 года – переходный возраст, от 36–55 лет – зрелость, от 55–65 лет – пожилой возраст, а старость – старше 65 лет [Абрамова 2001]. В.Н. Шабалин представляет собой российский учёный-медик, геронтолог, гематолог и иммунолог. Согласно его мнению, верхняя граница молодого возраста повышается до 45 лет, 45–60 лет – период среднего возраста жизни человека, 60–74 – пожилой возраст, а старость наступает в 75 лет [Шабалин 2015: 33]. Указывается также тенденция отсроченного наступления старости в России, т.е. в настоящее время сроки наступления старости отодвинулись. Сходные тенденции и наблюдаются в Китае. В Древнем Китае, согласно физиологическим характеристикам процесса роста человека, его жизнь была условно разделена на девять этапов по десяти лет: '幼' [букв. *ребяческий, младенческий*], '弱' [букв.

юный], '壮' [букв. совершеннолетний], '强' [букв. крепкий], '艾' [букв. зрелый], '耆' [букв. старый], '老' [букв. старческий], '耄' [букв. престарелый], '期' [букв. долголетний] [Ли-Цзи. Записки о совершенном порядке вещей, правления и обрядов].

Таким образом, человек в возрасте 10 лет (т.е. в периоде 幼) должен учиться в школе. В возрасте 20 лет (т.е. в периоде 弱) он проходит обряд совершеннолетия и становится взрослым человеком. Человек в возрасте 30 лет (т.е. в периоде 壮) может жениться и иметь детей. В возрасте 40 лет (т.е. в периоде 强) человек легко справится со своей работой. Человек в возрасте 50 лет (т.е. в периоде 艾) может стать чиновником. Когда человек достигает возраста 60 лет (т.е. в периоде 耆), он становится высокомерным и может отдавать приказы другим. В возрасте 70 лет (т.е. в периоде 老) он уже стар и в это время должен передать свой опыт другим. В возрасте 80–90 лет человек должен заботиться о своём долголетии. Причина, по которой древние китайцы разделили жизнь людей на возрастные группы, является результатом накопления многолетнего опыта.

Согласно мнению Луо Чуня, выделяются следующие периоды жизни человека, 婴幼儿期 [младенчество] – до 3 года, 童年 [детство] – 4–13 лет, 少年 [юность] – 14–19 лет, 青年 [молодость] – 20–39 лет, 壮年 [зрелость] – 40–59 лет, 实年 [средний возраст] – 60–69 лет, 老年第一阶段 [первый период старости] – 70–79 лет, 老年第二阶段 [второй период старости] – 80–89 лет, 老年第三阶段 [третий период старости] – 90–99 лет, 百岁老人 [столетний старец] – с 100 лет [Луо Чунь 2017: 20]. Более того, в Китае также существует особая классификация возрастной периодизации, которая фокусируется на социальном положении жизни человека: до 20 лет – начало пути жизни человека, до 40 лет – это возрастной период, когда человеку надо выполнить общественные обязанности, до 50 лет – это возраст, когда человек должен познать собственные заблуждения, до 60 лет – последний период творческой жизни человека, с 70 лет начинается старость [Там же: 20–21].

Считается, что причина наблюдения тенденций продления возрастных границ жизни человека заключается в том, что средняя продолжительность жизни человека в современном мире выросла и продолжает расти. В начале XIX века средняя продолжительность жизни в мире составляла не более 40 лет. До 1800 г. лишь элита в Европе жила дольше 40 лет. Ожидаемая средняя продолжительность жизни китайских аристократов составляла 32 года в конце 1830 г. После индустриализации средняя продолжительность жизни человека во всём мире значительно возросла. В настоящее время по России ожидаемая средняя продолжительность жизни составляет 71,39 лет: у мужчин – 65,92 года и у женщин 76,71 лет; а в Китае ожидаемая средняя продолжительность жизни составляет 76,7 лет: у мужчин – 74,54 года и у женщин – 79,43 лет.

На увеличение средней продолжительности жизни человека оказали значительное положительное влияние различные факторы: развитие программ оздоровления общества, прогресс медицинского обслуживания, улучшение условий жизни и работы, воспитание спортивного духа и заинтересованности людей в здоровом образе жизни. В связи с увеличением средней продолжительности жизни человека временная шкала также может изменяться [Шабалин 2015: 33].

Таким образом, возраст в наивно-языковой картине мира – важный параметр для характеристики жизненной активности человека, его физического состояния и черт характера, социального положения, поведения и деятельности. Кроме того, возраст характеризует не только человека и этапы его жизнедеятельности, но и окружающий мир, который представляется антропоморфным. В современном мире, в том числе в России и Китае, наблюдаются демографические тенденции, которые ведут к изменению статуса возрастных групп и их границ, особенно между зрелым и старым возрастом. По мере увеличения средней продолжительности жизни человека и тенденций позднего наступления старости возрастные границы между молодостью и зрелостью, зрелостью и старостью могут изменяться. Несмотря на это, основные возрастные периоды жизни человека в русской и китайской лингвокультурах всё же остаются

неизменными. Они включают *детство/童年*, *молодость/青年*, *зрелость/壮年* и *старость/老年*. Рассмотрим структурные особенности семантических полей 'возраст/年齡' в русском и китайском языках.

1.4.2. Структурные особенности

Очевидно, что возраст человека реализуется в семантике таких абстрактных существительных, которые прямо означают основные возрастные периоды его жизни. По лексикографическим данным русского языка лексемы, которые являются номинациями основных возрастных периодов, включают *младенчество*, *детство*, *отрочество*, *юность*, *молодость*, *зрелость* и *старость*. Согласно лексикографическим данным китайского языка наблюдается другая картина: в китайском языке выделяются *幼年* [*младенчество*], *童年* [*детство*], *少年* [*юность*], *青年* [*молодость*], *壮年* [*зрелость*], *中年* [*средний возраст*] и *老年* [*старость*].

Анализ номинации возрастных периодов в русском и китайском языках поможет раскрыть структурные особенности семантических полей 'возраст/年齡' в русском и китайском языках. Во-первых, русские и китайские толковые словари показывают, что *младенчество* – это раннее детство, т.е. оно входит в рамки детства. Кроме того, возрастные периоды *детство*, *юность*, *молодость*, *зрелость* и *старость* отражаются как в русском, так и в китайском языках. Отличия в том, что в русской лингвокультуре между *детством* и *юностью* ещё имеется возрастной период – *отрочество*, а в китайской лингвокультуре между *зрелостью* и *старостью* выделяется *中年* [*средний возраст*].

Рассмотрим лексемы *отрочество* и *中年* [*средний возраст*] по лексикографическим данным русского и китайского языков (см. таблицы 2 и 3).

Таблица 2

Лексема <i>中年</i> [<i>средний возраст</i>] в толковых словарях определяется следующим образом
--

1	四五十岁的年纪(现代汉语词典, 1685 页) (русский перевод: «возрастной период, сорок – пятьдесят лет» [Толковый словарь современного китайского языка 2012: 1685]);
2	四五十岁的年纪 (在线汉语大辞典 http://www.hydc.com/) (русский перевод: «возрастной период, сорок – пятьдесят лет» [Большой словарь китайского языка онлайн: http://www.hydc.com/]);
3	四五十岁的年纪 (百度在线汉语词典 https://hanyu.baidu.com/) (русский перевод: «возрастной период, сорок – пятьдесят лет» [Толковый словарь китайского языка Baidu онлайн: https://hanyu.baidu.com/]);
4	四五十岁的年纪(在线汉语字典 http://xh.5156edu.com/) (русский перевод: «возрастной период, сорок – пятьдесят лет» [Словарь китайского языка онлайн: http://xh.5156edu.com/]);
5	四五十岁的年纪 (在线汉语词典 https://cidian.51240.com/) (русский перевод: «возрастной период, сорок – пятьдесят лет» [Словарь китайского языка онлайн: https://cidian.51240.com/]).

Данные толкования лексемы *中年* [средний возраст] совпадают. Они указывают на *中年* [средний возраст] в китайском языке как возрастной период: сорок – пятьдесят лет.

Очевидно, что *средний возраст* занимает особое место во временной шкале, отраженной в китайской лингвокультуре. С древних времён китайцы обращают большое внимание на людей среднего возраста. Так, великий китайский философ времён династии Хан (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) Ван Чон сказал: *天地开辟, 人皇以来, 随寿而死, 若中年夭亡, 以亿万数* (русский перевод: *От сотворения мира и периода владыки людей, люди обычно могут дожить до ста лет из-за естественной смерти. А количество умерших среднего возраста – сотни миллионов*). В китайской культуре люди среднего возраста – основная опора общества и семьи, ср., например, в китайском языке существует поговорка: *上有*

老下有少 (русский перевод: *содержать одновременно и старых родителей, и детей*), которая описывает состояние людей среднего возраста, на них оказывается сильное психологическое давление. Данная поговорка – типичное стереотипное представление о социальном статусе людей среднего возраста в Китае. Итак, *средний возраст* представляет собой важный временной отрезок возраста человека в китайской культуре. Он выявляет типичное представление китайцев о национально-культурной специфике вербализации возраста человека в китайской традиции.

Таблица 3

Лексема <i>отрочество</i> в толковых словарях подаётся следующим образом	
1	«Переходный возраст между детством и юностью» [БТС 2004: 604];
2	«Возраст между детством и юностью; период жизни в таком возрасте» [Ожегов, Шведова 1995: 470];
3	«Возраст между детством и юностью» [Ожегов 1978: 438];
4	«Возраст между детством и юностью» [БТС 2008: 760];
5	«Возраст между детством и юностью, подростковый возраст» [Лопатин, Лопатина 1997: 408].

Приведённые толкования сходны, и в них есть общий компонент «возраст между *детством* и *юностью*», что показывает место *отрочества* между *детством* и *юностью*. Толкование № 5 указывает на *отрочество* как подростковый возраст. В толковании № 1 добавлен компонент «переходный», который означает, что *отрочество* – переходный период между *детством* и *юностью*.

По данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ) мы можем отметить тенденцию изменения частотности употребления лексемы *отрочество* в русском языке. По сравнению с лексемами *детство*, *юность*, *зрелость* и *старость*, *отрочество* употребляется крайне редко. В НКРЯ найдено 246 примеров с лексемой *отрочество*, а количество примеров с лексемой *детство*

достигло 2464 словоупотребления; с лексемой *юность* – 1495; с лексемой *молодость* – 2564; с лексемой *зрелость* – 389; с лексемой *старость* – 1892. Кроме того, согласно лексикографическим данным, у лексемы *отрочество* отсутствуют переносное значение и оценочные семы. Н.В. Крючкова полагает, что концепт ОТРОЧЕСТВО в русской языковой картине мира не обладает собственными признаками, отличными от признаков остальных возрастных концептов [Крючкова 2003: 78].

Лексикографические данные русского языка не показывают, какие именно свойства и особенности ассоциируются с отрочеством. Таким образом, на современной временной шкале возраста *отрочество* не считается значимым с точки зрения русской лингвокультуры. Несмотря на это, лексема *отрочество* в толковых словарях русского языка всё-таки описывается как отдельный период и фиксирует собственно значение этого возраста, т.е. период в жизни человека между *детством* и *юностью*.

Кроме того, в современном русском языке книжное слово *отрочество* вытеснено словосочетанием *подростковый возраст*, а человека в этот период жизни принято называть не словом *отрок*, а словом *подросток*, которое имеет следующее значение: *подросток* – «мальчик или девочка в переходном от детства к юношеству возрасте (от 12 до 16–17 лет)» [БТС 2008: 878]; *подросток* – «мальчик или девочка в отроческом возрасте» [Ожегов, Шведова 2006: 542] (ср.: слово *отрок* в толковых словарях подаётся следующим образом: *отрок* – *устар.*, мальчик-подросток [БТС 2008: 760; Ожегов, Шведова 2006: 479]). Согласно данным НКРЯ, существует 351 словоупотребление лексемы *отрок*, а количество примеров с лексемой *подросток* достигает 1026 словоупотреблений.

Таким образом, для исследования иерархической структуры семантического поля следует выделить общий для всего поля гипероним и гипонимы, представляющий собой базовые единицы для микрополей, составляющих поле в языке [Обвинцева 2009: 36]. Ср.: лексемы *возраст/年齡* русского и китайского языков являются гиперонимами семантических полей '*возраст/年齡*', а русские

лексемы *детство, отрочество, юность, молодость, зрелость, старость* и китайские лексемы *童年* [детство], *少年* [юность], *青年* [молодость], *壮年* [зрелость], *中年* [средний возраст], *老年* [старость] являются гипонимами данных полей соответственно.

Необходимо подчеркнуть, что вербализация возраста человека является актуальной проблемой для сопоставляемых в данной работе языковых сообществ. Типичные представления о возрасте с точки зрения носителей русского и китайского языков запечатлены в значительных по объему лексических и фразеологических единицах. Кроме того, отмеченные возрастные периоды в русской и китайской лингвокультурах содержат как общее, т.е. изоморфное, так и культурно-специфичное, т.е. алломорфное. Иными словами, они имеют сходство общих, принципиальных черт.

Очевидно, что структуры семантических полей 'возраст/年齡' в русском и китайском языках существенно отличаются. Как Р. Мутафчиев пишет, «различия в структуре отдельных семантических полей зависят от культуры и развитости сознания языкового коллектива, от уровня развития материальных условий» [Мутафчиев 1971: 30]. Для более глубокого понимания структур семантических полей 'возраст/年齡' в русском и китайском языках следует подробно рассмотреть лексические и фразеологические единицы со значением 'возраст' в каждом микрополе.

1.5. Выводы по Главе 1

Сущность номинативного акта с позиции когнитивного подхода заключается в определении способа отражения опыта познания человеком мира, отраженного в языковых номинациях. Цель осмысления номинативной деятельности состоит в том, чтобы определить, какую языковую форму избрать для решения вопроса об объективации возраста человека в рамках конкретной ситуации. Иначе говоря, номинация рассматривается как языковая форма знания человека о

действительности. Различие принципов номинации в каждом языке зависит от факторов, которые формируют национально-культурные черты. К ним относятся: особенности языковой системы и традиции в каждом языке; культурный и социальный опыт каждого социума; картины мира, лингвокультуры и языковое сознание каждого народа. Очевидно, что данные факторы характеризуются комплексностью и тесно взаимодействуют. Иными словами, социально-культурные (внешние) и языковые (внутренние) факторы, выступающие во взаимной обусловленности, определяют мотивирующую основу для нового понятия.

Процесс культурного освоения действительности происходит на этапе именовании определённого явления. Избранный для именовании языковой знак содержит культурную информацию, благодаря чему внутренняя форма языкового знака фиксирует способ отражения или путь моделирования действительности. Таким образом, в центре внимания номинативного акта находится человек говорящий, т.е. человек именующий. Именно поэтому в современной лингвистике в рамках антропоцентрической парадигмы пристальное внимание уделяется изучению феноменов «человек», «культура», «мышление» и «сознание». Язык и культура находятся в тесной взаимосвязи. Язык как орудие и условие существования культуры выступает средством воплощения культурной информации в языковом знаке.

Лексика и фразеологизм как основная часть номинативных единиц являются главными вербализаторами возраста человека. Русские и китайские лексические единицы делятся на слоги. Как в русском, так и в китайском языках существуют односложные и многосложные слова. Следует особо отметить, что в китайском языке каждый иероглиф может быть слогом, морфемой или словом. По сравнению с лексическими единицами русского языка, во многосложных словах китайского каждый иероглиф, т.е. каждый слог, представляет собой не только звуковую, но и смысловую единицу. Что касается фразеологических единиц русского и китайского языков, то фразеологизм как особый знак языка и культуры характеризуется сверхсловностью, устойчивостью, образностью,

идиоматичностью, воспроизводимостью, экспрессивностью, а также «культурноносностью». Китайские чэньюй могут соотноситься с русскими идиомами, крылатыми выражениями или цитатами, пословицами или афоризмами, а признаки китайских гуаньюньюй «отвечают» признакам русских идиом и коллокаций. Сопоставительный анализ русских и китайских фразеологизмов с позиции таксономического подхода способствует более точной их параметризации при составлении классификации фразеологизмов русского и китайского языков.

Семантическое поле представляет собой способ систематизации номинативных единиц и обладает иерархической структурой. Семантические поля 'возраст/年齡' в русском и китайском языках существенно отличаются по структуре. В русском языке семантическое поле 'возраст' включает микрополя 'детство', 'отрочество', 'юность', 'молодость', 'зрелость' и 'старость', а в семантическое поле '年齡 [возраст]' китайского языка входят микрополя '童年 [детство]', '少年 [юность]', '青年 [молодость]', '壮年 [зрелость]', '中年 [средний возраст]' и '老年 [старость]'.

Несмотря на демографические тенденции в России и Китае, которые ведут к изменению возрастных границ между *молодостью* и *зрелостью*, *зрелостью* и *старостью*, основные возрастные периоды жизни человека в русской и китайской лингвокультурах всё-таки остаются неизменными, а именно *детство*, *молодость*, *зрелость* и *старость*.

За лексическими и фразеологическими единицами стоит совокупность знаний об объекте, получившем данную номинацию. Внутренняя форма языковых единиц отражает национально-культурную специфику социума. Сопоставление лексических и фразеологических единиц осуществляется методами анализа словарных дефиниций, контекстуального и полевого анализа при рассмотрении семантики лексем и фразеологизмов со значением 'возраст', а также сопоставительным и лингвокультурологическим анализом путей вербализации возраста человека средствами русской и китайской лексики и фразеологии.

Описание культурно-национальной специфики номинативных единиц, и

особенно фразеологизмов, не ограничивается исследованиями традиционных комментариев к культурно-маркированным компонентам в составе данных единиц. Изучение образной основы языковых единиц как культурно значимого содержательного компонента рождает поиск культурно-значимой информации через образное основание внутренней формы. Попытка раскрыть и описать культурно-национальную специфику языковых единиц тесно смыкается с проблемами сознания человека, восприятия мира и путей его осознания, отражённых в языке.

ГЛАВА II. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ВОЗРАСТА ЧЕЛОВЕКА СРЕДСТВАМИ РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛЕКСИКИ

Возраст человека реализуется в русском и китайском языках различными лексическими и фразеологическими средствами. Данная глава посвящена сопоставительному исследованию лексических средств вербализации возраста человека в русской и китайской лингвокультурах. Очевидно, что русский и китайский языки, а также русский и китайский социумы существенно отличаются между собой. Так что в описании возраста человека признаки «лексического фрагмента» имеют свои особенности. Среди лексических единиц с семантикой возраста человека русского языка нередко встречаются однокоренные синонимы, которые имеют разные стилистические особенности, ср. слова с корнем *дев-/див-*: *девочка*, *девчонка* (*разг.*), *девчоночка* (*ласк.*), *девчурка* (*ласк.*), *девчушечка* (*умень.-ласк.*), *девчушка* (*ласк.*). По сравнению с русскими лексемами, в китайском языке существуют многие лексические единицы, которые характеризуют возраст человека с помощью своеобразной языковой игры и метафоры: ср.: *三五* [букв. *три-пять*] (языковая игра), *总角* [букв. *волосы рожками*] (метафорическое образование) и т.д.

Лексические единицы со значением 'возраст' русского и китайского языков, в первую очередь, включают в себя названия возрастного периода жизни человека, ср.: *детство*, *отрочество*, *юность*, *молодость*, *зрелость* и *старость* в русском языке и *童年* [*детство*], *少年* [*юность*], *青年* [*молодость*], *壮年* [*зрелость*], *中年* [*средний возраст*] и *老年* [*старость*]. Отметим, что данные единицы являются гипонимами лексем *возраст/年齡*, проявляя структурные особенности лексико-семантических полей (ЛСП) 'возраст/年齡' в русском и китайском языках (см. параграф 1.4. данной диссертации). Очевидно, что сходные компоненты структур данных полей представляют микрополя 'детство/童年', 'юность/少年',

'молодость/ 青年', 'зрелость/ 壮年' и 'старость/ 老年'. Для сопоставительного исследования ЛСП 'возраст/ 年龄' русского и китайского языков сопоставим словарные дефиниции лексем *детство/ 童年*, *юность/ 少年*, *молодость/ 青年*, *зрелость/ 壮年* и *старость/ 老年*, которые составляют центральную часть данных ЛСП.

2.1. Сопоставительный анализ словарных дефиниций гипонимов лексико-семантических полей 'возраст/ 年龄' в русском и китайском языках

В этом параграфе сопоставляются словарные дефиниции лексем, репрезентирующих видовой номинации возраста человека в русском и китайском языках. Основные принципы анализа включают: сравнительный анализ словарных дефиниций русских лексем *детство*, *юность*, *молодость*, *зрелость* и *старость* и соответствующих дефиниций в китайском языке *童年* [*детство*], *少年* [*юность*], *青年* [*молодость*], *壮年* [*зрелость*] и *老年* [*старость*]. Такой подход к сопоставительному анализу словарных толкований по каждой временной шкале позволит выявить сходства и отличия в представлениях о них с точки зрения русских и китайцев.

По данным толковых словарей русского и китайского языков, лексемы *детство/ 童年* имеют следующие значения (см. таблицу 4).

Таблица 4

№	Лексема <i>детство</i> в толковых словарях	Лексема <i>童年</i> [<i>детство</i>] в толковых словарях

1	«Ранний, до отрочества, возраст; период жизни в таком возрасте» [Ожегов, Шведова 1995: 159];	儿童时期; 幼年, 三岁左右到十岁左右的时期 (现代汉语词典, 1308 页) (рус. перевод: «Период детского возраста, детские годы; возрастной период, от трёх лет до десяти лет» [Толковый словарь современного китайского языка 2012: 1308]);
2	«Детский возраст, детские годы (от младенчества до отрочества)» [БТС 2004: 200];	儿童时期; 幼年 (在线汉语大辞典 http://www.hydc.com/) (рус. перевод: «Период детского возраста, детские годы» [Большой толковый словарь китайского языка онлайн: http://www.hydc.com/]);
3	«Детский возраст, детские годы» [Ожегов 1978: 150];	儿童时期; 幼年 (百度在线汉语词典 https://hanyu.baidu.com/) (рус. перевод: «Период детского возраста, детские годы» [Толковый словарь китайского языка Baidu онлайн: https://hanyu.baidu.com/]);
4	«Детский возраст, детские годы» [БТС 2008: 255];	儿童时期; 幼年 (在线汉语字典 http://xh.5156edu.com/) (рус. перевод: «Период детского возраста, детские годы» [Словарь китайского языка онлайн: http://xh.5156edu.com/]);

5	«Детский возраст, детские годы» [Лопатин, Лопатина 1997: 125].	儿童时期；幼年(在线汉语词典 https://cidian.51240.com) (рус. перевод: «Период детского возраста, детские годы» [Словарь китайского языка онлайн: https://cidian.51240.com/]);
6		未成年的时期; 幼年时期 (在线词典网 http://www.cidianwang.com/) (рус. перевод: «несовершеннолетний период, детский возраст, детские годы» [Словарные сети онлайн: http://www.cidianwang.com/]).

Сопоставим словарные дефиниции лексемы *детство* из русских толковых словарей. Словарные толкования № 3, № 4, № 5 полностью совпадают. Толкование № 2 не только указывает значение лексемы *детство* как «детский возраст, детские годы», но и определяет его как период жизни человека, занимающий место между *младенчеством* и *отрочеством*. Толкование № 1 значительно отличается от остальных. Оно объясняет, что *детство* – это ранний возраст, период жизни в раннем возрасте. Более того, толкование № 1 также указывает, что *детство* – это период до *отрочества*, но не указывает, что *детство* – это период после *младенчества*.

Перейдём к сопоставлению словарных дефиниций лексемы *童年* [*детство*] из китайских толковых словарей. Очевидно, что толкования № 2, № 3, № 4 и № 5 совпадают. Они объясняют, что *童年* [*детство*] означает детский возраст. Различие между толкованием № 6 и остальными толкованиями заключается в том, что толкование № 6 указывает на *детство* как период *несовершеннолетия* в жизни человека. Кроме того, следует отметить, что в толковании № 1 указано, что *детство* – это период, от трёх лет до десяти лет, т.е. данное толкование указывает начало и конец этого периода жизни человека.

По данным толковых словарей русского и китайского языков, лексемы *юность*/少年 имеют следующие значения (см. таблицу 5).

Таблица 5

№	<i>Юность</i> в толковых словарях определяется следующим образом	少年 [<i>юность</i>] в толковых словарях определяется следующим образом
1	«Юный возраст» [БТС 2004: 1262];	1) 人十岁左右到十五六岁的阶段, 2) 指上述年龄的人 (现代汉语词典, 1144 页) (рус. перевод: «1. Возрастной период, от десяти лет до пятнадцати-шестнадцати лет; 2. обозначает человека, который находится в этом возрасте» [Толковый словарь современного китайского языка 2012: 1144]);
2	«1. Возраст, промежуточный между отрочеством и зрелостью; период жизни в таком возрасте. 2. <i>перен., собир.</i> О юном поколении, о молодёжи (<i>высок.</i>)» [Ожегов, Шведова 1995: 903];	1) 人十岁左右到十五六岁的阶段, 2) 指上述年龄的人 (在线汉语大辞典 http://www.hydc.com/) (рус. перевод: «1. Возрастной период, от десяти лет до пятнадцати-шестнадцати лет; 2. обозначает человека, который находится в этом возрасте» [Большой словарь китайского языка онлайн: http://www.hydc.com/]);

3	<p>«1. Юный возраст, промежуточный между отрочеством и зрелостью. 2. перен. О юном поколении, о молодёжи (<i>высок.</i>)» [Ожегов 1978: 838];</p>	<p>1) 人十岁左右到十五六岁的阶段, 2) 指上述年龄的人, 3) 古时专指青年男子 (百度在线汉语词典 https://hanyu.baidu.com/) (рус. перевод: «1. Возрастной период, от десяти лет до пятнадцати-шестнадцати лет; 2. обозначает человека, который находится в этом возрасте; 3. <i>Устар.</i>, в древнем языке, о молодом мужчине» [Толковый словарь китайского языка Baidu онлайн: https://hanyu.baidu.com/]);</p>
4	<p>«1. Сущ. к юный. 2. Период жизни, возраст после отрочества до зрелости; ранняя молодость. 3. собир. = Юношество» [БТС 2008: 1530];</p>	<p>1) 指人十岁左右到十五六岁的阶段, 2) 古时专指青年男子 (在线词典网 http://www.cidianwang.com/) (рус. перевод: «1. Возрастной период, от десяти лет до пятнадцати-шестнадцати лет; 2. <i>Устар.</i>, в древнем языке, о молодом мужчине» [Словарные сети онлайн: http://www.cidianwang.com/]).</p>
5	<p>«Юный возраст, ранняя пора молодости» [Лопатин, Лопатина 1997: 815].</p>	

Рассмотрим и сравним данные толкования в русской лексикографии. Очевидно, что они заметно отличаются. В толкованиях № 1, № 3, № 5 есть общий компонент «юный возраст». В толкованиях № 2, № 3, № 4 указывается место *юности* в периоде жизни человека, как периода между *отрочеством* и

зрелостью. Более того, согласно толкованиям № 4 и № 5 *юность* подаётся как ранняя пора *молодости*. В толкованиях № 2 и № 3 содержится переносное значение лексемы *юность* как юное поколение, молодёжь. В толковании № 4 также указывается, что лексема *юность* является собирательным существительным, т.е. *юность* – это *юношество*.

Очевидно, что эти толкования *少年* [*юность*] сходны. Толкования № 1 и № 2 полностью совпадают; толкования же № 3 и № 4 указывают, что лексема *少年* [*юность*] в древнекитайском языке означает только молодого мужчину, а в современном – как мужчину, так и женщину, которые находятся в этом возрасте, т.е. данная лексема лишена гендерной маркированности. Кроме того, все толкования указывают, что *少年* [*юность*] – это возрастной период жизни человека, от десяти лет до пятнадцати-шестнадцати лет.

По данным толковых словарей русского и китайского языков, лексемы *молодость*/*青年* имеют следующие значения (см. таблицу 6).

Таблица 6

№	<i>Молодость</i> в толковых словарях определяется так	<i>青年</i> [<i>молодость</i>] в толковых словарях определяется так
1	«Возраст от отрочества до зрелости» [БТС 2008: 553];	1) 人十五六岁到三十岁左右的阶段, 2) 指上述年龄的人 (现代汉语词典, 1055 页)(рус. перевод: «1. Возрастной период, от пятнадцати-шестнадцати лет до тридцати; 2. обозначает человека, который находится в этом возрасте» [Толковый словарь современного китайского языка 2012: 1055]);

2	«Возраст от отрочества до зрелых лет» [Ожегов 1978: 329];	1) 人十五六岁到三十岁左右的阶段, 2) 指上述年龄的人 (在线汉语大辞典 http://www.hydc.com/) (рус. перевод: «1. Возрастной период, от пятнадцати – шестнадцати лет до тридцати; 2. обозначает человека, который находится в этом возрасте» [Большой словарь китайского языка онлайн: http://www.hydc.com/]);
3	«1. Возраст между отрочеством и зрелостью. 2. <i>перен. собир.</i> О молодом поколении, о молодёжи (<i>высок.</i>)» [Ожегов, Шведова 1995: 355];	1) 人十五六岁到三十岁左右的阶段, 2) 指上述年龄的人 (百度在线汉语词典 https://hanyu.baidu.com/) (рус. перевод: «1. Возрастной период, от пятнадцати – шестнадцати лет до тридцати; 2. обозначает человека, который находится в данном возрасте» [Толковый словарь китайского языка Baidu онлайн: https://hanyu.baidu.com/]);
4	«Юный возраст, возраст от отрочества до зрелых лет» [БТС 2004: 441];	1) 人十五六岁到三十岁左右的阶段, 2) 指年轻人, 3) 指青春 (在线汉语字典 http://xh.5156edu.com/) (рус. перевод: «1. Возрастной период, от пятнадцати – шестнадцати лет до тридцати; 2. о молодёжи; 3. <i>перен.</i> о молодости, о весенней поре жизни» [Словарь китайского языка онлайн: http://xh.5156edu.com/]);

5	«Период жизни от подросткового возраста до средних лет» [Лопатин, Лопатина 1997: 301].	1) 人十五六岁到三十岁左右的阶段, 2) 指年轻人, 3) 指青春 (在线汉语词典 https://cidian.51240.com/) (рус. перевод: «1. Возрастной период, от пятнадцати – шестнадцати лет до тридцати; 2. о молодёжи; 3. <i>перен.</i> о молодости, о весенней поре жизни» [Словарь китайского языка онлайн: https://cidian.51240.com/]);
6		1) 人十五六岁到三十岁左右的阶段, 2) 指上述年龄的人 (在线词典网 http://www.cidianwang.com/) (рус. перевод: «1. Возрастной период, от пятнадцати – шестнадцати лет до тридцати; 2. обозначает человека, который находится в этом возрасте» [Словарные сети онлайн: http://www.cidianwang.com/]).

Как видим, толкования лексемы *молодость* сходны. Они объясняют место молодости в жизни человека, но по сравнению с толкованиями № 1, № 2, № 3, № 4, толкование № 5 объясняет, что *молодость* – это период жизни человека от его подросткового возраста до средних лет. В остальных толкованиях № 1, № 2, № 3, № 4 *молодость* представляется как возраст или период жизни между *отрочеством* и *зрелостью*. Толкование № 3 ещё указывает переносное значение лексемы *молодость*: молодое поколение, молодёжь.

Перейдём к сопоставлению словарных дефиниций лексемы *青年* [*молодость*] из разных китайских толковых словарей. Очевидно, что толкования № 1, № 2, № 3, и № 6 совпадают, как и толкования № 4 и № 5. В последних

отмечается переносное значение данной лексики и показано типичное представление о периоде молодости человека, т.е. в китайской лингвокультуре молодость представляет собой весеннюю пору жизни человека. Все толкования указывают, что 青年 [молодость] – это возрастной период, от пятнадцати – шестнадцати до тридцати.

По данным толковых словарей русского и китайского языков, лексемы зрелость/ 壮年 имеют следующие значения (см. таблицу 7).

Таблица 7

№	Зрелость в толковых словарях представляется как	壮年 [зрелость] в толковых словарях представляется как
1	«1. Отвлеч. сущ. к зрелый во 2 знач. (зрелый – 2. свойственный созревшему, достигшему полного развития человеку, о возрасте, поре жизни). 2. Состояние организма, достигшего полного развития» [БТС 2004: 293];	三四十岁的年纪 (现代汉语词典, 1714 页) (рус. перевод: «Возрастной период, тридцать – сорок лет» [Толковый словарь современного китайского языка 2012: 1714]);
2	«1. Сущ. к зрелый. 2. Возраст между молодостью и старостью; период жизни в таком возрасте» [Ожегов, Шведова 1995: 228];	三四十岁的年纪 (在线汉语大辞典 http://www.hydc.com/) (рус. перевод: «Возрастной период, тридцать – сорок лет» [Большой толковый словарь китайского языка онлайн: http://www.hydc.com/]);

3	«1. Сущ. к зрелый. 2. Состояние организма, достигшего полного развития; зрелый возраст. 3. чего или с опр. Высокая степень развития, совершенства» [БТС 2008: 371].	三四十岁的年纪 (百度在线汉语词典 https://hanyu.baidu.com/) (рус. перевод: «Возрастной период, тридцать – сорок лет» [Толковый словарь китайского языка Baidu онлайн: https://hanyu.baidu.com/]);
4		三四十岁的年纪 (在线汉语字典 http://xh.5156edu.com/) (рус. перевод: «Возрастной период, тридцать – сорок лет» [Словарь китайского языка онлайн: http://xh.5156edu.com/]);
5		三四十岁的年纪 (在线汉语词典 https://cidian.51240.com/) (русский перевод: «Возрастной период, тридцать – сорок лет» [Словарь китайского языка онлайн: https://cidian.51240.com/]);
6		1) 中国古代称男子三十为壮年, 2) 壮盛之年, 三四十岁的年纪(在线词典网 http://www.cidianwang.com/) (рус. перевод: «1. В Древнем Китае зрелость – это тридцатилетний мужчина. 2. В расцвете сил, возрастной период, тридцать – сорок лет» [Словарные сети онлайн: http://www.cidianwang.com/]).

В русском толковании № 2 указывается место *зрелости* в жизни человека, т.е. зрелость – это период жизни между *молодостью* и *старостью*. Кроме того, в

толкованиях № 1 и № 3 показано переносное значение лексемы *зрелость*: в толковании № 1 указывается, что лексема *зрелость* описывает состояние организма, достигшего полного развития; в толковании № 3 указывается, что лексема *зрелость* характеризует высокую степень развития или совершенства чего-нибудь.

Как видно, толкования № 1, № 2, № 3, № 4 и № 5 в китайской лексикографии полностью совпадают. Толкование № 6 отличается и показывает, что в древнекитайском языке *зрелость* означает только тридцатилетнего мужчину. Все толкования указывают, что *壮年* [*зрелость*] – это период жизни, тридцать – сорок лет.

По данным толковых словарей русского и китайского языков, лексемы *старость*/*老年* имеют следующие значения (см. таблицу 8).

Таблица 8

№	Старость в толковых словарях определяется следующим образом	老年 [<i>старость</i>] в толковых словарях определяется следующим образом
1	«Период жизни после зрелости, в котором происходит постепенное ослабление деятельности организма» [БТС 2004: 1056];	六七十岁以上的年纪（现代汉语词典，780 页）（рус. перевод: «Возрастной период, когда кому-н. исполнилось больше 60–70 лет» [Толковый словарь современного китайского языка 2012: 780]);

2	<p>«1. Сменяющий зрелость возраст, в котором происходит постепенное ослабление деятельности организма; период жизни в таком возрасте. 2. <i>перен.</i> О старых людях, стариках (<i>высок.</i>)» [Ожегов, Шведова 1995: 752];</p>	<p>六七十岁以上的年纪（在线汉语大辞典 http://www.hydc.com/）（рус. перевод: «Возрастной период, когда кому-н. исполнилось больше 60–70 лет» [Большой толковый словарь китайского языка онлайн: http://www.hydc.com/]);</p>
3	<p>«Период жизни после зрелости, в котором происходит постепенное ослабление деятельности организма» [Ожегов 1978: 702];</p>	<p>六七十岁以上的年纪（百度在线汉语词典 https://hanyu.baidu.com/）（рус. перевод: «Возрастной период, когда кому-н. исполнилось больше 60–70 лет» [Толковый словарь китайского языка Baidu онлайн: https://hanyu.baidu.com/]);</p>
4	<p>«1. Наступающий после зрелости возрастной период жизни, в котором происходит постепенное ослабление деятельности организма. 2. Ветхость, изношенность вещи в результате длительного её использования» [БТС 2008: 1262];</p>	<p>六七十岁以上的年纪（在线汉语字典 http://xh.5156edu.com/）（рус. перевод: «Возрастной период, когда кому-н. исполнилось больше 60–70 лет» [Словарь китайского языка онлайн: http://xh.5156edu.com/]);</p>
5	<p>«Период жизни после зрелости, в котором происходит постепенное ослабление деятельности организма» [Лопатин, Лопатина 1997: 671].</p>	<p>六七十岁以上的年纪（在线汉语词典 https://cidian.51240.com/）（рус. перевод: «Возрастной период, когда кому-н. исполнилось больше 60–70 лет» [Словарь китайского языка онлайн: https://cidian.51240.com/]);</p>

6		1) 生命历程的最后阶段, 2) 晚年(在线词典网 http://www.cidianwang.com/) (рус. перевод: «1. Последний этап жизни человека; 2. Преклонный возраст» [Словарные сети онлайн: http://www.cidianwang.com/]).
---	--	--

Отметим, что все приведенные толкования в русских лексикографических источниках объясняют *старость* как возрастной период жизни после *зрелости*, когда происходит постепенное ослабление деятельности организма. Толкования № 1, № 3 и № 5 полностью совпадают. Толкование № 2 имеет два значения. Первое значение сходно, а второе значение в русском языке переносное. Лексема *старость* может обозначать пожилых людей. Кроме того, толкование № 4 также имеет два значения, первое значение близко с толкованиями № 1, № 3 и № 5. Следует обратить внимание на второе значение, которое фокусирует внимания на ветхости, изношенности вещей. Такое толкование отсутствует в остальных словарях.

Как видно, китайские толкования лексемы *老年* [*старость*] № 1, № 2, № 3, № 4 и № 5 идентичны. Они указывают, что *老年* [*старость*] – это возрастной период, когда кому-то больше 60–70 лет. Кроме того, очевидно, что толкование № 6 указывает, что старость – это последний период жизни человека, преклонный возраст.

Сопоставим данные словарные толкования для выявления сходства и отличия представлений о временной шкале жизни человека с точки зрения русских и китайцев. В китайских толковых словарях чётко указывается начало (с какого возраста) и конец (до какого возраста) каждого периода жизни человека, например: *童年* [*детство*] – это период жизни от трёх лет до десяти лет; *老年* [*старость*] – это период жизни от шестидесяти лет до конца жизни и т.д. Такой тип толкования отсутствует в русских толковых словарях, русский тип толкования указывает,

какое место занимает определённый период жизни, например, *молодость* – это период, возраст от *отрочества* до *зрелости*.

Согласно данным лексикографии определены зоны схождения и расхождения в русской и китайской лингвокультурах относительно временной шкалы. Сходство заключается в том, что лексемы *юность*/少年 описываются как «подпериод» внутри *молодости*. Некоторые русские толкования указывают место *юности* в периоде жизни человека, как периода между *отрочеством* и *зрелостью*; *юность* в некоторых толковых словарях подаётся как ранняя пора *молодости*. Более того, русские толкования также указывают, что лексема *юность* имеет переносное значение: юное поколение, молодёжь (*высок.*). Китайские толкования также указывают, что лексема 少年 [*юность*] в древнекитайском языке означает только молодого мужчину, а в современном китайском языке она лишена гендерной маркированности. Иными словами, лексема 少年 [*юность*] может обозначать человека, который находится в молодом возрасте.

Различия заключаются в том, что в русской лингвокультуре *зрелость* – это возраст между *молодостью* и *старостью*, а в китайской между *зрелостью* и *старостью* ещё существует период – *средний возраст*. В связи с этим период *зрелости* в русской и китайской лингвокультурах отличается временем её начала и окончания. Кроме того, несмотря на то, что *отрочество* не считается значимым в современной русской лингвокультуре и лексема *отрочество* в современном русском языке употребляется крайне редко, в толковых словарях русского языка лексема *отрочество* описывается как отдельный период, который отсутствует в китайской лингвокультуре (см. также параграф 1.4. данной диссертации).

Таким образом, наиболее значимы как для русской, так и для китайской лингвокультуры такие основные возрастные периоды, как *детство*/童年, *молодость*/青年, *зрелость*/壮年 и *старость*/老年. Данные лексемы являются ядром языковых средств, означающих возраст человека, поскольку они наиболее значимы для русской и китайской лингвокультур и не содержат стилистической или эмоционально-экспрессивной окраски. Безусловно, анализ словарных

дефиниций данных единиц не позволит выявить всё богатство особенностей вербализации возраста человека средствами русского и китайского языков, однако данные лексемы отражают наиболее устойчивые представления носителей русской и китайской лингвокультур. Для глубокого понимания вербализации возраста человека и структур семантических полей 'возраст/年齡' следует рассмотреть другие лексические и фразеологические единицы с семантикой возраста человека русского и китайского языков в микрополях 'детство/童年', 'молодость/青年', 'зрелость/壮年' и 'старость/老年' лексико-семантических и фразеосемантических полей 'возраст/年齡'.

2.2. Лексико-семантические микрополя 'детство/童年' в русском и китайском языках

Очевидно, что в русском и китайском языках существует целый ряд имен существительных, означающих лицо, которое находится в детском возрасте. Ср.: *акселерат, бутуз, грудник, девочка, детва, дети, дитя, детка, детсадовец, дошкольник, карапуз, клоп, малолетка, малыш, мальчик, мелюзга, младенец, пацан, пионер, ползунок, пострел, пупс, ребёнок, шкет, школьник, шпингалет* и др. в русском языке; *婴儿* [младенец, грудник], *孩子/儿童* [ребёнок, дети, дитя, детка], *小孩* [малолетка, малыш, шпингалет], *男孩* [мальчик, пацан, шкет], *女孩* [девочка], *胖娃* [бутуз, пупс, пузырь], *少先队员* [пионер, пионерка], *小学生* [школьник, школьница], *顽童* [пострел] и др. в китайском языке.

Отметим, что русский и китайский языки представляют собой разноструктурные языки. По сравнению с китайскими лексемами, в русском языке основной способ пополнения лексического состава заключается в словообразовании суффиксальным способом с помощью суффиксов. Ср.: существительные с суффиксом *-онок/-ёнок* означают человека или животного, характеризующееся детскостью. Например, *волчонок* (от сущ. *волк*), *гусёнок* (от

сущ. *гусь*), *мышонок* (от сущ. *мышь*), *негритёнок* (от сущ. *негр*), *поварёнок* (от сущ. *повар*), *ребятёнок* (от сущ. *ребята*), *салажонок* (от сущ. *салага*), *слонёнок* (от сущ. *слон*), *совёнок* (от сущ. *сова*), *щеглёнок* (от сущ. *щегол*), *олёненок* (от сущ. *олень*), *орлёнок* (от сущ. *орёл*) и т.д. [БТС 2008, Даль 2010, Ожегов 2012]. В русском языке собирательные существительные, репрезентирующие детский возраст, образуются с помощью суффиксов *-в(а)*: *пацаны – пацанва* и т.д.; *-вор(а)*: *дети – детвора*; *-н(я)*: *ребята – ребятня, малыши – малышня* и т.д.

В русском языке в словообразовательном отношении нередко встречаются однокоренные синонимы, которые употребляются в разных функциональных стилях, поскольку многие из них обладают эмоционально-оценочными коннотациями и имеют разные стилистические особенности. Ср., например, лексемы, означающие детей: 1) слова с корнем *груд-*: *грудник* (разг.), *грудничок* (разг. ласк.); 2) слова с корнем *дев-*: *девочка, девчонка* (разг.), *девчоночка* (ласк.), *девчурка* (ласк.), *девчушечка* (уменьш. -ласк.), *девчушка* (ласк.); 3) слова с корнем *мальч-*: *мальчик, мальчонка* (уменьш. -ласк.), *мальчуган* (фам.), *мальчишка* (разг.); 4) слова с корнем *пацан-*: *пацан* (разг.), *пацанёнок* (уменьш. -ласк.), *пацанка* (прост. фам.); 5) слова с корнем *реб-*: *ребёнок, ребёночек* (разг., уменьш. -ласк.), *ребятишки* (разг., уменьш. -ласк.), *ребятки* (разг., уменьш. -ласк.), *ребята, ребятушки* (разг.), *ребятёнок* (разг.) [БТС 2008, Даль 2010, Ожегов 2012].

Кроме того, по сравнению с китайскими лексическими единицами в русском языке также существуют заимствованные слова, которые употребляются для обозначения лиц, настоящих в детском возрасте, ср.: *бэби* (от англ. *baby*), *герла* (от англ. *girl*), *шпингалет* (от франц. *espagnolette*) [БТС 2008, Даль 2010, Ожегов 2012].

Лексические единицы русского языка, вербализующие детский возраст, выказывают фамильярное, шутовское и ласкательное отношение. Такое отношение в номинациях детей выражается с помощью разных суффиксов: *-ишк/-ышк* (*ребёнчишка, худышка* и т.д.), *-онок/-ёнок* (*волчонок, салажонок* и т.д.), *-(ч)ик* (*лысик, шиндрик* и т.д.) и *-ок/-ек* (*ползунок* и т.д.).

По сравнению с лексическими единицами русского языка в китайском

языке существуют не только большое количество лексем, как *婴儿* [младенец, грудник], *男孩* [мальчик] и т.д., но и многочисленные имена существительные, которые представляют собой дополнительные, образные названия лиц определённого возраста. Данные лексические единицы восходят к древним китайским известным текстам различных жанров, обладая богатой культурной информацией и имея типичные представления китайцев о каждом возрастном периоде жизни человека. Среди данных единиц: *总角* [букв. волосы рожками], *垂髻* [букв. носить свисающие волосы], *两髻* [букв. волосы с обеих сторон к бровям], *两岁* [букв. два пучка волос в виде рожек на голове], *孩* [букв. детский смех], *龆龀* [букв. смена зубов], *韶齿* [букв. новые постоянные зубы], *生齿* [букв. режутся зубы], *齿少* [букв. маленькие зубы], *黄口* [букв. жёлтый клюв], *赤子* [букв. красное тело], *红颜* [букв. красное лицо], *汤饼* [букв. варёная лепёшка] и *襁褓* [букв. пелёнка] характеризуют детский возраст.

Единицы *总角* [букв. волосы рожками], *垂髻* [букв. носить свисающие волосы], *两髻* [букв. волосы с обеих сторон к бровям] и *两岁* [букв. два пучка волос в виде рожек на голове] описывают детскую причёску в Древнем Китае (см. таблицу 9).

Таблица 9

№	Название детских причёсок	Внешность детских причёсок
1	<i>总角</i> [букв. волосы рожками]	Разделять волосы на правую и левую половины и завязывать узел на макушке, как два бараньих рога.
2	<i>垂髻</i> [букв. носить свисающие волосы]	Не увязывать волосы в пучок, просто свисать волосы.
3	<i>两髻</i> [букв. волосы с обеих сторон к бровям]	Разделять на левую и правую половины и свисать к брови.

4	<i>卅岁</i> [букв. два пучка волос в виде рожек на голове]	Свисать волосы и связывать их пучками.
---	--	--

Таким образом, данные единицы проявляют особенности детских причёсок в Древнем Китае и типичное представление китайцев о внешности детей.

Лексические единицы *韶齿* [букв. смена зубов], *韶齿* [букв. новые постоянные зубы], *生齿* [букв. режутся зубы] описывают сменить зубы или зубы режутся, т.е. физиологическое явление детей. Молочные зубы – первые зубы у людей и прорезываются к трём годам. Итак, единица *生齿* [букв. режутся зубы] описывает детей трёх лет. Единицы *韶齿* [букв. смена зубов] и *韶齿* [букв. новые постоянные зубы] употребляются для номинации детей возраста 6–7 лет, поскольку период смены молочных зубов на постоянные у ребёнка происходит в возрасте 6–7 лет [Чжан Чи 2014: 8].

Лексема *孩* [букв. детский смех] представляет собой вариант написания *咳*, означающий детский смех [Словарь китайских иероглифов онлайн. <http://www.esk365.com/wyacd/swjz/>]. Таким образом, лексема *孩* [детский смех] обозначает физиологическое явление, характеризующее детей [Чжан Чи 2014: 3]. Единица *汤饼* [букв. варёная лепёшка] означает новорождённых младенцев. «В китайской традиционной культуре, с периода династии Тан (618–907 гг.), на праздновании дня рождения надо есть праздничную лапшу. Через три дня после рождения ребёнка надо пригласить друзей и родных в гости и есть праздничную лапшу» [Доу Чуньяо 2019-а: 230]. Данная лексема в современном китайском языке является устаревшей единицей, но эта традиция сохраняется до наших дней. Лексема *襁褓* [букв. пелёнка] также описывает новорождённых младенцев. Очевидно, что образ, создаваемый данной лексемой, основан на метонимии.

Следует особо обратить внимание на единицы *赤子* [букв. красное тело] и *红颜* [букв. красное лицо]. Иероглифы *赤* и *红* в единицах *赤子* [букв. красное тело] и *红颜* [букв. красное лицо] означают красный цвет. Образ, создаваемый

данными единицами, основан на цветовой метафоре. Цвет кожи у младенцев – красный. Данные единицы выявляют стереотипное представление китайцев о внешности младенцев [Чжан Чи 2014: 5; Дуань Цзяинь 2010: 11]. В современном китайском языке они имеют переносные значения и употребляются для характеристики молодого человека, ср.: единица 赤子 [букв. красное тело] означает юного, молодого человека, который чистый, добрый и патриотичный; а единица 红颜 [букв. красное лицо] – красивую девушку [Дуань Цзяинь 2010: 11].

Следует особо обратить внимание на единицу 黄口 [букв. жёлтый клюв], обозначающую период детства или детей. Иероглиф 口 обозначает клюв птенца; иероглиф 黄 означает жёлтый, поскольку цвет клюва птенца – жёлтый. Данный образ основан на зооморфной метафоре 企鹅 (животное) – человек. Кроме того, в ней ещё добавлена метонимическая оппозиция «часть – целое» (клюв птенца – птенец). В современном китайском языке данная единица имеет переносное значение и употребляется для характеристики молодого и неопытного человека [Там же: 15].

Среди них единицы 两鬓 [букв. волосы с обеих сторон к бровям], 卅岁 [букв. два пучка волос в виде рожек на голове], 韶齿 [букв. смена зубов], 孩 [букв. детский смех], 汤饼 [букв. варёная лепёшка], 生齿 [букв. режутся зубы] и 齿少 [букв. маленькие зубы] в современном китайском языке употребляются крайне редко. Остальные единицы, как правило, употребляются в письменной речи и маркируют высокий стиль. Ср., например: 1) 四乡八寨的乡亲, 不分是鹤发老人还是垂髫孩童, 都在品画、评画、赏画, 交流心得、切磋技艺 (русский перевод: Земляки из окрестных сёл, в том числе и старики, у которых волосы белые и дети, свисающие волосы, оценивают рисунки. Они также делятся своим опытом и навыками рисования); 2) 她匆匆抱起了还在襁褓之中的女儿, 悄悄潜出印尼, 回到了日本 (русский перевод: Она поспешно держала свою маленькую дочку на руках, улизнула из Индонезии и вернулась в Японию) и т.д.

Заметим, что в русском и китайском языках имеются лексические единицы,

означающие возраст с помощью описания других явлений, так или иначе связанных с возрастной проблематикой, т.е. в денотативном компоненте значения языковых единиц тема возраста может использоваться для характеристики других явлений, имеющих некое отношение к возрастной градации, в том числе внешность, физическое состояние, физиологическое явление, черты характера, интеллектуальные способности и социальный статус.

Среди лексических единиц русского и китайского языков, означающих детей, единицы *бутуз, карапуз, клоп, пупс, шпингалет, 胖娃* [бутуз, пупс, пузырь], *总角* [букв. волосы рожками], *垂髫* [букв. носить свисающие волосы], *两髻* [букв. волосы с обеих сторон к бровям], *卅岁* [букв. два пучка волос в виде рожек на голове], *赤子* [букв. красное тело], *红颜* [букв. красное лицо] и *襁褓* [букв. пелёнка] употребляются для характеристики возраста человека и его внешности; единицы *акселерат, акселератка, бутуз, ползунок, 齿少* [букв. маленькие зубы], *孩* [букв. детский смех], *生齿* [букв. режутся зубы], *韶龆* [букв. смена зубов] и *韶齿* [букв. новые постоянные зубы] описывают возраст и физиологическое, а также физическое состояние человека; единицы *сорванец, пострел, чертёнок, 顽童* [пострел] и *淘气鬼* [сорванец] описывают не только возраст человека, но и его черты характера; единицы *детсадовец, дошкольник, дошкольница, пионер, пионерка, школьник, школьница, 小学生* [школьник, школьница] и *少先队员* [пионер, пионерка] означают возраст человека и его социальный статус; *несмышлёныш* описывает не только возраст человека, но и его интеллектуальные способности. В китайском языке существует единица, означающая возраст человека с помощью описания древних традиций и этикета, которая отсутствует в русском языке, ср.: *汤饼* [букв. варёная лепёшка].

Следует отметить, что среди имён существительных нередко встречаются единицы, которые обладают гендерной маркированностью. Ср.: русские и китайские единицы *акселерат, мальчик, пацан, пионер, шкет, школьник, 男孩* [мальчик, пацан] и т.д. представляют собой наименования мужского пола; а

единицы *акселератка, девочка, пацанка, пионерка, школьница, 女孩* [девочка, *пацанка*] означают только женщину. Лексические единицы китайского языка *总角* [букв. *волосы рожками*], *垂髫* [букв. *носить свисающие волосы*], *两髻* [букв. *волосы с обеих сторон к бровям*], *卅岁* [букв. *два пучка волос в виде рожек на голове*], *孩* [букв. *детский смех*], *龋齿* [букв. *смена зубов*], *齙齿* [букв. *новые постоянные зубы*], *生齿* [букв. *режутся зубы*], *齿少* [букв. *маленькие зубы*], *黄口* [букв. *жёлтый клюв*], *赤子* [букв. *красное тело*], *红颜* [букв. *красное лицо*], *汤饼* [букв. *варёная лепёшка*] и *襁褓* [букв. *пелёнка*] описывают мужчину и женщину, но по данным национального корпуса китайского языка, чаще всего употребляются для возрастной характеристики мужчины [Дуань Цзянь 2010: 44].

Для характеристики детей в русском и китайском языках широко употребляются лексемы, означающие животных и растения. Ср.: в лексемах русского языка *детва, мелюзга* есть сема «невзрослость», которая значима для наименования детей. Лексемы *пернатик, курёнок* и *цыплёнок* также используются для характеристики ребёнка и актуализируют ассоциативную связь *животное – человек*. Лексемы *клоп, козявка, короед* и *стрекоза* из группы существительных, называющих насекомых, употребляются для характеристики маленького роста и особенностей поведения ребёнка. В китайском языке единица *黄口* [букв. *жёлтый клюв*] описывает детей, её образ основан на зооморфной метафоре *птенец (животное) – человек*. Но в современном китайском языке данная единица означает молодого и неопытного человека.

В некоторых единицах русского и китайского языков имеются семы «наивный», «несамостоятельный», «несерьёзный»: *детскость/天真, ребячество/孩子气, ребячливость/童心, ученичество/幼稚*. Переносные значения данных существительных обычно обладают отрицательной оценкой, поскольку качества, приписываемые детству (невзрослость, наивность, незрелость и несамостоятельность) считаются неприличными для взрослого человека.

Таким образом, проанализированные единицы в ЛСП 'детство/童年'

включают 86 русских единиц и 31 китайскую единицу. По сравнению с китайскими единицами в русском языке основной способ пополнения лексической единицы заключается в образовании суффиксальным способом с помощью разных суффиксов. Ср.: единицы с суффиксом *-онок/-ёнок* означают человека или животного, характеризующееся детскостью (*волчонок* и др.); собирательные существительные образуются с помощью суффиксов *-в(а)* (*пацаны* – *пацанва* и др.); однокоренные синонимы, имеющие разные стилистические особенности (напр., *девочка, девчонка, девчоночка, девчурка, девчушка, девчушечка*); фамильярное, шутовское и ласкательное отношение в номинациях детей выражается с помощью разных суффиксов (*ребенчишка, салажонок, капризуля* и др.).

В китайском языке существуют не только много широко употребляемых лексем, как *男孩* [*мальчик*] и т.д., но и многочисленные единицы, которые представляют собой дополнительные, образные названия детей, ср.: *总角* [букв. *волосы рожками*], *赤子* [букв. *красное тело*] и т.д. Данные единицы восходят к древним китайским известным текстам и употребляются в письменной речи в качестве единиц высокого стиля, обладая культурной информацией и имея типичные представления китайцев о возрасте.

Детство человека пересекается с другими понятиями, ср.: внешностью (*каратуз, 总角* [букв. *волосы рожками*] и др.), физическом и физиологическом состоянием (*бутуз, 孩* [букв. *детский смех*] и др.), социальным статусом (*дошкольник, школьник/小学生* и др.), интеллектуальными способностями (*глупыш/傻孩子*) и гендерной маркированностью (*мальчик/男孩, девочка/女孩* и др.).

Для характеристики детей в русском и китайском языках употребляются лексемы, образ которых основан на растительной или зооморфной метафоре. Ср.: *мелюзга, пернатик, клоп, 黄口* [букв. *жёлтый клюв*] и т.д. Кроме того, детство в русской и китайской лингвокультурах характеризуется наивностью и несамостоятельностью. Кроме китайских единиц *赤子* [букв. *красное тело*] и

红颜 [букв. красное лицо], остальные единицы обладают отрицательной оценкой при обозначении взрослого человека, поскольку качества, приписываемые детству, считаются неприличными для взрослого человека.

2.3. Лексико-семантические микрополя 'молодость/青年' в русском и китайском языках

В русском и китайском языках существуют многие имена существительные, означающие молодого человека, ср.: *девушка, красотка, молодёжь, молодняк, молокосос, недоросль, парень, поросль, салага, сопляк, сосунок, щенок, юноша* и др. в русском языке; *青年* [молодёжь, юноша], *小伙子* [парень], *壮汉* [молодец], *好汉* [молодец, удалец], *年轻人* [молодняк, молодой человек], *姑娘* [девушка], *少女* [девица], *帅哥* [красавчик], *美女* [красотка] и др. в китайском языке.

В лексических единицах русского языка, означающих людей молодого возраста, в словообразовательном отношении также нередко встречаются однокоренные синонимы, которые имеют разные стилистические особенности. Ср.: 1) слова с корнем *дев-*: *девушка, девонька* (ласк.), *дивчина* (разг.), *дева* (трад.-поэт.), *деваха* (разг. -сниж., обычно о рослой девушке), *девица* (устар.), *дэвица* (трад.-поэт.), *девка* (разг. -сниж.); 2) слова с корнем *парн-*: *парень, паренек* (ласк.), *парнишка* (разг.); 3) слова с корнем *молод-*: *молодец* (нар.-поэт.), *молодчага* (разг.), *молодчик* (нар.-поэт.), *молодчина* (разг.); *молодица* (нар.-поэт.), *молодка* (трад.-нар.), *молодуха* (нар.-разг.) [БТС 2008, Даль 2010, Ожегов 2012]. Очевидно, что в русском языке основной способ пополнения лексического состава языка заключается в образовании единиц с помощью разных суффиксов. Ср.: собирательные существительные с семантикой молодости человека образованы с помощью суффикса *-ат*: *девчата* (от сущ. *девчонки*) [БТС 2008, Даль 2010, Ожегов 2012].

Кроме того, по сравнению с китайскими лексическими единицами в русском языке также имеются заимствованные слова, которые употребляются для

обозначения лиц, находящихся в юном и молодом возрасте, ср.: *киндер* (от нем. *Kind*), *мамзель* (от нем. *Mamsell*), *тинейджер* (от англ. *teenager*) [БТС 2008, Даль 2010, Ожегов 2012].

По сравнению с русскими лексическими единицами с семантикой возраста человека в китайском языке языковая игра представляет собой способ пополнения лексических единиц с семантикой возраста человека. Кроме того, единицы, происходящие из древних китайских известных текстов различных жанров, также в значительной степени дополнили лексические единицы в лексико-семантическом микрополе '青年 [молодость]' китайского языка. Рассмотрим данные единицы.

По сравнению с русскими лексическими единицами с семантикой возраста человека в китайском языке существуют единицы, которые описывают возраст человека с помощью своеобразной языковой игры: ср.: 三五 [букв. *три-пять*], 二八 [букв. *два-восемь*], 三六 [букв. *три-шесть*] и 破瓜 [букв. *разделять иероглиф 瓜*]. Данные единицы появились в Древнем Китае (во времена между Ханьской и Сунской династиями) и означают возраст человека с помощью умножения. Итак, 三五 [букв. *три-пять*] описывает пятнадцатилетний возраст ($3 \times 5 = 15$); 二八 [букв. *два-восемь*] – шестнадцатилетний возраст ($2 \times 8 = 16$); а 三六 [букв. *три-шесть*] – восемнадцатилетний возраст ($3 \times 6 = 18$) [Дуань Цзянь 2010: 18-19; Чжан Чи 2014: 15]. Лексемы 三五 [букв. *три-пять*] и 三六 [букв. *три-шесть*] в современном китайском языке употребляются крайне редко, а 二八 [букв. *два-восемь*] в современном китайском языке употребляется широко и означает только девушку шестнадцатилетнего возраста, т.е. ей свойственна гендерная маркированность. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: 我想这是杜府的后花园, 杜丽娘已经年方二八, 16 岁了 (русский перевод: *Я думаю, что это сад на заднем дворе резиденции семьи Ду. Дочь семьи Ду уже стала девушкой шестнадцатилетнего возраста*). Очевидно, что в китайской лингвокультуре изысканно обозначается возраст девушки.

Следует особо обратить внимание на единицу 破瓜. Иероглиф 破 разделяется на части, а иероглиф 瓜 разделяется на два иероглифа 八 (восемь). Образ данной единицы также связан с математическими играми (с помощью сложения и умножения): $8+8=16$; $8 \times 8=64$, т.е. она характеризует человека возраста 16 или 64 лет. Обозначая человека возраста 16 лет, данная единица обладает гендерной маркированностью и означает девушку 16 лет [Дуань Цзянь 2010: 18–19; Чжан Чи 2014: 15]. Данная единица в современном китайском языке является устаревшей. Таким образом, в китайском языке языковая игра представляет собой своеобразный способ пополнения лексических единиц с семантикой возраста человека.

Лексические единицы типа 总角 [букв. *волосы рожками*], представляющие собой образные названия человека определённого возраста, включают следующие единицы с семантикой молодости человека: 胜衣 [букв. *быть достойным одежды мужа*], 束发 [букв. *скреплять волосы*], 结发 [букв. *завязывать волосы узлом*], 髻右 [букв. *свисающие волосы с правой стороны*], 黄口 [букв. *жёлтый клюв*], 赤子 [букв. *красное тело*], 红颜 [букв. *красное лицо*], 孺稚 [букв. *маленький ребёнок*], 稚孺 [букв. *зелёный ребёнок*], 稚龄 [букв. *малолетние*], 及笄 [букв. *использовать шпильки для волос*], 弱冠 [букв. *надевание шапки совершеннолетия*], 待字 [букв. *ждать помолвки*], 標梅 [букв. *оппадающая перезрелая слива*], 舞勺 [букв. *танцевать гражданский танец*], 舞象 [букв. *танцевать военный танец*], 而立 [букв. *встать на ноги*], 佩觿 [букв. *носить на поясе костяное шило, для распутывания узлов*], 冲年 [букв. *малолетний*], 豆蔻 [букв. *амомум ребристый*] и 志学 [букв. *обратить все помыслы на учение*].

Единица 志学 [букв. *обратить все помыслы на учение*] означает молодых людей возраста 15 лет, единица 而立 [букв. *встать на ноги*] – молодых людей возраста 30 лет. Они происходят из древнейшего и известного произведения «Луньюй»: 子曰: “吾十有五, 而志于学。三十而立, 四十而不惑, 五十而知天命,

六十而耳顺，七十而从心所欲，不逾矩。”（《论语·为政》）（русский перевод: *Конфуций говорил, что, когда мне исполнилось 15 лет, я обратил все помыслы на учёбу. Когда мне исполнилось 30 лет, я пытался установить цели и стать самостоятельным человеком. <...> «Лунь Юй»*). Данные единицы выявляют конфигурацию типичного представления китайцев о каждом периоде жизни человека и показывают с позиции Конфуции основной жизненный путь человека.

Единица *冲年* [букв. *малолетний*] описывает молодость человека и является устаревшей единицей в современном китайском языке. Единица *豆蔻* [букв. *амомум ребристый*] обладает гендерной маркированностью и обозначает девушку 13–14 лет. Образ данной единицы основан на растительной метафоре, уподоблении по сходству расцветающего ребристого амомума и девушки молодого возраста. Она показывает стереотипное представление о молодости девушки.

Единица *胜衣* [букв. *быть достойным одежды мужа*] означает того, кто уже вырос и может носить одежду взрослого. Данная единица описывает возраст человека и его рост, обозначая совсем юный возраст. В современном китайском языке она употребляется крайне редко. Лексические единицы *束发* [букв. *скреплять волосы*], *结发* [букв. *завязывать волосы узлом*] и *髻右* [букв. *свисающие волосы с правой стороны*] описывают причёску молодого человека. В Древнем Китае считалось, молодой человек должен завязывать волосы в пучок. Им свойственна гендерная маркированность: *束发* [букв. *скреплять волосы*] и *结发* [букв. *завязывать волосы узлом*] описывают только мужчину, а единица *髻右* [букв. *свисающие волосы с правой стороны*] – только женщину [Чжан Чи 2014: 14-17]. В современном китайском языке единицы *结发* [букв. *завязывать волосы узлом*] и *髻右* [букв. *свисающие волосы с правой стороны*] употребляются крайне редко, а единица *束发* [букв. *скреплять волосы*] активно употребляется для характеристики молодого человека. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: *我从束发教书, 至今七十多年, 教过的学生很不少* (русский

перевод: *С молодости я преподаю в школе очень многим ученикам, до сих пор – более 70 лет*).

Лексемы 孺稚 [букв. *маленький ребёнок*], 稚孺 [букв. *зелёный ребёнок*] и 稚齡 [букв. *малолетние*] образуются на основе иероглифа 稚, который означает малолетний, неопытный, зелёный и неоперившийся. Данные единицы означают неопытность молодого человека, т.е. черты характера человека [Там же: 8]. Единица 黃口 [букв. *жёлтый клюв*] обозначает не только детей, но и молодых людей. Обозначая молодых людей, данная единица обладает отрицательной оценкой, т.е. она также означает неопытность молодого человека. Единицы 赤子 [букв. *красное тело*] и 紅顏 [букв. *красное лицо*] также характеризуют не только детей, но и молодых людей. 赤子 [букв. *красное тело*] означает юного, молодого человека, чистого, доброго и патриотичного; а единица 紅顏 [букв. *красное лицо*] – красивую и нежную девушку.

Единицы 及笄 [букв. *использовать шпильки для волос*] и 弱冠 [букв. *надевание шапки совершеннолетия*] обозначают внешность и социальный статус людей молодого возраста. 弱冠 [букв. *надевание шапки совершеннолетия*] характеризует только мужчину. В Древнем Китае существовал обряд надевания шапки совершеннолетия юноше, достигшему 20-летнего возраста. Итак, единица 弱冠 [букв. *надевание шапки совершеннолетия*] описывает совершеннолетнего мужчину, которому принято исполнять социальную ответственность [Дуань Цзянь 2010: 8; Чжан Чи 2014: 12]. Единица 及笄 [букв. *использовать шпильки для волос*] также употребляется для характеристики возраста человека с помощью описания его головных украшений. В Древнем Китае считалось, что девушка в возрасте 15 лет «может использовать шпильки для волос, потому что волосы у неё уже выросли. В возрасте 15 лет девушка взрослая, её было принято выдавать замуж» [цит. Доу Чуньяо 2019-а: 229, см. также Дуань Цзянь 2010: 8; Чжан Чи 2014: 12]. Таким образом, данная единица 及笄 [букв. *использовать шпильки для волос*] описывает молодость девушки. Отметим, что единицы 待字 [букв. *ждать*

помолвки] и 標梅 [букв. опадающая перезрелая слива] также означают девушку в возрасте, когда принято выходить замуж [Чжан Чи 2014: 14]. В современном китайском языке единица 標梅 [букв. опадающая перезрелая слива] является устаревшей единицей.

Лексические единицы 佩觿 [букв. носить на поясе костяное шило, для распутывания узлов], 舞勺 [букв. танцевать гражданский танец] и 舞象 [букв. танцевать военный танец] употребляются для характеристики молодости человека с помощью описания древних традиций и этикета. Единица 佩觿 [букв. носить на поясе костяное шило, для распутывания узлов] означает тех, кто почти взрослый [Дуань Цзянь 2010: 12]. В Древнем Китае, «когда детям исполнялось 15 лет, родители просили их носить костяное шило на поясе для распутывания узлов каната. Узел каната в таком случае символизирует 'узел' в отношении между людьми, т.е. родители надеются, что их дети сами могут разрешать проблемы в отношениях между людьми» [Доу Чуньяо 2019-а: 230]. 舞勺 [букв. танцевать гражданский танец] и 舞象 [букв. танцевать военный танец] являются названиями древнекитайского гражданского танца, т.е. танец без оружия 舞勺 [букв. танцевать гражданский танец] и танец с оружием 舞象 [букв. танцевать военный танец] [Дуань Цзянь 2010: 13]. Мужчины, которым исполнилось 13 лет, танцуют без оружия, а те, которым исполнилось 15 лет, танцуют с оружием. Итак, единица 舞勺 [букв. танцевать гражданский танец] означает мужчину 13 лет, а единица 舞象 [букв. танцевать военный танец] – мужчину 15 лет. Данные единицы в современном китайском языке являются устаревшими.

Данные китайские единицы, как правило, употребляются в письменной речи и являются лексемами высокого стиля. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: 1) 一个中年妇女带着豆蔻少女韩小玲从新疆千里迢迢来沪求医 (русский перевод: Женщина средних лет с молодой девушкой Хань Сяолин приехала из Синьцзяна в Шанхай за врачом); 2) 老的府邸, 我住在东跨院, 和主宅完全隔离, 在过去应该是属于一位待字小姐的起卧处 (русский перевод: В

старом особняке я жил в восточном боковом дворе, который полностью изолирован от главного дома. В прошлом этот восточный боковой двор должен был быть спальным помещением девушки, которая ждёт помолвки) и т.д.

Через компонентный и контекстный анализ мы заметим, что в русском и китайском языках существуют такие единицы, которые описывают человека, находящегося в детском возрасте, но в современной речи они означают человека молодого или зрелого возраста. Ср., например, русские лексемы *мальчик, девочка, младенец* и китайские единицы *黄口* [букв. жёлтый клюв], *赤子* [букв. красное тело] и *红颜* [букв. красное лицо]. Русские единицы *мальчик, девочка, младенец* и китайская единица *黄口* [букв. жёлтый клюв] описывают неопытного, наивного или легкомысленного молодого человека, т.е. имеют отрицательную оценку. Как было показано выше, обозначая молодого человека, китайские единицы *赤子* [букв. красное тело] и *红颜* [букв. красное лицо] выражают положительную оценку.

Лексические единицы с семантикой молодости человека в русском и китайском языках обладают «фамильярной, жаргонной» окраской. Ср., например: *青椒* [зелёный перец], *чувак, фраер, молодка, деваха* и т.д. Очевидно, что эгоцентризм молодого поколения на языковом уровне также проявляется, т.е. молодой человек создает номинацию «для себя».

Лексические номинации русского и китайского языков, означающие молодость человека, включают не только единицы, означающие только молодость человека, но и единицы, описывающие молодость с помощью описания других явлений, так или иначе связанных с возрастной проблематикой, в том числе внешность, физическое и физиологическое состояние, черты характера, интеллектуальные способности, социальный статус и т.д. Ср.: единицы *жеребец, красotka, молодец, 帅哥* [красавчик], *美男* [красивый мужчина], *壮汉* [молодец], *美女* [красавица], *胜衣* [букв. быть достойным одежды мужа], *束发* [букв. скреплять волосы], *结发* [букв. завязывать волосы узлом], *髻右* [букв. свисающие волосы с правой стороны], *红颜* [букв. красное лицо] и др.

употребляются для характеристики возраста человека и его внешности; единицы *жеребец, молодец, 壮汉* [молодец] и др. означает возраст человека и его физическое состояние; единицы *зелень, салага, мальчик* (неопытный и легкомысленный мужчина), *младенец* (неопытный и наивный человек), *девочка* (молодая и неопытная девушка), *好汉* [удалец], *拜金女* [девушка, которая преклоняется перед материальными ценностями], *黄口* [букв. жёлтый клюв], *赤子* [букв. красное тело], *孺稚* [букв. маленький ребёнок], *稚孺* [букв. зелёный ребёнок], *稚龄* [букв. малолетние] и др. описывают не только возраст человека, но и его черты характера; единица *недоросль* выявляет дифференциальный семантический признак – «характеристика по интеллектуальным способностям»; единицы *девица, 青椒* [зелёный перец], *少女* [девица], *而立* [букв. встать на ноги], *及笄* [букв. использовать шпильки для волос], *弱冠* [букв. надевание шапки совершеннолетия], *待字* [букв. ждать помолвки], *標梅* [букв. опадающая перезрелая слива] и др. описывают возраст человека и его социальный статус.

Следует отметить, что среди имён существительных с семантикой молодости человека нередко встречаются единицы, которые обладают гендерной маркированностью. Ср.: русские и китайские единицы *жеребец, молодец, парень, фраер, 小伙子* [парень], *壮汉* [молодец], *好汉* [удалец], *高富帅* [высокий, богатый и красивый мужчина], *帅哥* [красавчик], *舞勺* [букв. танцевать гражданский танец], *舞象* [букв. танцевать военный танец], *志学* [букв. обратить все помыслы на учение], *弱冠* [букв. надевание шапки совершеннолетия] и др. означают только мужчину; а единицы *бабочка, девушка, кобылка, красотка, коза, 美女* [красавица], *拜金女* [девушка, которая преклоняется перед материальными ценностями], *姑娘* [девушка], *少女* [девица], *二八* [букв. два-восемь], *破瓜* [букв. разделять иероглиф 瓜], *豆蔻* [букв. ароматный ребристый], *待字* [букв. ждать помолвки], *標梅* [букв.

оппадающая перезрелая слива], 及笄 [букв. использовать шпильки для волос], 紅顏 [букв. красное лицо] и др. представляют собой наименования женского пола.

Лексические единицы русского и китайского языков, означающие молодого человека, отражают различия между мужчинами и женщинами. На наш взгляд, в русской и китайской лингвокультурах различия между мужчинами и женщинами появляются в молодости. В русском и китайском языках существуют лексемы, обозначающие девушку, которая находится в добрачном периоде, ср.: *девица*, 少女 [девица], 及笄 [букв. использование шпильки для волос], 待字 [букв. ждать помолвки] и т.д. В русском и китайском языках отсутствуют лексические единицы, которые характеризуют мужчину, находящегося в добрачном периоде. Кроме того, следует обратить внимание на китайские номинативные единицы 志学 [букв. обратить все помыслы на учение], 舞勺 [букв. танцевать гражданский танец] и 舞象 [букв. танцевать военный танец]. Номинации 舞勺 [букв. танцевать гражданский танец] и 舞象 [букв. танцевать военный танец] выявляют систему образования в Древнем Китае. Для того чтобы мужчина овладел военным делом, он должен учиться танцевать гражданский танец в 13 лет, а в 15 лет он должен учиться танцевать военный танец [Дуань Цзянь 2010: 52]. Номинативная единица 志学 [букв. обратить все помыслы на учение] происходит из слов Конфуция. Согласно Конфуцию, пятнадцатилетний мальчик должен начать учиться [Там же: 16].

В русском языке лексемы, называющие растения, употребляются для характеристики молодого человека, ср.: *зелень, поросль, ивняк* и др. Первичное значение лексемы *поросль* также связано с растением, у нее появляется переносное значение с высокой стилистической окраской: *поросль* – «молодое поколение». Семы «молодой», «неопытный», «незрелый» имеются у лексемы *зелень, зелёный*. Лексема *зелень* создаётся на основе растительной метафоры. Зелёный цвет в русской лингвокультуре символизирует юность и цветение [Воевода 2012: 7]. Некоторые собирательные лексемы с суффиксом *-няк* – *березняк, дубняк, ивняк, липняк* и *сосняк* отражают существующую связь человека с

миром растений, а лексема *молодняк* имеет первичное значение – молодые животные и молодой лес.

Такое явление также встречается в китайском языке, ср., например, в единицах *青椒* [зелёный перец], *花朵* [цветок] и *豆蔻* [букв. амомум ребристый]. Последняя характеризуется гендерной маркированностью и означает только девушку 13–14 лет. Такая номинация является цитатой из стихотворения «Подарить на прощанье» великого китайского поэта времени правления династии Тан (618–907 гг.): «*娉娉袅袅十三余, 豆蔻梢头二月初*» («*赠别*») (русский перевод: *девушка, у которой внешний облик прекрасный и поведение изящное; находится в возрасте 12–14 лет; бутон ребристого амомума расцветает в начале февраля* – «Подарить на прощанье», Ду Му). Ду Му пишет: «Ребристый амомум таит в себе бутон в начале февраля» и сравнивает девушку 12–14 лет с расцветающим ребристым амомумом» [цит. Доу Чуньяо 2019-а: 231]. Лексическая единица *青椒* [зелёный перец] имеет следующие значения: 1) она обозначает молодого человека, который только что социализировался в обществе; 2) она означает молодого преподавателя, который работает в университетах и исследовательских институтах в Китае [Толковый словарь китайского языка Baidu онлайн: <https://hanyu.baidu.com/>]. Образ данной единицы основан на растительной метафоре. В её семантике выявляются семы «молодость», «неопытность» и «незрелость». В китайском языке единица *花朵* [цветок] не только означает распустившиеся цветы (лепесток), но и имеет переносное значение, т.е. образное название юных и молодых людей. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: *青少年是祖国的花朵, 是祖国的希望和未来。毛主席说: “你们是早上八、九点钟的太阳, 希望寄托在你们身上。”* (русский перевод: *Подросток как цветы Родины – надежда и будущее страны. Председатель Мао сказал, что вы как солнце в восемь или девять часов утра. На вас возлагается надежда*). Цветы в китайской лингвокультуре символизируют красоту и чистоту, являются маркерами надежды. В связи с тем что многие цветы в Китае красные, этот цвет считается в китайской лингвокультуре цветом жизни [Ван Хунвэй, Янь Кай

2014: 20].

Кроме того, образ единиц *жеребец, кобылка, коза, телка* и 黄口 [букв. *жёлтый клюв*] основан на основе зооморфной метафоры. В русском языке данные лексемы, называющие животных, характеризуются гендерной маркированностью, ср., например, лексема *жеребец* означает молодого мужчину; лексемы *кобылка, коза* и *тёлка* обозначают молодую женщину. Очевидно, что значимость гендерной маркированности проявляется в анализе лексем, означающих лиц молодого возраста.

Лексическая система отражает неоднозначную оценку периода молодости. Положительная коннотация лексем русского языка выражается с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов, например, *козочка, мамочка, бабочка* и т.д. В русской и китайской лингвокультурах молодой человек может быть сильным и красивым. Ср., например, русские единицы *молодец* (нар. -поэт.), *красотка* (прост.). Такая положительная оценка в китайском языке выражается в лексемах 壮汉 [молодец], 帅哥 [красавчик], 美男 [красивый мужчина], 美女 [красавица] и т.д. Кроме того, китайская единица 而立 [букв. *встать на ноги*] имеет признак 'самостоятельный' в представлении китайцев о молодости. Лексемы русского и китайского языков 青椒 [зелёный перец], 黄口 [букв. *жёлтый клюв*], *молокосос, недоросль, поросль, салага, сопляк, сосунок* и *щенок* содержат в своих значениях такие отрицательные коннотации, как 'неопытность' и 'неумение'.

Таким образом, лексико-семантическое микрополе (ЛСМП) 'молодость/青年' русского и китайского языков включает 52 русских единицы и 42 китайских. В русском языке основной способ пополнения лексической единицы заключается в образовании суффиксальным способом. Ср.: в русском языке есть многочисленные однокоренные синонимы, имеющие разные стилистические особенности (напр., *парень, паренёк, парнишка*). По сравнению с русскими единицами в китайском языке основной способ пополнения лексической единицы заключается в своеобразной языковой игре и восходящих к древним китайским известным текстам единицам, представляющих собой дополнительные, образные

названия лиц определённого возраста.

Заметим, что эгоцентризм молодого поколения проявляется также на языковом уровне. Молодой человек создает номинацию «для себя». В русском и китайском языках существуют единицы с семантикой молодости человека, обладающие «фамильярной, жаргонной» окраской. Ср.: 青椒 [зелёный перец], *чувак* и т.д. Кроме того, значимость гендерной маркированности проявляется в анализе лексем, означающих лиц молодого возраста, т.е. различия между мужчинами и женщинами в русской и китайской лингвокультурах появляются в периоде молодости. Ср.: в русском и китайском языках существуют единицы, обозначающие девушку, которая находится в добрачном период (*девица/少女* и др.). Иными словами, у женщин есть добрачный период, а у мужчин нет.

Как лексические единицы, означающие детство человека, лексические единицы с семантикой молодости человека употребляются также для обозначения молодого человека с помощью описания других явлений, а именно: внешности, физического состояния, черт характера, интеллектуальных способностей и социального статуса. В русском и китайском языках существуют единицы, образ которых основан на растительной метафоре. Данные единицы, как правило, проявляют «неопытность» и «незрелость» молодости, ср.: *зелень*, 青椒 [зелёный перец] и др. Кроме того, молодость в русской и китайской лингвокультурах также имеет положительную оценку, ср.: *молодец*, 帅哥 [красавчик] и т.д.

2.4. Лексико-семантические микрополя 'зрелость/壮年' в русском и китайском языках

В русском языке среди единиц со значением 'зрелость' также существует много однокоренных эмоционально-оценочных дериватов, ср., например, *баба*, *бабёнка*, *бабеночка*, *бабей*, *бабища*, *бабье*; *дама*, *дамочка*; *дядя*, *дяденька*, *дядька*, *дядечка*; *женщина*, *жена*, *жёнка*; *мужчина*, *муж*, *мужичьё*, *мужчинка*, *мужик*, *мужичонка* и *тётя*, *тётка*, *тётенька* [БТС 2008, Даль 2010, Ожегов 2012].

Кроме того, лексемы *бабушка, господин, дедушка, матрона* и т.д. также описывают человека зрелого возраста. В китайском языке лексические номинации, означающие зрелость человека, в основном включают *男人* [мужчина], *单身汉* [холостяк], *旷夫* [вековуха], *叔叔* [дядя со стороны отца], *舅舅* [дядя со стороны матери], *未婚夫* [жених], *妇女* [женщина], *阿姨* [тётя], *大婶* [тётушка], *大娘* [тётка], *怨女* [вековушка] и т.д.

Заметим, что по сравнению с единицами в ЛСМП '童年 [детство]', '青年 [молодость]' и '老年 [старость]', в ЛСМП '壮年 [зрелость]' существует самое малочисленное количество лексических единиц типа *总角* [букв. *волосы рожками*], представляющих собой образные, дополнительные названия человека определённого возраста. Ср.: *壮* [букв. *крепкий*] и *不惑* [букв. *без колебаний*].

Единица *不惑* [букв. *без колебаний*] происходит из древнейшего и известного произведения «Луньюй»: 子曰：“吾十有五，而志于学。三十而立，四十而不惑，五十而知天命，六十而耳顺，七十而从心所欲，不逾矩。”（《论语·为政》）(русский перевод: *Конфуций говорил: <...> когда мне исполнилось 40 лет, я чётко понял, что такое правильное, и что такое неправильное, я стал разумным человеком. <...> «Лунь Юй»*). Данная единица выявляет конфигурацию типичного представления китайцев о каждом периоде жизни человека и показывают с позиции Конфуция основной жизненный путь человека.

Лексема *壮* [букв. *крепкий*] употребляется для характеристики зрелости человека, поскольку с точки зрения китайцев, зрелость – самый мощный и энергичный период в жизни человека [Дуань Цзянь 2010: 9]. В древних китайских литературных памятниках данная лексема, как правило, употреблялась как единица *壮齿* [букв. *крепкие зубы*] [Там же: 9]. Итак, зрелость в китайской лингвокультуре характеризуется мощностью и энергичностью. Кроме того, лексемы *взрослость, возмужание, зрелость, 成年* [взрослость, зрелость], *壮年* [возмужание], *成熟* [зрелость], *不惑* [букв. *не иметь сомнений*] как ключевые репрезентации со значением 'зрелость' развивают метафорические значения,

связанные с признаком «спелый и зрелый». Китайская единица 不惑 [букв. *не иметь сомнений*] является лексемой с возвышенной стилистической окраской. Она также имеет признак 'мудрый' в представлении китайцев о зрелости.

Следует обратить внимание на лексему *женщина* и сопоставить её с эквивалентным словом в китайском языке 女人 [*женщина*]. Лексема *женщина* в русском языке означает лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке [БТС 2008: 303]. Китайская лексема 女人 [*женщина*] имеет следующее значение: 女人 [*женщина*] – общепринятое наименование взрослых женщин [Толковый словарь китайского языка Baidu онлайн: <https://hanyu.baidu.com/>], т.е. согласно словарной дефиниции китайская лексема 女人 [*женщина*] прямо указывает на возраст. Несмотря на то что лексема *женщина* не имеет прямого указания на возраст, однако И.А. Стернин полагает, что семантический признак «возраст» в значении слова *женщина* представлен семой 'взрослая' и значимостью 'старше девочки, ребёнка, младше старика, старухи' [Стернин 1985: 114].

Лексические единицы 男子汉/丈夫 [*муж*], 妇女/妻子 [*жена*], *муж* и *жена* обладают яркой стилистической окраской, поскольку они показывают социальный статус мужчин и женщин. *Муж* и *жена* – главы семьи, а семья представляет собой основу «ячейки общества». Кроме того, *муж* и *жена* как взрослые люди могут быть общественными деятелями. Таким образом, возвышенная стилистическая окраска у данных лексем возникла в связи с представлением о ценности взрослых людей в обществе.

Очевидно, что некоторые лексические единицы русского и китайского языков обладают гендерной маркированностью. Ср., например, русские и китайские единицы *дядя*, *мужчина*, *муж*, *жених*, 男人 [*мужчина*], 单身汉 [*холостежь*, *холостяк*], 丈夫 [*вековуха*], 叔叔 [*дядя со стороны отца*], 舅舅 [*дядя со стороны матери*], 未婚夫 [*жених*] и др. означают только мужчину; а единицы *баба*, *дама*, *женщина*, *жена*, *тётя*, 妇女 [*женщина*], 阿姨 [*тётя*], 大婶 [*тётушка*], 大娘 [*тётка*], 怨女 [*вековушка*] и др. описывают только лицо

женского пола. Лексические единицы в данном микрополе употребляются для характеристики зрелости человека с помощью описания одного явления, а именно социального статуса. Ср.: *муж, жена, 丈夫 [вековуха], 怨女 [вековушка]* и т.д.

Отметим, что в данном микрополе в китайском языке отсутствуют единицы, образ которых основан на растительной или зооморфной метафоре. В русском языке среди лексем, называющих животных, имеются единицы, характеризующиеся гендерной маркированностью, ср., например, лексемы *боров, бугай* и *кабан* употребляются для характеристики мужчины зрелого возраста; лексемы *кобыла, корова* и *курица* – для обозначения женщины зрелого возраста. Итак, значимость гендерной маркированности также проявляется в анализе лексем, означающих лиц зрелого возраста.

Таким образом, ЛСМП 'зрелость/壮年' включают 34 русской единицы и 15 китайских. Несмотря на то что данное ЛСМП имеет наименьшее количество единиц, но зрелый и взрослый человек в обществе представляет собой основу «ячейки общества». Ср.: *男子汉/丈夫 [муж], 妇女/妻子 [жена], муж и жена*. Возвышенная стилистическая окраска у данных лексем возникла в связи с представлением о ценности взрослых людей в обществе. Кроме того, зрелость человека в русских и китайских лексических единицах пересекается с их социальным статусом. Иными словами, лексические единицы, означающие зрелость человека, характеризуют только его социальный статус. Ср.: *муж, жена, 丈夫 [вековуха], 怨女 [вековушка]* и т.д.

Следует отметить, что зрелость в русской и китайской лингвокультурах характеризуется зрелым (*成年/взрослость*). Кроме того, зрелость в китайской лингвокультуре характеризуется мощностью и энергичностью (*壮* [букв. *крепкий*]) и мудростью (*不惑* [букв. *не иметь сомнений*]). Кроме того, в данном микрополе единицы, образ которых основан на зооморфной и растительной метафоре, присутствуют только в русском языке. Ср.: *боров, корова* и т.д.

2.5. Лексико-семантические микрополя 'старость/老年' в русском и китайском языках

Лексические номинации русского и китайского языков, означающие лицо пожилого возраста, в основном включают *бабушка, ветеран, дед, долгожитель, мать, руина, старик, хрыч* и др. в русском языке и *老人 [старик], 老爷爷 [дед], 老大爷 [дедушка, папаша], 老奶奶 [бабушка], 大娘 [мать], 老家伙 [хрыч], 老将 [ветеран], 寿星 [долгожитель]* и др. в китайском языке.

Заметим, что русские единицы с семантикой 'старости человека' также включают однокоренные синонимы: 1) слова с корнем *баб-*: *бабушка (ласк.), бабуля (ласк.), бабулька (разг.), бабуленька (усилит.), бабуся (прост.), бабусенька (усилит.)*; 2) слова с корнем *дед-*: *дед (разг.), дедка (ласк.), дедушка (прост.), дедок (разг.), дедуля (ласк.)*; 3) слова с корнем *стар-*: *старик, старец (почтит.), старче (устар.), старикан (шутл.), старикашка (уничиж.), старичишка (уничиж.), старичок (ласк.), старичонка (уничиж.), старина (разг.), старинушка (ласк.); старуха, старушонка (уничиж.), старушка (ласк.)* [БТС 2008, Даль 2010, Ожегов 2012]. Очевидно, что данные однокоренные единицы употребляются в разных функциональных стилях. Некоторые из них употребляются в разговорно-просторечной, фамильярной речи (ср.: *старичишка, дедуля, бабуля* и т.д.).

Кроме того, лексема *хрыч (хрычовка)* представляет собой бранную номинацию пожилого человека. Такая единица также существует в китайском языке, ср.: *老家伙 [хрыч]*. В русском языке также существуют единицы в ласкательной форме к старикам, ср., например, *бабуля, дедуля, старушка* и т.д., т.е. имени существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами *-ул(я)* и *-ушк(а)*. Отметим, что эти суффиксы употребляются не только для образования единиц, характеризующих пожилого человека (*бабуля, дедуля, старушка*), но и для образования номинаций детей (*капризуля, девчушка*).

Как было показано выше, по сравнению с русскими лексическими

единицами с семантикой возраста человека в китайском языке есть единицы, которые описывают возраст человека с помощью своеобразной языковой игры. Среди лексических единиц, означающих старость человека, тоже есть такие единицы. Ср.: 米寿 [букв. 88-летний возраст], 白寿 [букв. 99-летний возраст] и 破瓜 [букв. разделять иероглиф 瓜]. Иероглиф 寿 в единицах 米寿 [букв. 88-летний возраст] и 白寿 [букв. 99-летний возраст] означает возраст человека. Иероглиф 米 в единице 米寿 [букв. 88-летний возраст] разделяется на три иероглифа 八 十 八 [восемьдесят восемь], и поэтому данная единица характеризует 88-летний возраст [Дуань Цзянь 2010: 19]. Иероглиф 百 обозначает число *сто*, а иероглиф 白 в единице 白寿 [букв. 99-летний возраст] уменьшает одну черту по сравнению с иероглифом 百 [число сто]. Таким образом, 白寿 описывает 99-летний возраст [Там же: 19]. Очевидно, что в китайской лингвокультуре деликатно означаются лица пожилого возраста. Следует особо обратить внимание на единицу 破瓜. Иероглиф 破 обозначает разбить иероглиф на части, а иероглиф 瓜 разделяется на два иероглифа 八 [восемь]. Образ данной единицы также связан с математическими играми (с помощью сложения и умножения): $8+8=16$; $8 \times 8=64$ [Там же: 18]. Таким образом, она может обозначать девушку 16-летнего возраста или любого человека 64-летнего возраста.

Кроме того, среди лексических единиц с семантикой 'старости человека' также существуют единицы типа 总角 [букв. волосы рожками], которые представляют собой образные, дополнительные номинации человека определённого возраста. Данные единицы восходят к древним китайским известным текстам различных жанров. Средняя продолжительность жизни человека в современном Китае значительно увеличилась, и старость наступает позже (см. параграф 1.4. данной диссертации), поэтому мы не можем распределить данные единицы по принципу современной китайской временной шкале жизни человека, ср.: 杖家 [букв. человек, которому разрешается ходить с посохом по своему двору], означающая людей возраста 50 лет, является

единицей со значением 'старость человека', поскольку 50-летний человек в Древнем Китае – старик.

Итак, лексические единицы 知命 [букв. *знать волю неба*], 耳顺 [букв. *уши стали мне послушны*], 花甲 [букв. *60 лет*], 下寿 [букв. *малое долголетие*], 古稀 [букв. *мало людей может дожить до 70 лет в истории*], 从心 [букв. *следовать велению сердца*], 中寿 [букв. *среднее долголетие*], 上寿 [букв. *высшее долголетие*], 耄耋 [букв. *старец возраста 80–90 лет*], 期颐 [букв. *столетний старец*], 皓首 [букв. *седая голова*], 垂白 [букв. *с сединой*], 斑白 [букв. *наполовину седой*], 戴白 [букв. *убелённый сединами*], 白首 [букв. *белая голова*], 黄发 [букв. *пожелтевшие волосы*], 玄首 [букв. *волосы ещё не белые*], 眉寿 [букв. *длинные брови*], 龙眉 [букв. *брови с проседью*], 冻梨 [букв. *мороженая груша*], 鲐背 [букв. *спина скумбрии*], 鲐皮 [букв. *кожа скумбрии*], 犁老 [букв. *старик с лицом тёмно-коричневого цвета*], 儿齿 [букв. *молочные зубы в старости*], 齿衰 [букв. *стареющие зубы*], 老眊 [букв. *старческая слепота*], 颓年 [букв. *дрянной возраст*], 杖家 [букв. *человек, которому разрешается ходить с посохом по своему двору*], 杖乡 [букв. *человек, которому разрешается ходить с посохом по деревне*], 杖国 [букв. *человек, которому разрешается ходить с посохом по территории всего государства*] и 杖朝 [букв. *человек, которому разрешается являться к царскому двору с посохом*] употребляются для указания на старость человека. Рассмотрим данные единицы.

Единицы 知命 [букв. *знать волю неба*], 耳顺 [букв. *уши стали мне послушны*] и 从心 [букв. *следовать велению сердца*] также происходит из древнейшего и известного произведения «Луньюй»: 子曰：“吾十有五，而志于学。三十而立，四十而不惑，五十而知天命，六十而耳顺，七十而从心所欲，不逾矩。”

(《论语 为政》) (русский перевод: *Конфуций говорил, что <...> когда я находился в возрасте 50 лет, я понял свои исторические миссии, и почему и откуда я пришёл в этот мир. Когда мне 60 лет, я невозмутимо, внимательно послушал мнения и*

разногласия других людей, понял их и правильно оценил. Когда я находился в возрасте 70 лет, я сделал так, как я думал, и одновременно не переступил правило и порядок общества. «Лунь Юй»). Данные единицы в целом выявляют конфигурацию типичного представления китайцев о каждом периоде жизни человека и показывают с позиции Конфуция основной жизненный путь человека.

Единица 古稀 [букв. мало людей могут дожить до 70 лет в истории] происходит из стиха «река Цюй Цзян, второй стих» великого поэта Ду Фу (712–770 гг.) в период династии Тан (618–907 гг.) «酒债寻常行处有, 人生七十古来稀» (русский перевод: *В мире везде такие люди, которые всегда покупают вино в кредит. Это обычный случай. Но с древних времен людей, которые могли дожить до 70 лет, очень мало. Жизнь человека обычно коротка, мы должны ловить миг удовольствия и пить вволю*). Итак, данная единица в современном китайском языке употребляется для обозначения пожилых людей возраста 70 лет. Единицы 下寿 [букв. малое долголетие], 中寿 [букв. среднее долголетие] и 上寿 [букв. высшее долголетие] также происходит из «Цзо чжуань» («Комментарии Цзо»: комментарии к хронике «Чуньцю», написанные Цзо Цюмином). Единица 下寿 [букв. малое долголетие] означает пожилых людей возраста 60 лет, единица 中寿 [букв. среднее долголетие] – пожилых людей возраста 80 лет; единица 上寿 [букв. высшее долголетие] – пожилых людей возраста 100 лет. В современном китайском языке единицы 下寿 [букв. малое долголетие] и 上寿 [букв. высшее долголетие] являются устаревшими [Дуань Цзянь 2010: 18].

Лексические единицы 皓首 [букв. седая голова], 垂白 [букв. с сединой], 斑白 [букв. наполовину седой], 戴白 [букв. убелённый сединами], 白首 [букв. белая голова], 黄发 [букв. пожелтевшие волосы] и 玄首 [букв. волосы ещё не белые] описывают цвет волос пожилого человека. Отметим, что 戴白 [букв. убелённый сединами] и 玄首 [букв. волосы ещё не белые] в современном китайском языке употребляются крайне редко. Единицы 眉寿 [букв. длинные брови] и 龙眉 [букв. брови с проседью] характеризуют состояние бровей старого человека. В

китайской лингвокультуре длинные брови символизируют долголетие [Там же: 12]. Данные единицы показывают типичное представление о внешности стариков, т.е. у стариков брови длинные и поседевшие [Там же: 12].

Единицы 冻梨 [букв. мороженая груша], 鲑背 [букв. спина скумбрии], 鲑皮 [букв. кожа скумбрии] и 犁老 [букв. старик с лицом тёмно-коричневого цвета] также показывают типичное представление о внешности стариков, т.е. у стариков кожа вялая [Там же: 11]. Следует особо обратить внимание на единицы 冻梨 [букв. мороженая груша], 鲑背 [букв. спина скумбрии] и 鲑皮 [букв. кожа скумбрии]. Образ единицы 冻梨 [букв. мороженая груша] создаётся на растительной метафоре: кожа лица стариков очень тёмная, как мороженая груша. Образ единиц 鲑背 [букв. спина скумбрии] и 鲑皮 [букв. кожа скумбрии] создаётся на растительной метафоре: у стариков пятнистая и дряблая спина, как спина и кожа скумбрии. В современном китайском языке данные единицы являются устаревшими [Там же: 11].

Лексемы 老眊 [букв. старческая слепота] и 颓年 [букв. дрянной возраст] описывают стариков с помощью описания его физического состояния [Чжан Чи 2014: 22]. Данные единицы показывают, что старость характеризуется слабостью. Единицы 儿齿 [букв. молочные зубы в старости] и 齿衰 [букв. стареющие зубы] описывают состояние зубов стариков. Следует обратить внимание на единицу 儿齿 [букв. молочные зубы в старости]. Она употребляется для обозначения стариков, поскольку у стариков атрофия дёсен, зубы выглядят как молочные зубы у детей [Дуань Цзянь 2010: 10]. В современном китайском языке данная лексема является устаревшей единицей.

Лексические единицы 杖家 [букв. человек, которому разрешается ходить с посохом по своему двору], 杖乡 [букв. человек, которому разрешается ходить с посохом по деревне], 杖国 [букв. человек, которому разрешается ходить с посохом по территории всего государства] и 杖朝 [букв. человек, которому разрешается являться к царскому двору с посохом] происходят из «Ли Цзи»,

т.е. записки о совершенном порядке вещей, правления и обрядов, книга конфуцианского «Пятикнижия», тексты которой регламентируют общественные отношения, религиозные обряды, сведения о системе правления древних китайских императоров, о древнем календаре и т.д. [Дуань Цзяинь 2010: 13; Чжан Чи 2014: 24]. Первая единица означает людей возраста 50 лет; а вторая – людей возраста 60 лет; третья – людей возраста 70 лет; последняя – людей возраста 80 лет. Очевидно, что данные единицы показывают нам древнюю китайскую традицию, отражая уважительное отношение к старикам [Дуань Цзяинь 2010: 13].

Единица 花甲 [букв. 60 лет] означает пожилых людей возраста 60 лет. «Небесные стволы и земные ветви» – китайская система циклического летоисчисления; сочетание знаков десятичного и двенадцатеричного циклов в китайском летоисчислении. «Небесные стволы – циклические знаки десятичного цикла, отражают циклическое движение энергии ци, изменение её качества во времени. Земные ветви – циклические знаки двенадцатеричного цикла. Земные ветви являются проявлением воли Неба на Земле. Согласно этой системе в каждом году 60 циклов» [цит. Доу Чуньяо 2019-а: 230]. Итак, данная единица в современном китайском языке употребляется для наименования пожилых людей возраста 60 лет.

Данные китайские лексические единицы, как правило, употребляются в письменной речи и являются лексемами возвышенного стиля. Ср., например, 1) *说在香港的地位, 他仅次于香港总督。可惜积劳成疾至于殉职, 仅得中寿* (русский перевод: *В Гонконге он занимает второе место после губернатора. К сожалению, он заболел от переутомления и скончался на 80 году жизни*); 2) *但无语言环境, 也难以吸收继承中国文化。我们这些年近花甲的华侨很少有加入外国国籍的。我们打心眼儿里盼望中国强大* (русский перевод: *Но здесь нет языковой среды, нам трудно наследовать китайскую культуру. Мало из наших пожилых китайцев, живущих за границей, заявило на принятие иностранного гражданства. Поскольку мы сердечно надеемся, что Китай будет сильным*); 3) *我们不难发现, 很多真正有学术价值的著作出版困难, 皓首穷经的学者们出一部书往往拿不到*

分文稿酬, 反倒需向出版社交纳审稿费 (русский перевод: Мы обнаружили, что иногда слишком трудно издавать такие книги, которые действительно имеют академические ценности. Старые учёные часто не могли получать гонорар за издание, наоборот, они должны заплатить расходы по проверке рукописи издательству) и т.д.

Очевидно, что в русском и китайском языках имеются лексические единицы, означающие старость человека с помощью описания других явлений, так или иначе связанных с возрастной проблематикой. Внешность пожилого человека описывается только в китайских единицах типа 总角 [букв. волосы рожками], представляющих собой образные номинации человека определённого возраста, ср.: 皓首 [букв. седая голова], 垂白 [букв. с сединой], 斑白 [букв. наполовину седой], 戴白 [букв. убелённый сединами], 白首 [букв. белая голова], 黄发 [букв. пожелтевшие волосы], 玄首 [букв. волосы ещё не белые], 眉寿 [букв. длинные брови], 龙眉 [букв. брови с проседью], 冻梨 [букв. мороженая груша], 鲐背 [букв. спина скумбрии], 鲐皮 [букв. кожа скумбрии], 犁老 [букв. старик с лицом тёмно-коричневого цвета] и 儿齿 [букв. молочные зубы в старости]; единицы руина, дряхлость, ветхость, 齿衰 [стареющие зубы], 老眊 [букв. старческая слепота] и 颓年 [букв. дрянной возраст] характеризуют физическое или физиологическое состояние пожилых людей; единицы ветеран, 老将 [ветеран], 杖家 [букв. человек, которому разрешается ходить с посохом по своему двору], 杖乡 [букв. человек, которому разрешается ходить с посохом по деревне], 杖国 [букв. человек, которому разрешается ходить с посохом по территории всего государства] и 杖朝 [букв. человек, которому разрешается являться к царскому двору с посохом] описывают возраст человека и его социальный статус.

Отметим, что среди лексических единиц с семантикой 'старость человека' также нередко встречаются единицы, которые обладают гендерной маркированностью. Ср. русские и китайские единицы дед, дедушка, отец, папаша, старик, 老爷爷 [дед], 老大爷 [дедушка, папаша] и т.д. представляют собой

наименования мужского пола; а единицы *бабушка, мать, матушка, старуха, 老奶奶* [бабушка], *大娘* [мать] и т.д. означают только женщину.

Заметим, что для обозначения старости человека в русском и китайском языках широко употребляются лексемы, номинирующие животных и растения. Иными словами, образ некоторых лексем основан на растительной или зооморфной метафоре. Например, лексема *карга* является бранной единицей, относящейся к пожилым женщинам и означает злую безобразную старуху, т.е. для данной единицы также характерна гендерная маркированность. Очевидно, что образ данной единицы основан на зооморфной метафоре. Китайские единицы *鲑背* [букв. спина скумбрии] и *鲑皮* [букв. кожа скумбрии] также употребляются для характеристики старости человека с помощью обозначения животных, а единица *冻梨* [букв. мороженая груша] описывает пожилого человека с помощью номинации растения. Данные китайские единицы описывают мужчину и женщину, но, по данным национального корпуса китайского языка, чаще всего употребляются для возрастной характеристики мужчины [Дуань Цзянь 2010: 44].

Лексические единицы русского и китайского языков отражают такие представления о старости, как 'слабость или немощность' и 'опытность': *дряхласть, ветхость* (слабость), *руина* (немощность), *ветеран* (опытность), *虚弱* [немощь], *衰老* [дряхласть], *老将* [ветеран]. Очевидно, что стилистически сниженные лексемы *дряхласть,虚弱* [немощь] и т.д. выявляют уничижительное, неодобрительное или пренебрежительное отношение к старикам, поскольку они уже слабы, немощны и не могут занимать высокое социальное положение. Кроме того, китайские единицы *杖家* [букв. человек, которому разрешается ходить с посохом по своему двору], *杖乡* [букв. человек, которому разрешается ходить с посохом по деревне], *杖国* [букв. человек, которому разрешается ходить с посохом по территории всего государства] и *杖朝* [букв. человек, которому разрешается являться к царскому двору с посохом] отражают уважительное отношение к старикам в китайской традиции.

Таким образом, в данном параграфе проанализированы 37 русских единиц и 45 китайских единиц. Лексические единицы русского и китайского языков, означающие старость человека, также включают единицы, описывающие только возраст (*старик/老人, бабушка/老奶奶* и др.), и единицы, означающие возраст человека с помощью описания других явлений, так или иначе связанных с возрастной проблематикой (*руина, 垂白* [букв. с сединой], *齿衰* [букв. стареющие зубы] и др.). Внешность пожилого человека описывается только в китайских образных номинациях типа *总角*, ср.: *皓首* [букв. седая голова], *垂白* [букв. с сединой] и т.д. Кроме того, некоторые единицы лишены гендерной маркированности (*ветеран/老将, долгожитель/寿星*), а некоторые обладают гендерной маркированностью, ср.: *бабушка, дедушка, карга, отец, 老奶奶* [бабушка], *老爷爷* [дед] и т.д. В китайском языке лексические единицы микрополя '老年 [старость]' включают единицы, описывающие старость человека с помощью своеобразной языковой игры, ср. *米寿* [букв. 88-летний возраст] и т.д.

Как в русском, так и в китайском языках существуют бранные номинации пожилого человека, ср.: *карга, 老家伙/хрыч*. В русском языке существуют единицы, передающие ласкательное отношение к старикам, ср., например, *бабуля, дедуля, старушка* и т.д., а в китайском языке – единицы с уважительным отношением к старикам, ср., *杖家* [букв. человек, которому разрешается ходить с посохом по своему двору] и т.д. Кроме того, образ некоторых лексем со значением 'старость человека' основан на растительной или зооморфной метафоре. Ср.: в русском языке единицы, являющиеся бранными номинациями пожилых женщин (лексема *карга*), образ которой основан на зооморфной метафоре. В китайском языке такие единицы описывают внешность пожилого человека: *鲐背* [букв. спина скумбрии], *鲐皮* [букв. кожа скумбрии] (зооморфная метафора) и *冻梨* [букв. мороженая груша] (растительная метафора). Лексическая система русского и китайского языков отражает неоднозначную оценку периода старости.

Лексические единицы отражают представления о старости как 'слабость или немощность' (*руина, 衰老/дряхласть*) и 'опытность' (*老将/ветеран*).

2.6. Выводы по Главе 2

ЛСП 'возраст/年齡' русского и китайского языков включают прежде всего единицы *возраст/年齡* и их синонимы *года/годы, лета, 年纪 [лета], 岁数 [число лет], 年事 [годы, лета], 年岁 [лета, период времени, годы]*, которые составляют ядро данных полей. Центральные части ЛСП 'возраст/年齡' включают единицы, представляющие собой названия возрастного периода жизни человека, ср.: *детство, юность, молодость, зрелость* и *старость* в русском языке и *童年 [детство], 少年 [юность], 青年 [молодость], 壮年 [зрелость], 中年 [средний лет] и 老年 [старость]* в китайском языке. Данные единицы наиболее значимы для русской и китайской лингвокультур и не содержат стилистической или эмоционально-экспрессивной окраски.

Несмотря на демографические тенденции в России и Китае, которые ведут к изменению возрастных границ между *молодостью* и *зрелостью*, *зрелостью* и *старостью*, основные возрастные периоды жизни человека в русской и китайской лингвокультурах всё-таки остаются зафиксированными, а именно *детство, молодость, зрелость* и *старость*.

Сопоставительный анализ словарных дефиниций гиперонимов ЛСП 'возраст/年齡' – лексем *возраст/年齡* русского и китайского языков, а также гипонимов данных полей, т.е. русских и китайских лексем *детство, юность, молодость, зрелость, старость* и *童年 [детство], 少年 [юность], 青年 [молодость], 壮年 [зрелость] и 老年 [старость]*, раскрывает сходное и отличительные в понимании возраста человека в сопоставляемых лингвокультурах.

В русском языке толковые словари только указывают, какое место занимает определённый период в жизни человека (ср.: *молодость* – это период, возраст от

отрочества до зрелости), а в китайском же языке толковые словари чётко указывают точные границы возрастных периодов (ср.: 青年 [молодость] – это период от пятнадцати – шестнадцати лет до тридцати лет). Очевидно, что по сравнению с русскими толкованиями в китайских толкованиях один возрастной период определяется не через другой, а конкретным периодом жизни человека.

В ЛСП 'возраст/年齡' в русском языке проанализированные единицы составляют 209 единиц (детство – 86 единиц, молодость – 52 единицы, зрелость – 34 единицы, старость – 37 единиц), а в китайском языке – 133 единицы (детство – 31 единица, молодость – 42 единицы, зрелость – 15 единиц, старость – 45 единиц).

Следует отметить, что основные способы образования лексических единиц в русском и китайском языках имеют свои особенности. В русском языке основной способ пополнения лексической системы языка – суффиксальное словообразование: среди единиц русского языка нередко встречаются однокоренные лексемы, которые являются синонимами, но имеют разностилевые черты: ср., например, слова с корнем *дев-*: *девушка*, *девонька* (ласк.), *девчина* (разг.), *дева* (трад. -поэт), *деваха* (разг. -сниж., обычно о рослой девушке), *девица* (устар.), *дэвица* (трад. -поэт.), *девка* (разг. -сниж.). Семантика возраста и стилистические особенности также проявляются на словообразовательном уровне: ср. слова с суффиксом *-онок/-ёнок* означают человека или животного, характеризующееся детскостью (например, *волчонок*, *салажонок* и т.д.).

По сравнению с лексическими единицами русского языка в китайском языке существуют многочисленные единицы, образ которых основан на метафоре. Данные единицы представляют собой дополнительные, образные номинации лиц определённого возраста: ср.: 赤子 [букв. красное тело], 齠齶 [букв. смена молочные зубы], 汤饼 [букв. варёная лепёшка; варёная лапша] и т.д. Они, как правило, употребляются в письменной речи и являются лексемами возвышенного стиля. Кроме того, в китайском языке своеобразная языковая игра также является способом пополнения лексических единиц, репрезентирующих возраст человека: ср. единица 三五 [букв. три-пять] означает пятнадцатилетний возраст ($3 \times 5 = 15$),

единицы 米寿 [букв. 88-летний возраст] и 白寿 [букв. 99-летний возраст] с помощью распада иероглифов 米 и 白 означают возраст человека. Таким образом, в китайском языке основные способы пополнения лексического состава представляют собой языковая игра и метафоризация.

В русском и китайском языках имеются многочисленные единицы, означающие возраст человека, обладают гендерной маркированностью. Значимость гендерной маркированности проявляется в анализе лексем, означающих лиц молодого и зрелого возраста. Иными словами, гендерное различие имеет большую значимость в номинативных единицах, репрезентирующих человека молодого и зрелого возраста, особенно в единицах с семантикой 'молодости человека'. Следовательно, гендерная маркированность возраста в русской и китайской лингвокультурах появляются с периода молодости: ср.: *девица*, 待字 [букв. *ждать помолвки*] и т.д.

Кроме того, многочисленные единицы означают возраст человека с помощью описания других явлений, так или иначе связанных с возрастной проблематикой, например, рус. *красотка*, *дошкольник*; кит. 总角 [букв. *волосы рожками*], 帅哥 [красавчик] и т.д. Отметим, что лексические единицы, означающие возраст человека с помощью описания другого явления, составляют абсолютное большинство. Однако как в русском, так и в китайском языках есть некоторые лексемы, которые употребляются для характеристики некоторых явлений, так или иначе связанных с возрастной градацией: ср., например, рус. *бутуз* (внешность и физическое состояние), *кобыла* (внешность и физическое состояние), *лоб* (внешность и физическое состояние), *карга* (внешность и внутренние свойства), *детина* (внешность и физическое состояние), *жеребец* (внешность и физическое состояние); кит. 及笄 [букв. *использовать иголки для волос*] (внешность и социальный статус), 弱冠 [букв. *надевание шапки совершеннолетия*] (внешность и социальный статус), 壮汉 [молодец] (внешность и физическое состояние) и т.д.

Для характеристики возраста человека в русском и китайском языках широко употребляются лексемы, означающие животных и растений. Например, в

лексемах русского языка *детва*, *мелюзга* есть сема «невзрослость», которая значима для наименования детей; лексемы *пернатик*, *курёнок* и *цыплёнок* также используются для характеристики ребёнка и актуализируют ассоциативную связь *животное – человек*. Китайские единицы *青椒* [зелёный перец] и *黄口* [букв. жёлтый клюв] означают «неопытность» молодого человека с помощью описания растений и животных. Таким образом, выбор употребления лексем зависит от наличия в их семантике компонентов, отображающих наиболее характерные возрастные особенности человека.

Лексическая система отражает типичные представления с точки зрения носителей русской и китайской лингвокультур о детстве (детскость, невзрослость, наивность и др.), молодости (неопытность, незрелость и др.), зрелости (взрослость и др.) и старости (слабость, опытность и др.). Различия заключаются в том, что зрелость в китайской лингвокультуре характеризуется мощностью, энергичностью (*壮* [букв. крепкий]) и мудростью (*不惑* [букв. не иметь сомнений]).

ГЛАВА III. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ВОЗРАСТА ЧЕЛОВЕКА СРЕДСТВАМИ РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Фразеологизм как особый знак языка и культуры занимает особое место при сопоставлении русских и китайских номинативных единиц с семантикой возраста человека. Русский и китайский языки, а также русский и китайский социумы существенно отличаются между собой. Как следствие в описании реального мира признаки «фразеологического фрагмента» и способы выделения фразеологизмов в русском и китайском языках имеют свои особенности. Они обусловлены укладами этих языков и культурными традициями данных народов.

В русском и китайском языках имеются многочисленные различные фразеологические единицы, отражающие возраст человека, в том числе коллокации, идиомы, пословицы и поговорки в русском; чэньюй и суюй (поговорки) в китайском языке. Например, *как печёное яблоко; молоко на губах не обсохло; Бабий век – сорок лет; Золотое время – молодые года; Юн – с игрушками, а стар – с подушками* и др. в русском языке; *小鸟依人* [букв. привязанность птенца к человеку], *黄口小儿* [букв. птенец и ребёнок], *红男绿女* [букв. красный мужчина и зелёная женщина], *柔枝嫩叶* [букв. мягкая ветка и молодой листик], *含饴弄孙* [букв. держать во рту солодовый сахар и возбуждать внука] и др. в китайском языке.

Данная глава настоящего диссертационного исследования посвящена сопоставительному изучению русских и китайских фразеологических единиц, в которых объект описания представляет собой возрастные особенности человека и основные этапы его жизни – *детство, молодость, зрелость и старость*. Иначе говоря, семантика фразеологизмов в русском и китайском языках состоит в описании возрастной характеристики человека и определённых этапов его жизни. Семантические основы сопоставления фразеологизмов русского и китайского

языков заключаются в разделении фразеосемантических полей 'возраст/年齡' и фразеосемантических групп согласно различиям в объекте описания фразеологизмов русского и китайского языков. Таким образом, во фразеосемантических полях 'возраст/年齡' русского и китайского языков выделяются микрополя 'детство/童年', 'молодость/青年', 'зрелость/壮年' и 'старость/老年'.

Кроме того, во фразеосемантических полях 'возраст/年齡' русского и китайского языков имеются единицы, описывающие только возраст человека, которые составляют фразеосемантическую группу (ФСГ) «Только о возрасте». Ср.: русский фразеологизм *Мафусаилов век* – ‘устар. Жить очень долго, до глубокой старости’ [Фёдоров 2008: 61]; китайский фразеологизм *不惑之年* [букв. *в возрасте, когда уже нет сомнений*] – фразеологическая номинация возраста 40-летнего человека [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 110]. Очевидно, что *Мафусаилов век* означает только старость человека, входя в состав фразеосемантического микрополя 'старость' и фразеосемантической подгруппы «Только о старости». Китайский фразеологизм *不惑之年* [букв. *в возрасте, когда уже нет сомнений*] – только зрелость человека, входит в состав фразеосемантического микрополя '壮年 [зрелость]' и фразеосемантической подгруппы «Только о зрелости».

На периферии фразеосемантического поля возраста находится группа, включающая русские и китайские фразеологические единицы, в которых описывается не только и не столько возраст человека, сколько исходящие из его возрастных особенностей внешние качества, физическое состояние, черты характера, интеллектуальные способности, социальный статус, поведение, деятельность, гендерная принадлежность и т.д. Эта ФСГ определяется как «Возраст + дополнительные признаки». Ср.: русская единица *как лунь* описывает седые волосы и седую бороду или человека с седыми волосами [Лебедева 2015: 16], т.е. она характеризует старость человека и его внешность (фразеосемантическое микрополе 'старость' и фразеосемантическая подгруппа

«Старость + внешность»); китайская единица 红男绿女 [букв. *красный мужчина и зелёная женщина*] описывает молодого мужчину и молодую женщину, одетых очень красиво, с украшениями [Большой фразеологический словарь китайского языка 2014: 464], т.е. она означает молодость человека и его внешность (фразеосемантическое микрополе '青年 [молодость]' и фразеосемантическая подгруппа «Молодость + внешность»).

В данной главе проводится сопоставительный анализ структур фразеосемантических полей 'возраст/年龄' в русском и китайском языках, который позволяет выявить сходства и различия в способе вербализации возраста человека средствами русской и китайской фразеологии. Рассмотрим и сопоставим фразеосемантические микрополя 'детство/童年', 'молодость/青年', 'зрелость/壮年' и 'старость/老年' в сопоставляемых языках.

3.1. Фразеосемантические микрополя 'детство/童年' в русском и китайском языках

1) фразеосемантическая подгруппа «Только о детстве».

В данной подгруппе существуют китайские фразеологические единицы, которые означают только детство. Ср.: 聚沙之年 [букв. *в возрасте, когда играют в песочнице*] и 免怀之岁 [букв. *в годы, когда можно избежать объятия родителей*]. Очевидно, что данные единицы представляют собой фразеологизмы-чэньюй с опорными компонентами 年龄 [возраст], 年岁 [годы], в семантике которых 'детство' является единственной семой.

Последняя фразеологическая единица означает детей трёхлетнего возраста [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 1005] и восходит к древнейшему и известному произведению «Луньюй»: 子生三年, 然后免于父母之怀 (русский перевод: *После рождения ребёнка он не мог избежать объятия родителей, пока ему не исполнилось три года*). Фразеологизм 聚沙之年 [букв.

в возрасте, когда играют в песочнице] – образное обозначение детства [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 598; Китайский большой фразеологический словарь 2009: 826]. Компонент фразеологизма 聚沙 [букв. *собирать песок*] соотносится с антропным кодом культуры и обозначает детство, поскольку китайские дети любят играть с песком. Таким образом, детство как возрастной период в жизни человека отличается игровой деятельностью [см. Лебедева 2013: 203; Вознесенская 2016: 94; Левицкий, Доу Чуньяо 2019-б: 124]. В китайской фразеологии есть ещё и фразеологизм с компонентом 聚沙 [букв. *собирать песок*], 聚沙成塔 [букв. *из собранных песчинок соорудить пагоду*], который означает: 1. дети играют; 2. на малом деле добиться многого [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 598]. Фразеологизмы 聚沙之年 [букв. *в возрасте, когда играют в песочнице*] и 免怀之岁 [букв. *в годы, когда можно избежать объятия родителей*] в современном китайском языке употребляются крайне редко.

2) фразеосемантическая подгруппа «Детство + внешность».

Китайский фразеологизм 生发未燥 [букв. *волосы ещё не обсохли*] описывает детство человека и его внешность. Он означает детей, у которых волосы ещё не обсохли [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 1325]. Данный фразеологизм в современном китайском языке, как правило, употребляется для обозначения молодого, неопытного человека [Там же: 1325] (см. параграф 3.2.). Кроме того, внешность детей проявляется и в их росте. В русской и китайской фразеологии имеются единицы, описывающие детей и их рост, ср.: 五尺童子 [букв. *человек с ростом 5 чи*], *от горшка два вершка, от земли не видать, мальчик-с-пальчик и под стол пешком ходит*.

Фразеологизм 五尺童子 [букв. *человек с ростом 5 чи*] обозначает детей с маленьким ростом [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 1572]. 尺 (чи) – единица измерения длины в Древнем Китае (1 чи = 0.23 метра). Итак,

五尺 (5 чи) примерно составляет 1.15 метра. Данный фразеологизм в современном китайском языке употребляется редко.

По данным «Фразеологического словаря русского литературного языка» и «Русско-английского фразеологического словаря» *мальчик-с-пальчик* – «разг. экспресс. О человеке невысокого роста или о малолетнем; a tiny boy (in folk tales one who acts wisely and resourcefully)» [Фёдоров 2008: 359; Лубенская 1997: 350]. Фразеологизм *от горшка два вершка* – «Очень мал ростом (говорится с пренебрежением). Если имеются в виду дети или молодые люди, то обычно подразумевается их неопытность» [СОВРЯ 1995: 27]. См. иллюстрации: – *Вот прыга! От горшка два вершка, а поди ж ты, что вытворяет* (Б. Бедный, Девчата.) [Там же: 27]. Компонент *горшок* соотносится с вещным кодом культуры: *горшок* – округлый глиняный сосуд. Его форма и размер могут быть различны в зависимости от его сферы применения. В данном выражении имеется в виду детский горшок [Фелицына, Мокиенко 1990: 43]. *Вершок* – старинная русская мера длины. Компонент *два* соотносится с числовым кодом культуры, и одновременно участвует в формировании фразеологического значения. С помощью компонента *два* в толковании идиом выделяются коннотации экспрессивности «очень маленький» рост человека и отрицательная семантика [Там же: 43]. *От земли не видно* <не видать> – «Не заметишь, так мал. Подразумевается чересчур маленький рост людей или животных. Применительно к детям – также о несмышленности. О взрослых говорится с пренебрежением. Неформ. кого – лицо, реже живое существо» [СОВРЯ 1995: 27]. См. иллюстрации: *Маленький парнишка, от земли его не видать, а уж дымит из тяткиной трубочки* (П. Мельников-Печерский, В лесах) [Там же: 27]. Образ данного фразеологизма соотносится с пространственным кодом культуры. С помощью частицы *не* эта единица имеет значение отрицания. Предлог *от* – с пространственным кодом культуры. Данный фразеологизм в целом показывает стереотипное представление русских о росте детей.

Таким образом, внешность детей в китайской фразеологии описывается с помощью характеристики их волос и роста, а в русской фразеологии – с

помощью описания их роста. Маленький рост представляет собой основной признак внешности детей в русской и китайской лингвокультурах.

3) фразеосемантическая подгруппа «Детство + физиологическое явление».

В данной подгруппе китайские фразеологизмы 牙牙学语 [букв. учиться говорить, лепетать], 咿咿呀呀 [букв. детский лепет], 负床之孙 [букв. встают, держась за кровать] и 茁壮成长 [букв. расти здоровым] употребляются для характеристики детства человека и его физиологических проявлений. Ср. фразеологизмы 牙牙学语 [букв. учиться говорить, лепетать] – о том, что младенец учится говорить [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 1690] и 咿咿呀呀 [букв. детский лепет] описывает голос младенцев, учащихся говорить [Там же: 1784]. Фразеологизм 负床之孙 [букв. встают, держась за кровать] характеризует маленьких детей, которые ещё не умеют ходить [Там же: 518].

Фразеологизм 茁壮成长 [букв. расти здоровым] описывает детей, которые растут здоровыми и радостным [Там же: 2011]. Данный фразеологизм в предложении употребляется в качестве характеризующей предикации. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: 看到新一代的儿童茁壮成长, 他心里无比高兴 (русский перевод: Он был очень рад видеть, что дети нового поколения растут здоровым и радостным). Кроме того, данный фразеологизм характеризует не только возраст человека, но и «возраст» растения. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: 翠生生的秧苗茁壮成长 (русский перевод: Свежие рассады хорошо растут).

Перейдём к рассмотрению фразеосемантической подгруппы «Детство + черты характера».

4) фразеосемантическая подгруппа «Детство + черты характера».

Семы «чистота», «доброта» и «наивность» имеются у русских и китайских фразеологизмов, описывающих детей. С точки зрения носителей русской лингвокультуры ребёнок рассматривается как Божий дар, божественный подарок и характеризуется чистотой. Ср.: *Молодо-зелено, да молодо-честно; Устами младенца глаголет истина; Молодое сердце всегда ближе к правде* [Зимин 2016]. Китайские фразеологизмы 金童玉女 [букв. золотой мальчик и нефритовая девочка], 天真烂漫 [букв. наивный и живой] и 骄儿驤女 [букв. нежный мальчик и дурашливая девочка] также означают детей, которые характеризуются чистотой, добротой и наивностью. Последняя единица описывает невинных и наивных детей [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 757] и в современном китайском языке является устаревшим фразеологизмом. Единица 天真烂漫 [букв. наивный и живой] характеризует детей, наивных, добрых и чистых [Там же: 1461]. Фразеологизм 金童玉女 [букв. золотой мальчик и нефритовая девочка] – 1. О мальчиках и девочках, которые ухаживают за небожителями (в Древнем Китае, в даосизме); 2. О простодушных и наивных детях (в современном китайском языке) [Там же: 780].

Очевидно, что данные фразеологизмы характеризуют черты характера детей, независимо от гендерных различий. Следует особо обратить внимание на фразеологизм 金童玉女 [букв. золотой мальчик и нефритовая девочка], образ которого восходит к древнейшей оппозиции «старый – молодой», «мужчина – женщина» и соотносится с духовным кодом культуры, понимаемым как совокупность нравственных установок. Компоненты 金 [золотой] и 玉 [нефритовая] соотносятся с природно-ландшафтным кодом китайской культуры. Идеальному носителю китайского языка и китайской культуры известно, что в китайской культуре золото осмысляется как что-то чрезвычайно ценное, лучшее и символически связывается с идеей непререкаемости истины. Кроме того, в китайском языке слов с компонентом *нефрит* много. Некоторые из них описывают внешность (красоту) или нравственные качества женщины и т.д. [Хан Цзявэй 2010: 191–193]. Например, 玉人 [букв. нефритый человек], 玉仙 [букв.

нефритовая отшельница], 玉女 [букв. нефритовая девочка] и т.д. Великий древний китайский поэт Ли Бэй написал: 丽华秀玉色, 汉女娇朱颜色 (русский перевод: *лицо любимой женщины такое красивое, как нефрит*) и т.д.

Кроме того, дети в китайской фразеологии также характеризуются кротостью и красотой. Ср. 小鸟依人 [букв. привязанность птенца к человеку] и 飞鸟依人 [букв. привязанность птички к человеку] [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 467, 1626]. Данные единицы характеризуют не только детей, но и молодых людей и, обозначая молодых людей, обладают гендерной маркированностью и означают молодую девушку, красивую и кроткую (см. параграф 3.2.). Образ данного фразеологизма основан на древнейшей оппозиции «молодость – старость», а также на связанном с ним противопоставлении «сильный – слабый». Компонент фразеологизма *птенец* соотносится с зооморфным кодом культуры. В основе образа фразеологизма лежит метонимия: компонент *птенец* – маленький, слабый и симпатичный; компонент *человек* – рослый и сильный. В образе фразеологизма отображено стереотипное представление китайцев о детях – красивых и кротких, которых взрослые люди должны защищать.

Таким образом, дети в русской и китайской лингвокультурах отличаются чистотой, добротой и наивностью. В китайской лингвокультуре дети также характеризуются кротостью и красотой.

5) фразеосемантическая подгруппа «Детство + социальный статус».

В китайской фразеологии существуют единицы, которые описывают детей и их социальный статус. Ср.: 三尺之孤 [букв. сирота с ростом 3 чи] и 六尺之孤 [букв. сирота с ростом 6 чи]. Первая единица описывает несовершеннолетних (детских) сирот с ростом 3 чи [Там же: 1269], вторая единица 六尺之孤 [букв. сирота с ростом 6 чи] означает несовершеннолетних (детских) сирот с ростом 6 чи, у которых в младенчестве умер отец [Там же: 941]. 尺(чи) – единица измерения длины в Древнем Китае (1 чи = 0.23 метра). Данные единицы в

современном китайском языке употребляются крайне редко.

В русской фразеологии также существуют единицы, которые описывают детей и их социальный статус. Единица *как сорная трава* характеризует домашнюю среду и её влияние на развитие детей, описывая ребёнка, который растёт без внимания или присмотра родителей [Лебедева 2015: 246]. Данный фразеологизм представляет собой компаратив, внутренняя форма которого восходит к идее сходства субъекта и объекта сравнения. Иными словами, образ данного фразеологизма создаётся растительной метафорой. Данная единица в предложении употребляется в роли характеризующей предикации. См. иллюстрации: *Стёпа рос как сорная трава, без всякого присмотра* (Ф. Вигдорова. Черниговка) [Там же: 246].

Кроме того, многие русские пословицы и поговорки характеризуют связь детей с их родителями. Напр., единица *Коли есть отец и мать, так ребёнку благодать* описывает ребёнка, который растёт в полной и счастливой семье [Зимин 2016: 285]. Пословицы *Каковы дятки таковы и дитятки; Если ребёнок нервный – надо лечить его родителей; Яблочко от яблони недалеко падает* и др. также описывают связь детей и родителями. Отмечается важность роли матери в жизни детей в пословицах и поговорках *Без отца дитя – полсироты, без матери дитя – полный сирота; У ребёнка заболит пальчик – у матери сердце; Без матери и солнце не греет; Без матки и пчелки – пропащие детки; Птица рада весне, а дитя – матери.* Пословица *Птицы в гнезде до осени, дети в семье до возраста* отмечает, что со взрослением ребёнка связь его с родителями обрывается и начинается его самостоятельная жизнь [Там же: 287].

Таким образом, в данной подгруппе в китайской фразеологии существуют единицы, описывающие детей-сирот. В русской фразеологии многие русские пословицы и поговорки характеризуют связь детей и их родителей.

б) фразеосемантическая подгруппа «Детство + поведение».

Кроме того, в китайской фразеологии существует фразеологизм *童言无忌* [букв. слова ребёнка непорочны], который означает, что «дети невинны,

говорят правду, на них нельзя обижаться, если они употребляют табуированную лексику. Они не владеют знаниями о нормативном использовании языковых единиц» [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 1071; Китайский большой фразеологический словарь 2009: 1481]. Данный фразеологизм связывается с речевым этикетом детей в китайской лингвокультуре. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: *她的童年丰富多彩的。虽然她有的时候挺让人讨厌的，小孩子都是这样的，天真活泼，童言无忌，挺好的* (русский перевод: *Её детство было разнообразным. Хотя иногда она была очень надоедливой, но все дети такие, они очень наивные и живые. И при говорении не нужно учитывать табуированное слово. Это очень хорошо*). Обозначая, что дети наивно говорят без учёта табуированного слова, данный фразеологизм обладает положительной коннотацией. В современном китайском языке данный фразеологизм описывает не только детей, но и взрослых, и при этом обладает отрицательной коннотацией. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: *罗斯福总统在众目睽睽之下，被宋蔼龄童言无忌的直率问话弄得十分尴尬* (русский перевод: *Под устремлёнными взорами множества людей, президент Рузвельт чувствовал себя очень неловко из-за прямого вопроса из Сун Айлин, без учёта табуированного слова*). Итак, в современном китайском языке данный фразеологизм имеет как отрицательную, так и положительную коннотацию.

Русские фразеологизмы данной подгруппы, ср. *с младых ногтей*, *с колыбели*, *с малых лет*, *с молодых зубов* и *впитать с молоком матери*, означают, что люди делают с самого раннего возраста.

Фразеологизм *с колыбели* <с люльки> означает, что кто-либо начинает заниматься чем-л. или делать что-л. очень рано, с первых дней жизни, с самого раннего возраста [БФСРЯ 2014: 599]. Фразеологизм *с молодых зубов* – «Прост. экспресс. Смолоду, с ранних лет» [Фёдоров 2008: 377]. Фразеологизм *с малых лет* – «народно-поэт. С детства» [Там же: 342]. Фразеологизм *впитывать/впитать* <*всасывать/всосать*> *с молоком матери* обозначает, что кто-л. благодаря среде, в

которой он вырос, органично усвоил с самых ранних лет систему ценностей, мировоззрения и т.д. [БФСРЯ 2014: 135–136]. Фразеологизм *с молодых [младых] ногтей* означает, что «у лица или у группы лиц смолоду проявляется приверженность каким-л. взглядам, идеям, образу жизни, манере поведения или что им с детских лет прививаются определённые жизненные установки и нравственные ценности» [Там же: 605].

Фразеологизм *с колыбели <с люльки>* восходит к древнейшей оппозиции «рождение – смерть» («начало–конец»). Колыбель – детская кроватка, подвесная или качающаяся на округлых опорах [Толковый словарь русского языка 2001: 285]. Предлог «с» соотносится с временным кодом культуры, компонент *колыбель (люлька)* с вещным кодом культуры. В основе образа «лежит метафора, уподобляющая исходный, начальный момент какого-л. действия первым дням жизни человека – когда он ещё младенец» [БФСРЯ 2014: 599]. Образ фразеологизмов *с молодых [младых] ногтей* и *с молодых зубов* соотносится с телесным (компоненты *ногти* и *зубы*) и временным (компонент *молодых*) кодами культуры. Данные фразеологизмы символизируют человека молодого возраста, который находится в начале формирования характера и выбора определённого образа жизни [Там же: 606]. Компоненты *впитывать/впитать <всасывать/всосать>* и *матери* во фразеологизме *впитывать/впитать <всасывать/всосать> с молоком матери* соотносятся с антропным кодом культуры, компоненты *молоко матери* – с соматическим, природным и гастрономическим кодами культуры. В образе данного фразеологизма лежит «метафорическое уподобление духовного воспитания вскармливанию грудных младенцев молоком» [Там же: 135–136].

Итак, данные единицы по семантике близки и означают действия человека с самого детства. Они с помощью своей внутренней формы выражают семантику «начала», иначе говоря, детство – это начало.

Таким образом, проанализированные фразеологические единицы в данном параграфе составляют 39 фразеологизмов, в том числе 23 русские и 16 китайских. В китайской фразеологии существуют подгруппы «Только о детстве» и

«Детство + физиологическое явление». Дети в русской и китайской лингвокультурах характеризуются маленьким ростом, добротой, чистотой и наивностью. Дети и их рост тесно связываются с семейным положением и влиянием родителей. Кроме того, в русской лингвокультуре детство рассматривается как «начало», т.е. детство – это начальный этап жизни человека. В китайской лингвокультуре дети ещё характеризуются кроткостью; дети могут употреблять табуированные слова.

3.2. Фразеосемантические микрополя 'молодость/青年' в русском и китайском языках

1) фразеосемантическая подгруппа «Только о молодости».

В русской фразеологии молодость часто сравнивается с золотом: *Молодость – золотое время; Золотая пора – молодые года*. Молодость так или иначе богатство, ценность которого постигается человеком со временем: *Два века не изживёшь, две молодости не перейдешь; Дважды молоду не бывать; Не по две молодости жить; Прошла молодость — не за холщовый мех* [Зимин 2016: 350–351].

В данной подгруппе существуют многочисленные китайские фразеологизмы. Они в основном включают единицы с опорными компонентами 年齡 [возраст] и 年华 [время]. Рассмотрим фразеологизмы с опорным компонентом 年齡 [возраст], ср.: 而立之年 [букв. в возрасте, когда человек встаёт на ноги], 破瓜之年 [букв. в возрасте, когда разделять иероглиф 瓜] и 年方弱冠 [букв. в возрасте, когда можно надевать шапку совершеннолетия].

Отметим, что среди них фразеологизм 而立之年 [букв. в возрасте, когда человек встаёт на ноги] не имеет гендерной маркированности, т.е. в семантике которого содержится характеристика возраста человека, которая не маркирована другими гендерными или социальными характеристиками. Фразеологизм 而立之

年 [букв. в возрасте, когда человек встаёт на ноги] – идиоматическое обозначение возраста человека 30 лет [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 316]. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: *那年蒋孝武已步入不惑之年, 蔡惠媚尚未进入而立之年* (русский перевод: *В том же году Чан Сяоу уже находился в таком возрасте, когда человек не в замешательстве. А Цай Хуэймэй пока ещё не в таком возрасте, когда человек встаёт на ноги*). Кроме того, он в предложении употребляется также в качестве определения, которое описывает качество или свойство подлежащего (предмета). См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: *而立之年的郭金刚, 对生物农药领域一无所知* (русский перевод: *Тридцатилетний Гуо Джинган ничего не знает в области биологических ядохимикатов*).

Данный фразеологизм связан с конфуцианской мыслью и происходит от слов «Лунь Юй»: *吾十有五而志于学, 三十而立, 四十而不惑, 五十而知天命, 六十而耳顺, 七十而从心所欲, 不逾矩* (русский перевод: *Когда мне исполнилось 15 лет, я решил изучать науку. Когда мне исполнилось 30 лет, я установил цель и стремление жизни <...>*). Очевидно, что компонент *而立* [букв. *встать на ноги*] соотносится с антропным кодом культуры и представляет собой дополнительное, образное название возраста человека 30 лет. Конфуций полагал, что человек, находящийся в возрасте 30 лет, должен «встать на ноги» в обществе (т.е. самостоятельный) и соблюдать правила поведения, но он не полностью понимает гуманность, справедливость и благопристойность [Толковый словарь китайского языка Baidu онлайн: <https://hanyu.baidu.com/>]. Таким образом, компонент *而立* [букв. *встать на ноги*] выявляет типичное представление китайцев о периоде жизни человека и показывает с позиции Конфуция основной жизненный путь человека.

Фразеологическим единицам, которые характеризуют возраст человека, свойственна гендерная маркированность, ср.: *破瓜之年* [букв. *в возрасте, когда*

разделять иероглиф 瓜] и 年方弱冠 [букв. в возрасте, когда можно надевать шапку совершеннолетия].

Фразеологизм 年方弱冠 [букв. в возрасте, когда можно надевать шапку совершеннолетия] означает юношу, достигшего 20-летнего возраста [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 1061]. Компонент 弱冠 [надевание шапки совершеннолетия] характеризует только мужчину. В Древнем Китае существовал обряд надевания шапки совершеннолетия юноше, достигшему 20-летнего возраста [Чжан Чи 2014: 12]. Итак, фразеологизм 年方弱冠 [букв. в возрасте, когда можно надевать шапку совершеннолетия] описывает мужчину, который в возрасте 20 лет. Данный фразеологизм в современном китайском языке употребляется в качестве характеризующей предикации. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: 为兄那时年方弱冠, 学成艺业, 雄心万丈, 要为国家除残去秽 (русский перевод: В то же время мне исполнилось 20 лет. Я как только закончил учиться и хочу амбициозно способствовать полезному и устранять вредное для государства). Кроме того, в предложении данный фразеологизм употребляется в качестве определения, которое описывает качество или свойство человека. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: 6月27日, 年方弱冠的姚明被休斯敦火箭队挑中, 成为历史上第一个没有美国篮球背景的NBA状元 (русский перевод: 27 июня, двадцатилетний Яо Мин был выбран баскетбольной командой фьюстонские ракеты и стал первым в истории общим выбором НБА без американского баскетбольного фона).

Следует особо обратить внимание на китайский фразеологизм 破瓜之年 [букв. в возрасте, когда разделять иероглиф 瓜], который имеет следующие значения: 1. фразеологическая номинация возраста 16 лет девушки; 2. фразеологическое название возраста человека 64 лет [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 1114]. Образ данного фразеологизма соотносится с языковой игрой с помощью компонента 破瓜 [букв. разделять иероглиф 瓜]. Иероглиф 破 [разделять] при этом следует отличать от иероглифа 瓜. По черте в

иероглифе 𠃉 имеет два каллигра (откидная вниз и влево) 丿 и два каллигра (откидная черта вправо) ㇇. А в иероглифе 八 [восемь] есть один каллигр (откидная вниз и влево) 丿 и один каллигр (откидная черта вправо) ㇇. Таким образом, данный фразеологизм описывает возраст 16 лет или 64 лет человека ($8+8=16$, $8 \times 8=64$) [Дуань Цзянь 2010: 18]. Если данный фразеологизм обозначает человека, которому исполнилось 16 лет, то он описывает только девушку. В китайском языке имеются языковые факты, которые показывают, что единица 破瓜 [букв. разделять иероглиф 𠃉] описывает возраст 16 лет девушки. Ср., например, в стихотворении «Без заглавия» существует такое выражение: 碧玉当年未破瓜, 学成歌舞入侯家 – (русские перевод: *Этой девушке из бедной семьи в то же время ещё исполнилось 16 лет, но она училась петь и танцевать и вышла замуж в семье верхушки*). Данный фразеологизм в современном китайском языке устарел и употребляется крайне редко.

Перейдём к рассмотрению китайских фразеологизмов с опорным компонентом 年华 [время]: 花样年华 [букв. во время пышного цветения], 惨绿年华 [букв. во времени, когда можно носить одежду тёмно-зелёного цвета], 豆蔻年华 [букв. время расцвета ребристого амомума], 二八年华 [букв. во времени «дважды по восемь»], 花信年华 [букв. в периоде цветения] и 锦瑟年华 [букв. время «богато украшенный гусли»].

Среди них фразеологизмы 惨绿年华 [букв. во времени, когда можно носить одежду тёмно-зелёного цвета] – о человеке, который находится в расцвете молодости [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 185], 花样年华 [букв. во время пышного цветения] – о прекрасной молодости [Там же: 663] и 锦瑟年华 [букв. время «богато украшенный гусли»] – о несравнимой молодости [Там же: 786] лишены гендерной маркированности.

Первый и последний фразеологизмы в современном китайском языке употребляются редко. Фразеологизм 花样年华 [букв. во время пышного цветения] происходит из названия фильма и в современном китайском языке

употребляется активно в качестве характеризующей предикации. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: *飙车族大都是20岁左右的孩子, 正值花样年华, 却把生命当成了一时的冒险和兴奋* (русский перевод: *Стритрейсеры обычно являются молодыми людьми возраста около 20 лет. Они находятся в расцвете лет, но воспринимают жизнь как момент приключений и волнений*). Данный фразеологизм в предложении употребляется также в качестве определения, которое описывает качество или свойство человека. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: *花样年华的小姑娘都渴望绚烂多彩的生活, 更何况是刘春红这样生性活泼好动的女孩子* (русский перевод: *Все молодые девушки жаждут прекрасную жизнь, тем более бойкие и энергичные девушки, как Лю Чуньхун*).

Фразеологизмы *花信年华* [букв. в периоде цветения], *二八年华* [букв. во времени «дважды по восемь»] и *豆蔻年华* [букв. время расцвета ребристого амомуа] обладают гендерной маркированностью.

Фразеологизм *二八年华* [букв. во времени «дважды по восемь»] характеризует девушку шестнадцатилетнего возраста [Там же: 442]. Данный фразеологизм в современном китайском языке употребляется в качестве определения, которое описывает качество или свойство человека. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: *1922年, 曹聚仁在上海兼任着一家女子中学的课, 这就是上海有名的女学。他教的都是些二八年华的女孩子* (русский перевод: *В 1922 году Цао Цзюйжэнь работал в известной шанхайской женской средней школе по совместительству. Он преподавал шестнадцатилетним девушкам*). Образ данного фразеологизма основан на основе своеобразной языковой игры ($2 \times 8 = 16$).

Фразеологизм *花信年华* [букв. в периоде цветения] означает девушку, которая находится в возрасте 24 лет [Там же: 663], *豆蔻年华* [букв. время расцвета ребристого амомуа] – фразеологическое перифрастическое наименование возраста 13–16 лет девушки [Большой фразеологический словарь

китайского языка 2014: 297]. Данные фразеологизмы отличаются сочинительной конструкцией: «花信 [цветение] и 年华 [время]», «豆蔻 [ребристый амомум] и 年华 [время]». Фразеологизм 豆蔻年华 [букв. время расцвета ребристого амомума] в предложении используется в роли характеризующей предикации, см. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: 年轻人看见这个女孩儿正当豆蔻年华, 模样儿长得标致, 活泼优雅, 经过几次见面后便深深爱上了她 (русский перевод: Молодой человек увидел эту девушку, которая находится в времени молодости. Она очень красивая, подвижная и изящная. После нескольких встреч он глубоко влюбился в неё). Данная единица в предложении употребляется также в качестве определения, которое означает качество или свойство человека, см. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: 一个豆蔻年华的中国女孩, 孤身一人在异国他乡认真、勤奋地生活着 (русский перевод: Китайская девушка, находящаяся в молодости, живёт серьёзно и усердно в чужом стране, ни роду, ни племени). Фразеологизм 花信年华 [букв. в периоде цветения] в предложении употребляется в качестве определения, которое описывает качество или свойство человека. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: 只见后厢房门口, 有个花信年华的女子, 打起门帘, 含笑等待 (русский перевод: Увидел, что у порога задней крытой комнаты стояла молодая девушка возраста 24 лет. Она раздвинула занавеску и с улыбкой ждала). Образ данных фразеологизмов основан на растительной метафоре, уподоблении по сходству расцветающего ребристого амомума (расцветающих цветов) и девушки, находящегося в молодости. Данный фразеологизм показывает стереотипное представление о молодости девушки [Левицкий, Доу Чуньяо 2019-б: 124].

Кроме того, кроме фразеологизмов с опорными компонентами 年龄 [возраст] и 年华 [время] в китайской фразеологии ещё существуют другие единицы, обозначающие только молодость человека, ср.: 富于春秋 [букв. в весенней поре жизни], 腮角骖驹 [букв. жеребёнок с маленьким рогом] и 含苞待放 [букв. цветочный бутон скоро расцветет].

Фразеологизм *富于春秋* [букв. *в весенней поре жизни*] и *腮角骖驹* [букв. *жеребёнок с маленьким рогом*] означают человека, очень молодого, юного [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 525, 1966]. Очевидно, что они лишены гендерной маркированности. Данные фразеологизмы в современном китайском языке употребляются крайне редко. Образ фразеологизма *腮角骖驹* [букв. *жеребёнок с маленьким рогом*] основан на зооморфной метафоре. *腮角* [*маленький рог*] – это часть тела жеребёнка, т.е. *маленький рог* метонимически замещают жеребёнка вообще. Итак, образ, создаваемый данным фразеологизмом, связан ещё с оппозицией «частичное – целое».

Среди этих единиц фразеологизм *含苞待放* [букв. *цветочный бутон скоро расцветет*] обладает гендерной маркированностью и описывает молодость девушки [Там же: 610]. Данный фразеологизм в предложении обычно употребляется в роли характеризующей предикации. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: *许昱华目前还不到16岁,正值含苞待放的花季年龄* (русский перевод: *Сюй Юйхуа пока ещё не исполнилось 16 лет, она как раз находится в таком возрасте, когда цветочная почка скоро расцветет*). Образ данного фразеологизма создаётся растительной метафорой – уподоблением по сходству распускающейся цветочной почки и молодости девушки – и восходит к древнейшим оппозициям «мужчина – женщина» и «молодой – старый». Данный фразеологизм показывает представление китайцев о молодости девушки.

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают, что согласно речевому этикету носителей китайской лингвокультуры, возраст женщины выражается деликатно.

2) фразеосемантическая подгруппа «Молодость + внешность».

В русской и китайской фразеологии существуют многочисленные единицы, которые описывают внешность молодого человека. Среди них есть фразеологизмы, характеризующие молодость человека, независимо от его гендерной принадлежности, а также фразеологизмы, которые отличаются гендерной

маркированностью.

Фразеологизмы *кровь с молоком*, *как лозинка*, *как тростник/тростинка*, 俊男靚女 [букв. красивая пара], 红男绿女 [букв. красивый мужчина и зелёная женщина], 绿鬓朱颜 [букв. зелёные волосы на висках и румяное лицо], 韶颜稚齿 [букв. прекрасное лицо и светлые зубы], 颜丹鬓绿 [букв. красное лицо и зелёные волосы на висках], 夭桃秣李 [букв. нежный персик и пышное сливовое дерево] и 浓桃艳李 [букв. сочные цветы персика и яркие цветы сливы] описывают внешность мужчин и женщин, т.е. они лишены гендерной маркированности.

Единица *как лозинка* описывает девушку или юношу со стройной фигурой [Лебедева 2015: 44], сравнение *как тростник/тростинка* означает молодого, гибкого и стройного человека [Там же: 45]. Образ данных фразеологизмов основан на растительной метафоре. По данным «Большого фразеологического словаря русского языка», *кровь с молоком* – «кто, что. Румяный, цветущий, крепкий. Имеется в виду весь внешний вид человека [X] или его лицо, чаще – щёки [Z], отличающиеся ярко выраженными признаками здоровья и силы» [БФСРЯ 2014: 339]. Данный фразеологизм в предложении употребляется в качестве характеризующей предикации. См. иллюстрации: *Красивая была девушка, щёчки – кровь с молоком!* (Реч.) [Там же: 339]. Компонент *молоко* относится к гастрономическому коду культуры, «в образе фразеологизма молоко символизирует физическую крепость и здоровье» [Там же: 339]. В русской традиционной культуре речь идёт о красоте, которая «связывается с крупным телосложением, румяным лицом, силой» [Там же: 339].

Фразеологизм 俊男靚女 [букв. красивая пара] означает красивого юношу и красивую девушку [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 835]; фразеологизм 红男绿女 [букв. красивый мужчина и зелёная женщина] характеризует внешность молодого человека с помощью описания его одежды; фразеологизмы 绿鬓朱颜 [букв. зелёные волосы на висках и румяное лицо], 韶颜稚齿 [букв. прекрасное лицо и светлые зубы] и 颜丹鬓绿 [букв. красное лицо и

зелёные волосы на висках] описывает внешность молодого человека посредством описания его состояния волос, зубов и лица; а фразеологизмы *天桃秣李* [букв. *нежный персик и пышное сливовое дерево*] и *浓桃艳李* [букв. *сочные цветы персика и яркие цветы сливы*] характеризуют внешность молодого человека, описывая «внешность» растения.

Следует особо обратить внимание на фразеологизм *红男绿女* [букв. *красный мужчина и зелёная женщина*], который означает молодых мужчину и женщину, одетую очень красиво [Там же: 641]. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: *街道上红男绿女来来往往, 两旁的大小店铺都在开放, 他虽然有了一身麻烦, 心情还是很愉快* (русский перевод: *Красивые мужчины и женщины ходили по улице. На улице все магазины открывались. Хотя у него были большие проблемы, но он был в хорошем настроении*). Образ данного фразеологизма восходит к древнейшим оппозициям «старый – молодой», «мужчина – женщина». Компоненты *红* [красный] и *绿* [зелёный] соотносятся с цветовым кодом культуры. В Китае для мужчин и женщин красный и зелёный цвет имеют важное значение. В Древнем Китае мужчина может служить чиновником, а женщина – нет. Цвет брюк официальной одежды чиновника – красный. Поэтому красный цвет показывает социальный статус мужчины. Кроме того, в Древнем Китае, чтобы выглядеть красиво, женщины должны носить одежду зелёного цвета, красить губы и брови [Там же: 641]. Таким образом, данный фразеологизм показывает стереотипное представление о внешности молодого человека. Фразеологизм, описывающий возраст человека и его одежду, отсутствует в русской фразеологии. Кроме того, по сравнению с русскими фразеологизмами, данный фразеологизм с помощью составляющих компонентов характеризует гендерные различия в китайской лингвокультуре.

Китайские фразеологизмы *惨绿少年* [букв. *юноша в одеждах тёмно-зелёного цвета*] и *束发小生* [букв. *молодой человек со скрепляющими волосами*] описывают только мужчину, т.е. они обладают гендерной маркированностью. Фразеологизм *惨绿少年* [букв. *юноша в одеждах тёмно-зелёного цвета*]

описывает молодого мужчину, который имеет изящные манеры [Там же: 185], фразеологизм *束发小生* [букв. молодой человек со скрепляющими волосами] характеризует молодого мужчину, который должен завязывать волосы в пучок и вставлять на ноги [Там же: 1382]. Очевидно, что первый фразеологизм характеризует внешность молодого мужчины с помощью описания его одежды, а второй – с помощью описания его причёски.

В русской фразеологии существуют пословицы *Волосы на губах не выросли* и *Первая голова на плечах и шкура не перелицована* также обладают гендерной маркированностью и характеризуют только внешность молодого мужчины с помощью описания волос и головы [Зимин 2016: 349]. Единица *как хлыст* также характеризует внешность молодого мужчины, обозначая гибкого, пружинистого молодого человека [Лебедева 2015: 45].

Фразеологизмы как *майский день*, как *<майская> роза*, как *маков цвет*, *楚楚可怜* [букв. тонкая и прелестная], *左家娇女* [букв. прелестная девушка из семьи Цзо], *朱颜绿发* [букв. красное лицо и зелёные волосы], *稚齿婬媵* [букв. молочные зубы и грациозный вид], *香娇玉嫩* [букв. приятный запах и нежная кожа], *桃夭柳媚* [букв. персик прекрасен и ива пленительна] и *柔枝嫩叶* [букв. мягкая ветка и молодой листик] также обладают гендерной маркированностью и описывают женщину.

Следует особо обратить внимание на фразеологизм *左家娇女* [букв. прелестная девушка из семьи Цзо], который означает молодую девушку, красивую и милую [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 2035]. Фразеологизм *左家娇女* [букв. прелестная девушка из семьи Цзо] происходит из стихотворения «Прелестная девушка» великого китайского поэта Цзо Сы во времена правления династии Западная Цзинь (265–316 гг.): *吾家有娇女, 皎皎颇白皙* (русский перевод: *У нас в семье есть прелестная девушка, очень белокожая и красивая*) [Там же: 2035]. Итак, в современном китайском языке данная единица обозначает молодую и красивую девушку.

Фразеологизм *朱颜绿发* [букв. *красное лицо и зелёные волосы*] означает молодую и красивую девушку, у которой красное лицо и чёрные волосы [Там же: 1989], *稚齿姈姈* [букв. *молочные зубы и грациозный вид*] также описывает молодую и красивую девушку [Там же: 1975], *香娇玉嫩* [букв. *приятный запах и нежная кожа*] обозначает молодую девушку, кожа тела у которой очень нежная и ароматная [Там же: 1616]. Очевидно, что данные фразеологизмы характеризуют внешность молодого человека с помощью описания его состояния лица, кожи, волос и зубов. Данные фразеологизмы в современном китайском языке употребляются крайне редко.

Образ, создаваемый многими фразеологизмами, характеризующими молодость человека и его внешность, создаётся на основе растительной метафоры, ср. рус. как <майская> роза, как лозинка, как тростник/тростинка, как хлыст; кит. *柔枝嫩叶* [букв. *мягкая ветка и молодой листик*], *桃夭柳媚* [букв. *персик прекрасен и ива пленительна*], *夭桃秾李* [букв. *нежный персик и пышное сливовое дерево*] и *浓桃艳李* [букв. *сочные цветы персика и яркие цветы сливы*].

3) фразеосемантическая подгруппа «Молодость + физиологическое явление».

Данная фразеосемантическая подгруппа включает китайские единицы *情窦初开* [букв. *появился ключ к разрешению вопроса о первой любви*] и *莺声燕语* [букв. *пение иволги и щебетание ласточки*].

Второй фразеологизм *莺声燕语* [букв. *пение иволги и щебетание ласточки*] – о вкрадчивом и плавном журчании речи девушки [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 1831]. Образ, создаваемый данным фразеологизмом, основан на зооморфной метафоре. В современном китайском языке данная единица употребляется крайне редко.

Фразеологизм *情窦初开* [букв. *появился ключ к разрешению вопроса о первой любви*] означает юношей и девушек, которые начинают понимать любовь

[Там же: 1191]. Данная единица в предложении употребляется в качестве определения, которое описывает качество или свойство человека. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: *舞台上, 一对情窦初开的大学生正依偎在一起, 互诉衷肠* (русский перевод: *На сцене пара молодых студентов прижимается друг к другу и разговаривает друг с другом о любви*). Данный фразеологизм показывает типичное представление китайцев о молодости: молодость – это возрастной период, в котором люди начинают понимать любовь.

Перейдём к рассмотрению фразеологических единиц русского и китайского языков, характеризующих молодость человека и его физическое состояние.

4) фразеосемантическая подгруппа «Молодость + физическое состояние».

В русской и китайской фразеологии имеются единицы, которые характеризуют возраст человека и его физическое состояние. Ср. ФЕ, означающие молодость человека и его физическое состояние, включают в самом <полном> соку, в <самой> поре, в <во> цвете <в расцвете> лет <сил>, *春秋鼎盛* [букв. в возрасте, когда в расцвете сил], *血气方刚* [букв. кровь и энергия жизни в цветущем состоянии], *年轻力壮* [букв. молодой и в расцвете сил] и *年富力强* [букв. молодой, полный сил]. Данные фразеологизмы являются близкими по значению. Сопоставим данные фразеологические единицы русского и китайского языков.

Русская единица *в самом <полном> соку* – «прост. экспресс. В полном расцвете физических сил» [Фёдоров 2008: 642]. По данным «Русско-английского фразеологического словаря» *в самом <полном> соку* – «one is at the point in life when one's health and vigor are at their peak» [Лубенская 1997: 647]. Единица *в <самой> поре* – «кто-либо в полном расцвете сил, зрелости» [Фёдоров 2008: 508]. По данным «Русско-английского фразеологического словаря», *в <самой> поре* – «at the point in one's life when one is most vigorous, attractive etc» [Лубенская 1997: 491]. Единица *в <во> цвете <в расцвете> лет <сил>* означает кого-либо, кто находится в лучшем, плодотворном периоде жизни, т.е. в молодые годы, когда

«достигают наивысшего подъёма духовные и физические силы и возможности» [БФСРЯ 2014: 63]. По данным «Русско-английского фразеологического словаря», в <во> *цвете* <в расцвете> *лет* <сил> – «the years when one's or s.o.'s mental and physical abilities are at their peak» [Лубенская 1997: 768].

Китайский фразеологизм *春秋鼎盛* [букв. в возрасте, когда в расцвете сил] обозначает молодого, сильного и энергичного человека [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 222]. Фразеологизм *血气方刚* [букв. кровь и энергия жизни в цветущем состоянии] описывает энергичного человека, который находится в расцвете сил [Там же: 1232]. *年轻力壮* [букв. молодой и в расцвете сил] означает молодого и сильного человека [Там же: 765]. *年富力强* [букв. молодой, полный сил] обозначает молодого человека в расцвете сил [Там же: 765].

В плане выражения китайские единицы *春秋鼎盛* [букв. в возрасте, когда в расцвете сил], *血气方刚* [букв. кровь и энергия жизни в цветущем состоянии], *年轻力壮* [букв. молодой и в расцвете сил] и *年富力强* [букв. молодой, полный сил] представляют собой единицы четырёхсложного состава, т.е. чэньюй, которые соотносятся с крылатыми выражениями или цитатами в русской фразеологии. В связи с тем что они восходят к древним текстам «различных жанров и не теряют связи с источниками» [Доу Чуньяо 2015: 285]. Ср.: единица *春秋鼎盛* [букв. в возрасте, когда в расцвете сил] восходит к «Ханьшу» (историческая хроника династии Хань с 260г. до н. э. по 20г. н. э.) *天子春秋鼎盛, 行仪未过, 德泽有加焉, 犹尚若比, 况莫大诸侯, 权势十此者乎* (русский перевод: *Если даже императору, находящемуся в расцвете лет, нужно духовно-нравственное воспитание, то само собой Чжухоу, власть у которых не такая большая, как у императора*); фразеологизм *血气方刚* [букв. кровь и энергия жизни в цветущем состоянии] восходит к «Лунь Юй» *及其壮也, 血气方刚, 戒之在斗* (русский перевод: *Конфуций говорит, что молодые люди очень сильные и энергичные. Им надо воздерживаться от нечестной конкуренции*); фразеологическая единица *年富力强*

[букв. *молодой, полный сил*] также восходит к «Лунь Юй» 孔子言后生年富力强, 足以积学而有待, 其势可畏 (русский перевод: *Конфуций говорит, что молодёжь – это люди энергичные, которые находятся в периоде учёбы. Будущее у молодых людей надёжное, и надо глубоко уважать их тенденцию развития*); фразеологизм 年轻力壮 [букв. *молодой и в расцвете сил*] восходит ко «Сну в красном тереме» (наиболее популярному из четырёх классических романов в Китае) 老太太也太想得到。实在我们年轻力壮的人, 捆上十个也赶不上 (русский перевод: *Старая хозяйка очень серьёзная и тщательная. Даже десять молодых людей не так тщательно обдумали, как она*) [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 222, 765, 1232].

Фразеологические единицы 年轻力壮 [букв. *молодой и в расцвете сил*] и 年富力强 [букв. *молодой, полный сил*] отличаются сочинительной конструкцией, т.е. для структуры этих единиц характерно парное описание: «*年轻 [молодой] и 力壮 [в расцвете сил]*»; «*年富 [молодой] и 力强 [полный сил]*».

В предложении русские фразеологизмы с конструкцией «предлог *в* + предложный падеж имен существительных» выполняют функцию характеризующей предикации, используются в составе именного сказуемого. См. иллюстрации: 1) *Он находился в мой самой поре, которую свахи называют «мужчина в самом соку».* (Чехов. Огни); 2) – *Вот нет что твою Евдокию посвятать. Девка в поре, работница.* (И. Акулов. Касьян. Остудный); 3) *Эдгару нельзя было дать больше сорока пяти лет. Это был красивый мужчина в расцвете сил* [Кунин 1984: 604; Фёдоров 2008: 508, 642].

Китайские фразеологизмы в предложении могут употребляться в качестве характеризующей предикации. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: 1) *叶挺将军春秋鼎盛, 正要为人民解放事业继续效力, 全国人民也正殷切期望着他的时候, 谁料竟又在黑茶山遇难* (русский перевод: *Генерал Е Тин как раз был в расцвете лет, он собирался продолжить бороться за дело освобождения народа, и народ по всей стране также усердно ожидал его. Но*

кто бы мог предвидеть, что он неожиданно погиб в горах «Чёрный чай»); 2) 在青年时代, 他**血气方刚**, 对别人的著述, 不管来头多大, 总是坦率地加以批评指摘, 使得对方有时很难堪 (русский перевод: В молодости он в расцвете сил, всегда критиковал произведения других людей, независимо от состояния людей. Это ставило тем людям в тяжёлое положение); 3) 在篮球场上, 乔丹已是位“老人”, 而姚明年**年轻力壮**, 后生可畏 (русский перевод: На баскетбольной площадке Джордан уже стал «стариком», а Яо Мин ещё молодой и сильный, к нему нужно относиться с уважением); 4) 蒋经国与其父在作风上有所不同, 加之他正处**年富力强**时期, 行动果断, 态度严厉坚定, 确使行政革新收到一定成效 (русский перевод: По стилю поведения Цзян Цзинго отличается от его отца. Кроме того, он находится в расцвете сил, он решительный, строгий и крепкий. Так что административная реформа действительно имела успех).

Кроме того, данные китайские фразеологизмы в предложении используются и в роли определения, которое означает качество или свойство человека. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: 1) **春秋鼎盛**的皇太子应该参预国政 (русский перевод: Наследный принц, находящийся в расцвете лет, должен участвовать в государственных делах); 2) **血气方刚**的温达自以为长大了, 成熟了 (русский перевод: Молодой и цветущий Вен Да считает себя взрослым и зрелым); 3) **年轻力壮**的工人也会生病 (русский перевод: Молодые и сильные работники тоже могут заболеть); 4) 这些**年富力强**的职工, 何故急于通过非正常手段来称病不去上班呢? (русский перевод: Почему эти молодые рабочие сказались больным и не пошли на работу ненормальными средствами?).

Перейдём к сопоставлению плана содержания сопоставляемых фразеологизмов. Китайские и русские единицы сходны по денотативному компоненту. Фразеологизмы **春秋鼎盛** [букв. в возрасте, когда в расцвете сил], **血气方刚** [букв. кровь и энергия жизни в цветущем состоянии], **年富力强** [букв. молодой, полный сил] и в <во> цвете <в расцвете> лет <сил> означают человека, который находится в расцвете физических и духовных сил, а в самом

<полном> соку – только в расцвете физических сил. Сигнификативный аспект китайских и русских единиц содержит типичное представление о физическом состоянии молодого человека. Сопоставляемые фразеологизмы отличаются по мотивационному аспекту. Образ фразеологизма *в <во> цвете <в расцвете> лет <сил>* основан на растительной метафоре с помощью компонента *цвет*. Образ фразеологизма *в самом <полном> соку* соотносится с пищевым кодом культуры через компонент *сок*. Образ китайского фразеологизма *春秋鼎盛* [букв. *в возрасте, когда в расцвете сил*] построен на жертвоприношении в Древнем Китае. Китайский фразеологизм *血气方刚* [букв. *кровь и энергия жизни в цветущем состоянии*] построен на древнейшей мифологической форме осознания мира.

Среди китайских фразеологизмов нужно особо обратить внимание на единицы *春秋鼎盛* [букв. *в возрасте, когда в расцвете сил*] и *血气方刚* [букв. *кровь и энергия жизни в цветущем состоянии*]. Поскольку древние китайцы придавали большое значение ритуалу жертвоприношения весной и осенью, единица *春秋* [букв. *весна и осень*] имеет временное и возрастное значение: *春秋* [букв. *весна и осень*] – 1. весна и осень (обр. в знач.: четыре времени года, круглый год); 2. годы и возраст человека [Толковый словарь китайского языка Baidu онлайн: <https://hanyu.baidu.com/>]. Иероглиф *血* [кровь] обладает универсальной многозначной символикой и служит символом жизненных сил человека. Именно в крови пребывает энергия, делающая возможной телесную жизнь. Иероглиф *气* [энергии жизни] – основное понятие в китайской философии (в даосизме) и китайской медицине. Он обозначает основные виды энергии жизни, поддерживающие жизнедеятельность [Толковый словарь китайского языка Baidu онлайн: <https://hanyu.baidu.com/>]. Таким образом, образ китайского фразеологизма *血气方刚* [букв. *кровь и энергия жизни в цветущем состоянии*] восходит к древнейшим китайским мифологическим формам осознания мира.

Русский предлог *в* соотносится с пространственным кодом культуры и употребляется с другими лексемами для «определения срока, момента совершения чего-н.» [ТСРЯ 2001: 110]. Компоненты *лет* и *пора* соотносятся с

временным кодом культуры. Компонент *сок* – с пищевым, а компонент *цвет* – с растительным кодом культуры и символизирует богатство, процветание и новую жизнь [Мифы народов мира 1998: 368]. В русской лингвокультуре растения (деревья, цветы и др.) персонифицируются [Там же: 369]. Иными словами, в основе образа данного фразеологизма лежит метафора «растение – человек», которая основана на сходстве молодости человека и периода цветения растения [БФСРЯ 2014: 63]. Таким образом, данные фразеологизмы выявляют стереотипное представление китайцев и русских о возрастном периоде наибольшей жизненной активности человека.

Итак, семы «сильный», «энергичный» и «в расцвете сил» имеются в значениях фразеологических единиц русского и китайского языков, характеризующих физическое состояние молодого человека. Иными словами, молодость в русской и китайской фразеологии отличается силой и энергией. Рассмотрим фразеосемантическую подгруппу «Молодость + черты характера».

5) фразеосемантическая подгруппа «Молодость + черты характера».

В данной подгруппе имеются многочисленные фразеологические единицы русского и китайского языков, которые фокусируют внимание на «недостатке» молодости, т.е. неопытности, незрелости или несамостоятельности. Ср.: русские пословицы и поговорки *Молодец молодой конь, а с ним без хлеба будешь; Ещё первая голова на плечах, и шкура не ворочана; Молодость рыщет — от добра добра ищет; Молод месяц — не на всю ночь светит; Зелен виноград не сладок, молод человек не крепок; Незрел виноград — не вкусен, а молод человек — неискусен* и т.д., русские идиомы *желторотый птенец, молоко на губах не обсохло, нос не дорос, маменькин сынок, маменькина дочка, папенькин сынок, папина [папенькина] дочка* и китайские единицы *初出茅庐* [букв. впервые выйти из тростниковой хижины], *少不更事* [букв. молодой и малоопытный], *穿开裆裤* [букв. надевать детские штаны с разрезом], *年幼无知* [букв. детская невежественность], *生发未燥* [букв. волосы ещё не обсохли], *黄口小儿* (или *口黄未退*) [букв. птенец и

ребёнок], 口尚乳臭 (или 口乳未干) [букв. вкус молока во рту], 乳臭未干 (или 乳臭小儿) [букв. запах молока на теле ещё не исчез] и 驹齿未落 [букв. молочные зубы у молодой лошади не выпадают].

Отметим, что образ единицы *Молодец молодой конь, а с ним без хлеба будешь* основан на зооморфной метафоре, т.е. соотносится с зооморфным кодом культуры с помощью компонентов *конь*. Кроме того, незрелость молодости в русских пословицах передаётся с помощью описания незрелых зелёных плодов: ср. *виноград*. Растительная метафора также существует в русском фразеологизме *Молодо-зелено*. *Молодо-зелено* – «фразг. По молодости лет неопытен, наивен; неискушён, несведущ» [Фёдоров 2008: 377]. По данным «Русско-английского фразеологического словаря», *молодо-зелено* – «s.o. is naïve, inexperienced in sth., lacking in seriousness because of his youth (said condescendingly when a person's behavior or words make his youth or inexperience obvious; also said to excuse youth's desire for fun)» [Лубенская 1997: 377]. См. иллюстрации: [Фирс:] *Пальто на нём лёгкое... того гляди, простудится. Эх, молодо-зелено* (Чехов. Вишнёвый сад) [Фёдоров 2008: 377]. Данный фразеологизм *молодо-зелено* построен на сравнении цвета зелёного как показателя начала цветения с возрастом человека. Образ данного фразеологизма соотносится с растительным, временным и цветовым кодами культуры.

Русские фразеологизмы *маменькин сынок, маменькина дочка, папенькин сынок, папина [папенькина] дочка* означают несамостоятельных мальчиков (молодых мальчиков) или девочек (молодых девушек). Фразеологизм *папенькин сынок* обозначает относительно молодого мужчину, который «использует помощь своего отца (его связи, положение, статус и т.д.) для карьерного роста, решения возникающих житейских и др. проблем» [АСРФ 2015: 846]. Единица *папина дочка* описывает дочь, которая «привязана к отцу больше, чем к матери, похожа на него характером, унаследовала какие-то его способности, или которой отец уделял большие времени при воспитании» [Там же: 246]. Фразеологическая единица *маменькин сынок* означает нерешительного, неуверенного в себя мужчину,

который ведет себя, как это свойственно девочкам, или не может самостоятельно принимать решение, не приспособлен к жизни [БФСРЯ 2014: 369-370; АСРФ 2015: 845]. Фразеологизм *маменькина дочка* означает послушную, хорошо воспитанную девушку, молодую женщину, которая проявляет терпимость, вежливость, относится к родителям и их советам с уважением и любовью и другие свойственные черты характера [БФСРЯ 2014: 370; АСРФ 2015: 245]. Образ, создаваемый данными фразеологизмами, восходит к оппозициям «мужчина – женщина», «большой – маленький», «власть – подчинение», «сильный – слабый» и соотносится с собственно человеческим, антропным кодом культуры с помощью компонентов *папенькин, папина [папенькина], маменькин, маменькина, сынок и дочка*. Несамостоятельность – это свойство детей. В современном русском языке данные фразеологизмы используются для негативной характеристики поведения взрослого человека [Вознесенская 2016: 95]. Таким образом, они выступают в качестве эталона психологически несамостоятельного, незрелого молодого человека.

Фразеологизм *穿开裆裤* [букв. *надевать детские штаны с разрезом*] характеризует молодого и неопытного человека [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 278]. Очевидно, он описывает черты характера молодого человека с помощью описания детской одежды. Как указано выше, в параграфе 3.1., фразеологизм *生发未燥* [букв. *волосы ещё не обсохли*] может описывать детей. Обозначая детей, данный фразеологизм характеризует возраст человека и его внешность. Но он в современном китайском языке означает не только детей, но и молодых людей. При описании молодых людей этот фразеологизм характеризует черты характера молодости, т.е. молодого и неопытного человека [Там же: 1325]. Он в предложении употребляется в качестве характеризующей предикации. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: *我们有些老人喜欢摆老资格, 说青年人生发未燥, 就看不起不信任他们, 这是要不得的, 岂不闻青胜于蓝* (русский перевод: *Некоторые наши пожилые люди любят кичиться своим стажем, часто говорят, что молодые*

люди слишком неопытные и их презирают. Этого не должно быть! Разве вы не знаете, что молодые люди легко превосходят своего предшественника).

Китайский фразеологизм *初出茅庐* [букв. впервые выйти из тростниковой хижины] означает молодого человека, вступавшего в общество незрелым и неопытным [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 209]. Данный фразеологизм в предложении употребляется в качестве характеризующей предикации или дополнения. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: 1) *他初出茅庐, 工作热情很高* (русский перевод: *Он только что вышел из тростниковой хижины, у него страсть высокая к работе*); 2) *一个初出茅庐的女孩子, 羞怯腼腆, 居然要独立承担这样的任务* (русский перевод: *Одна девушка, выходящая из тростниковой хижины, очень застенчивая. Она неожиданно самостоятельно решает эту задачу*). Данный фразеологизм связывает с событиями эпохи Троецарствия, Чэугэ Лян вышел из тростниковой хижины, закончил жить вдали от мира, и помог Лю Бэй (Лю Бэй, 161-223 гг. – один из наиболее могущественных полководцев эпохи Троецарствия, основатель царства Шу). Образ данного фразеологизма создан на основе метафоры, т.е. выйти из тростниковой хижины – вступать в общество [Там же: 209].

Русские и китайские фразеологизмы *желторотый птенец, нос не дорос, молоко на губах не обсохло, 黄口小儿* [букв. птенец и ребёнок], *口尚乳臭* [букв. вкус молока во рту], *乳臭未干* [букв. запах молока на теле ещё не исчезнул] и *驹齿未落* [букв. молочные зубы у молодой лошади не выпадают] близкие по значению. Сопоставим данные близкие по значению фразеологизмы.

Фразеологизм *желторотый птенец* означает молодого, неопытного, наивного человека [Фёдоров 2008: 544], описывает того, у которого по молодости нет достаточного жизненного или профессионального опыта [БФСРЯ 2014: 201]. Фразеологизм *молоко на губах не обсохло*, по данным «Большого фразеологического словаря русского языка», означает слишком молодого и неопытного человека, у которого в силу юного возраста нет достаточного

опыта, знаний, чтобы справиться с серьёзными, ответственными делами самостоятельно [Там же: 372]. Единица *нос не дорос* – «кто-либо ещё слишком молод, чтобы делать что-либо, заниматься чем-либо; или *прост. ирон.* Кто-либо ещё молод и неопытен, чтобы делать что-либо» [Фёдоров 2008: 419].

Китайский фразеологизм 黄口小儿 [букв. *птенец и ребёнок*] – о детях, другое название детей; о молодых и неопытных людях, которые ничего не знают и не смогут самостоятельно справиться с какими-нибудь важными и серьёзными делами [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 491]. Фразеологизм 口尚乳臭 [букв. *вкус молока во рту*] означает тех людей, кто ещё молод, у кого нет достаточно жизненного или профессионального опыта, знаний, кто не способен самостоятельно сделать чего-нибудь [Там же: 620]. Единица 乳臭未干 [букв. *запах молока ещё не исчез*] описывает людей, наивных, молодых, неопытных, чтобы заниматься чем-либо [Там же: 912]. Единица 驹齿未落 [букв. *молочные зубы у молодой лошади не выпадают*] означает людей, молодых и неопытных [Там же: 591].

Следует отметить, что фразеологизмы 黄口小儿 [букв. *птенец и ребёнок*], 口尚乳臭 [букв. *вкус молока во рту*], 乳臭未干 [букв. *запах молока на теле ещё не исчезнул*] и 驹齿未落 [букв. *молочные зубы у молодой лошади не выпадают*] восходят к широко известным древним текстам различных жанров. Фразеологизм 黄口小儿 [букв. *птенец и ребёнок*] восходит к поэзии Сюй Цюэ 黄口小儿初学行, 唯知日月东西生 (русский перевод: *Ребёнок в начальной стадии учебы только знает солнце и луну, восток и запад*); единица 口尚乳臭 [букв. *вкус молока во рту*] восходит к «Ханьшу» (историческая хроника династии Хань с 260г. до н.э. по 20г. н.э.) 是口尚乳臭, 不能当韩信 (русский перевод: *Этот человек ещё молод и неопытен, совсем не является противником Хань Синь*); фразеологизм 乳臭未干 [букв. *запах молока на теле ещё не исчезнул*] восходит к «Поразительному. Вторая часть» (сборник китайского писателя Лин Мэнчу) 虽有两个外甥, 不是姐姐亲生, 并且乳臭未干, 谁人来稽查得他? (русский перевод: *Хотя у него есть два*

племянника, но они не её родные сыновья. Они ещё молодые, наивные и неопытные, чтобы заниматься этим делом, кто может контролировать их?); единица 驹齿未落 [букв. молочные зубы у молодой лошади не выпадают] восходит к «Истории династии Северной Ци – Биографии Ян Инь» 悖从父兄黄门侍郎昱特相器重，曾谓人曰：‘此儿驹齿未落，已是我家龙文，更十岁后，当求之千里外 (русский перевод: Его [Ян Инь] очень ценит двоюродный брат Ян Юй. Ян Юй часто говорит другим людям, что Ян Инь ещё молод, но очень талантлив, и станет великим человеком в будущем) [Там же: 491, 591, 620, 912]. Таким образом, данные фразеологизмы восходят к древним известным текстам различных жанров и тесно связаны со своим источником. Если сопоставить классификации русских и китайских фразеологизмов, то можно утверждать, что данные фразеологизмы-чэньюй соотносятся с русскими крылатыми выражениями и цитатами, источник которых хорошо известен носителю языка (см. параграф 1.2.1. данной диссертации).

Во фразеологических единицах *нос не дорос* и *молоко на губах не обсохло* имеется частица «не», которая выражает отрицание, т.е. «человек не вырос». Такое выражение встречается также во фразеологизмах китайского языка 乳臭未干 [букв. запах молока на теле ещё не исчез] и 驹齿未落 [букв. молочные зубы у молодой лошади не выпадают] с помощью иероглифа 未 [не]. Кроме того, китайский фразеологизм 黄口小儿 [букв. птенец и ребёнок] характеризуется сочинительной конструкцией: 黄口 [жёлтый клюв] и 小儿 [ребёнок].

В предложении фразеологизм *желторотый птенец* обычно употребляется в качестве подлежащего, именной части сказуемого или дополнения. См. иллюстрации: 1) *Ви рассказывала Банни эпизоды из собственной жизни. «Я не желторотый птенец, только что вылупившийся из яйца, не вообразайте, Банни, того, чего нет»*; 2) – *Конец третьего года войны – такая работа?! Желторотые птенцы лучше вас летают! Весь корпус опозорили... Безобразие!!* (Л. Кудреватых, Страницы нашей жизни) [Кунин 1984: 146; БФСРЯ 2014: 201]. Единицы *молоко на губах не обсохло* и *нос не дорос* обычно употребляются в

качестве части сложного предложения или самостоятельного высказывания. См. иллюстрации: 1) *Сукины дети, поспать старику не дадут. Молоко ещё на губах не обсохло, не понимаете, что старику нужен покой*; 2) *У самого молоко на губах не обсохло, а уж такое дело раздул* (М. Соколов, Искры) [Кунин 1984: 154-155; БФСРЯ 2014: 372]. 3) *А если кто-то скажет, что у вас нос не дорос, то постарайтесь доказать: вы можете утереть нос любому* (Носария // «Трамвай», 1990).; 4) *Из мрака ответил раскатистый бас: – Нос не дорос! Мэтр, отчаянно: – Боже, ты меня слышишь?!* (Елена Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона/Семеро праведных в раю господина [2004]).

Китайские фразеологизмы в предложении используются в качестве характеризующего предикатива. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: 1) *可是时隔数百年, 即使是对小说毫无研究的黄口小儿也已经知道, 那都是一些偏见, 现在没有人怀疑小说作为一门高尚而精致的艺术的性质* (русский перевод: *Спустя сотни лет ребёнок, не изучающий художественную литературу, даже знает, что это мнение представляет собой предубеждение к ней. Теперь никто не сомневается в том, что художественная литература – это благородное и тщательное искусство*); 2) *吾尚在湖南, 见其少年子弟, 口尚乳臭, 目不识蟹文, 未尝读一西欧之书, 而其言论思想, 新异卓拔, 洞深透辟, 与西人学理暗合者, 往往而有* (русский перевод: *Я в провинции Хунань и увидел там молодых людей, которые ничего не знают иностранные языки и не читают книги на иностранных языках. Но их мнение и мысль очень новые, отличные и глубокие*); 3) *尽管许多高级干部对这个乳臭未干的小子来掌管高级干部训练深表不满, 但敢怒而不敢言* (русский перевод: *Хотя многие высшие руководители очень недовольны мальчонкой, запах молока на теле которого ещё не исчез. Этот мальчонка управляет тренировкой высших руководителей. Но они негодовали*); 4) *年轻人, 不要冲动, 你们都还驹齿未落* (русский перевод: *Молодые люди, не волнуйтесь, вы ещё находитесь в таком возрасте, когда молочные зубы не выпадают*).

В ходе сопоставления плана содержания русские и китайские

фразеологические единицы сходны по денотативному и сигнификативному компонентам. Фразеологизм 黄口小儿 [букв. птенец и ребёнок] обозначает не только молодого и неопытного человека, но и ребёнка. Мотивационный компонент значения фразеологических единиц *молоко на губах не обсохло*, 口尚乳臭 [букв. вкус молока во рту] и 乳臭未干 [букв. запах молока ещё не исчез] содержит сходные образные основания, т.е. антропную метафору, уподобляющую слишком молодого и неопытного человека грудному младенцу, который кормится материнским молоком. Фразеологизмы *нос не дорос* и 驹齿未落 [букв. молочные зубы у молодой лошади не падают] сходны по мотивационному компоненту: образ, создаваемый ими на основе соматической, т.е. телесной метафоре, *нос* и *зубы* как неотъемлемая часть тела человека замещают целого человека. Мотивационный компонент значения фразеологизмов *желторотый птенец* и 黄口小儿 [букв. птенец и ребёнок] создается на зооморфной метафоре. Что касается эмотивно-оценочного компонента, то стоит особо обратить внимание на фразеологизм 黄口小儿 [букв. птенец и ребёнок]. Употребляясь в качестве обозначения детей, данный фразеологизм обладает нейтральной оценкой, см. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: *那时我还是个黄口小儿, 特别喜欢堂姐。堂姐出嫁了, 我跟爸妈哭闹了一场* (русский перевод: *В то время я был ещё маленьким ребёнком, очень любил старшую двоюродную сестру по отцовской линии. Когда она вышла замуж, я плакал навзрыд перед отцом и матерью*); обозначая молодого и неопытного человека, данный фразеологизм обладает негативной окраской, см. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: *你刚入职场, 是个黄口小儿, 胜任不了这份工作* (русский перевод: *Ты только что вступил в общество и совсем неопытен. Ты не справился с этой работой*). По эмотивно-оценочному компоненту остальные единицы также склонны к выражению негативной позиции.

Известно, что образ, создаваемый единицами *желторотый птенец* и 黄口小儿 [букв. птенец и ребёнок], основан на зооморфной метафоре, т.е. аналогии

«птица – человек». Птицы в религиозно-мифологической системе и ритуале как важный элемент, который обладает разнообразными функциями [Мифы народов мира 2000: 346]. Компоненты *желторотый* и 黄口 [жёлтый клюв] показывают внешние отличительные свойства птенца, т.е. желтизну около клюва. В основе образа данных фразеологизмов лежит оппозиция: «частное – целое». Данные фразеологизмы восходят к древнейшей мифологической форме осознания мира – анимистической и показывают уподобление по сходству «недавно вылупившегося из яйца детёныша птицы» и молодого и несамостоятельного человека, который не разбирается в жизненных делах, но пытается начать самостоятельную жизнь [БФСРЯ 2014: 201]. Данные фразеологизмы выступают в роли эталона оценки молодого, наивного, неопытного и несамостоятельного человека.

Сопоставим фразеологизмы *нос не дорос* и 驹齿未落 [букв. молочные зубы у молодой лошади не выпадают]. Компоненты *нос* и 驹齿 [молочные зубы] соотносятся с телесным кодом культуры, компоненты *не дорос* и 未落 [не выпадают] связаны с физиологическим явлением. Образ данных единиц основан на древнейшей оппозиции «молодой – старый». *Нос* и *зубы* – это часть тела человека, т.е. *нос* и *зубы* метонимически замещают человека вообще. Итак, образ, создаваемый данными единицами, связан ещё с оппозицией «частичное – целое». Образ китайской единицы связан с соположением «лошадь – человек». Данные фразеологизмы проявляют типичное представление китайцев и русских о молодом человеке, который отличается наивностью и неопытностью.

Рассмотрим фразеологические единицы *молоко на губах не обсохло*, 口尚乳臭 [букв. вкус молока во рту] и 乳臭未干 [букв. запах молока ещё не исчезнул]. Данные фразеологизмы восходят к древнейшим оппозициям «рождение – смерть» и «молодой – старый». Компоненты 乳臭 /молоко соотносятся с гастрономическим кодом культуры, компоненты 口 [рот] и *губы* – с телесным кодом культуры, компоненты 干 [исчезнул] и *обсохло* связаны с физическим состоянием, предлог *на* в русском фразеологизме соотносится с пространственным кодом культуры. Образ, создаваемый этими единицами,

основан на антропной метафоре, уподобляющей молодого (или юного) и неопытного (или несамостоятельного) человека грудному младенцу, который кормится материнским молоком. Данные фразеологизмы дают представление русских и китайцев о юном или молодом человеке как неопытном, несамостоятельном, плохо знающем жизнь, который не сможет справиться с разного рода делами.

Фразеологическая система русского и китайского языков также характеризует черты характера молодого человека с положительной стороны. Молодость в русской и китайской фразеологии характеризуется смелостью, ср.: *Добрый молодец*, 五陵年少 [букв. молодой храбрец, который жил около пяти гробниц императоров] и 初生之犊不怕虎 [букв. новорождённый телёнок не боится тигра].

Добрый молодец – «народно-поэт. Молодой человек, удалец» [Фёдоров 2008: 377]. См. иллюстрации: 1) *Сказка ложь, да в ней намёк: Добрым молодцам урок* (Пушкин. Сказка о золотом петушке); 2) – *Что же, очевидно, она права. Да и что он такое? Пришёл разбойником, Ванькой-ключником, показал своё ёрничество да мужское грубое ухарство и ушёл опять, словно говоря на прощание: знай наших, вот мы какие добры молодцы!* (В. Пикуль. Баязет) [Фёдоров 2008: 377].

Китайский фразеологизм 五陵年少 [букв. молодой храбрец, который жил около пяти гробниц императоров] означает молодого человека, смелого, решительного и имеющего чувство справедливости [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 1152; Китайский большой фразеологический словарь 2009: 1574]. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: 尹雪艳总也不老。十几年前那一班在上海百乐门舞厅替她捧场的五陵年少，有些头上开了顶，有些两鬓添了霜 (русский перевод: *Инь Сюэянь всегда не старая. Больше десяти лет назад в Шанхайский танцевальный зал «Paradise Hall» шумно выступали в поддержку её молодые рыцари, у некоторых из них уже лысая голова, с белыми волосами на висках*). Компонент 五陵 [пять гробниц императоров] – пять гробниц во времени

правления династии Хань (202 г. до н.э. – 220 г. н.э.): 1) гробница Чан (гробница первого императора династии Хань), 2) гробница Ан (гробница второго императора династии Хань), 3) гробница Ян (гробница четвертого императора династии Хань), 4) гробница Мао (гробница пятого императора династии Хань), 5) гробница Пин (гробница шестого императора династии Хань). Все эти гробницы находятся в городе Чанань (столица династии Хань). Во времени правления У-ди, в целях укрепления управления императорскими гробницами, император издал приказ о переселении молодых людей в окрестность этих гробниц. Эти молодые люди были очень смелыми и храбрыми. Они защитили императорские гробницы [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 1574].

Фразеологизм *初生之犊不怕虎* [букв. *новорождённый телёнок не боится тигра*]. Данный фразеологизм означает смелых, бесстрашных молодых людей, только вступивших в общественную жизнь [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 210]. В предложении он употребляется в качестве части сложносочинённого предложения. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: *初生之犊不怕虎，这位才25岁的李总经理，刚一上任，无论什么事说干就干* (русский перевод: *Новорождённый телёнок не боится тигра, этот 25-летний генеральный директор Ли как только вступал в должность, не откладывал дело в долгий ящик*). Образ данного фразеологизма основан на зооморфной метафоре. Новорождённый телёнок символизирует молодых людей, как только вступивших в общество, а тигр – трудности в жизни и работе. Данный фразеологизм показывает стереотипное представление китайцев о молодом человеке, который должен быть смелым и бесстрашным.

По сравнению с русской фразеологией, в китайской фразеологии ещё существуют многочисленные единицы, характеризующие черты характера молодого человека с положительной стороны. Например, с точки зрения носителей китайской лингвокультуры молодой человек – талантлив. Ср.: *龙驹凤雏* [букв. *детёныш дракона и птенец феникса*], *头角峥嵘* [букв. *выдающийся талант*] и *骥子龙文* [букв. *быстроногий скакун Лун Вэнь*].

Фразеологизм *龙驹凤雏* [букв. *детёныш дракона и птенец феникса*] описывает молодого человека с блестящим талантом и красивой фигурой [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 681]. Данный фразеологизм восходит к древнейшей мифологической форме осознания мира – анимистической, т.е. в основе образа фразеологизма лежит метафора «животное – человек». Образ основан ещё также на древнейших оппозициях «мужчина – женщина», «молодость – старость». Компоненты *дракон* и *феникс* соотносятся с зооморфным кодом культуры. В Древнем Китае дракон – символ императора, а феникс – символ императрицы. Кроме того, на стенных росписях, или на скульптурах в императорских дворцах мы можем видеть дракона и феникса. Таким образом, дракон и феникс в Древнем Китае символизируют власть, а в современном Китае – успешных и счастливых людей [Михайлова, Чжао И 2016: 170; Решетов 2008: 290]. Например, в Китае существует поговорка *望子成龙, 望女成凤* [букв. *кто-л. надеется, что свой сын станет драконом, и своя дочь станет фениксом в будущем*]. Данная поговорка обозначает, что китайские родители надеются, что их дети станут успешными, удачными людьми в будущем.

Фразеологизм *骥子龙文* [букв. *быстроногий скакун Лун Вэнь*] означает молодого и талантливую человека [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 727]. В современном китайском языке данный фразеологизм употребляется редко. Компонент *龙文* [Лун Вэнь] – это имя быстроногую скакуна. Быстроногий скакун в китайском языке символизирует талантливую человека [Толковый словарь китайского языка Baidu онлайн: <https://hanyu.baidu.com/>]. Образ данного фразеологизма основан на зооморфной метафоре. Фразеологизм *头角峥嵘* [букв. *выдающийся талант*] означает молодого и талантливую человека с необычно сильным духом [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 1074]. Данный фразеологизм в предложении употребляется в качестве характеризующей предикации. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: *哥伦比亚大学的研究生也是头角峥嵘, 有些成为我终生的好友* (русский перевод:

Аспиранты в Колумбийском университете также талантливые, некоторые из них уже стали моим другом на всю жизнь).

Некоторые китайские фразеологизмы, характеризуют черты характера не только детства, но и молодости. Ср.: 金童玉女 [букв. золотой мальчик и нефритовая девочка], 天真烂漫 [букв. наивный и живой], 赤子之心 [букв. душевная чистота], 小鸟依人 [букв. привязанность птенца к человеку] и 飞鸟依人 [букв. привязанность птички к человеку]. В этом случае они фокусируются на том, что молодые люди «сохраняют» качества детства, т.е. наивность, чистоту и доброту. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: 1) 他英俊潇洒, 他女朋友年轻貌美, 他们俩真是金童玉女, 天生一对啊 (русский перевод: Он талантливый и блестящий, его девушка молодая и красивая. Действительно, они – предопределённая судьбой пара, как золотой мальчик и нефритовая девочка); 2) 小伙子很天真烂漫, 会流利地说几门外语, 是外国文学研究所的研究员 (русский перевод: Этот молодой человек – наивный и живой. Он свободно вдадеет несколькими иностранными языками и является научным сотрудником Института иностранной литературы); 3) 他不喜欢太独立的女人, 喜欢小鸟依人的女人 (русский перевод: Он не любит очень независимую девушку, а любит симпатичную и кроткую девушку, как птенца).

Следует отметить, что фразеологизм 小鸟依人 [букв. привязанность птенца к человеку] обладает гендерной маркированностью и обозначает молодую девушку, красивую и кроткую [Там же: 1188]. Образ данного фразеологизма основан на древнейших оппозициях «мужчина – женщина», «молодость – старость», а также на связанном с ним противопоставлении «сильный – слабый». Компонент фразеологизма птенец соотносится с зооморфным кодом культуры. В основе образа фразеологизма лежит метонимия: компонент птенец – молодые девушки, маленькие, слабые и симпатичные; компонент человек – мужчины, рослые и сильные. В образе фразеологизма отображено стереотипное представление китайцев о молодых девушках – красивых и кротких, которых мужчины должны

защищать.

Таким образом, молодость с отрицательной стороны в русской и китайской фразеологии характеризуется неопытностью, незрелостью и несамостоятельностью. Русская и китайская фразеологические системы также отражают положительную оценку черт характера молодого человека: молодой человек должен быть смелым. Кроме того, с точки зрения носителей китайской лингвокультуры, молодой человек – талантлив. Отдельные китайские ФЕ фокусируются на том, что молодые люди «сохраняют» черты детства, т.е. наивность, чистоту и доброту.

6) фразеосемантическая подгруппа «Молодость + интеллектуальные способности».

В русской фразеологии существуют не только единицы, характеризующие ум пожилого человека, но и единицы, описывающие ум молодого человека. Русские фразеологизмы описывают ум молодого человека с положительной стороны, т.е. молодой человек в русской фразеологии отличается умом и мудростью. Ср. русские пословицы и поговорки *Молод годами, да стар умом; Ум бороды не ждёт; Молод, да стары книги читал*. В китайской фразеологии существуют только единицы, характеризующие ум пожилого человека, а отсутствуют единицы фразеосемантической подгруппы «Молодость + интеллектуальные способности».

Перейдём к рассмотрению фразеосемантической подгруппы «Молодость + социальный статус» русского и китайского языков.

7) фразеосемантическая подгруппа «Молодость + социальный статус».

Отметим, что фразеологическая система русского и китайского языков, характеризующая молодость человека и его социальный статус, в основном описывает домашнюю среду и матримониальное состояние молодого человека. Ср.: в русской и китайской фразеологии имеются единицы, которые характеризуют домашнюю среду и её влияние на развитие человека молодого возраста, ср.: *золотая молодёжь, 小家碧玉* [букв. *яшма в бедной семье*] и *大*

家闺秀 [букв. девушка из высокопоставленной и богатой семьи].

Фразеологизм *золотая молодёжь* означает молодых людей из богатых, привилегированных семей. Имеется в виду, что «совокупность объединённых общими интересами лиц молодого возраста, лицо или группа лиц – её представителей проводит время в праздности и развлечениях, «прожигает» жизнь, тратит её впустую» [БФСРЯ 2014: 240]. Образ данного фразеологизма связыван с оппозицией «молодой – старый» и соотносится с антропным и природно-вещным кодом культуры с помощью компонентов *молодёжь* и *золотой* (от *золото*) соответственно. В образе фразеологизма проявляется стереотипное представление о людях молодого поколения, легкомысленных и неумелых, которые живут беззаботно [Там же: 241]. Кроме того, компонент *золотой* в основе образа данной единицы выявляет идею привилегированности, избранности, выделения из общей массы [Там же: 241]. Данный фразеологизм в целом показывает стереотипное представление о молодых людях, которые прожигают свою жизнь, пренебрегают общепринятыми нормами поведения и осознают собственную безнаказанность из-за поддержки привилегированных родителей.

Китайский фразеологизм *小家碧玉* [букв. яшма в бедной семье] означает красивую, застенчивую и добрую девушку из бедной семьи [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 1188], а фразеологизм *大家闺秀* [букв. девушка из высокопоставленной и богатой семьи] описывает красивую, воспитанную и родовитую девушку с талантом и добродетелью [Там же: 247]. Очевидно, что данные фразеологические единицы обладают гендерной маркированностью. Образ этих единиц связан с оппозициями «старый – молодой» и «мужчина – женщина». Фразеологизм *小家碧玉* [букв. яшма в бедной семье] происходит из прецедентного феномена, компонент *碧玉* [яшма] – имя известной девушки, которая представляет собой наложницу короля Жу Нан (в период династии Цзинь). Она родилась простолюдинкой, но очень привлекательна, очаровательна, добра и застенчива, и поэтому она стала фавориткой короля Жу Нан [Там же: 247]. Таким образом, данный фразеологизм в

современном китайском языке описывает красивую, застенчивую и добрую девушку из бедной семьи. Кроме того, данные фразеологизмы в целом проявляют стереотипное представление о разнице в характере девушки из бедной семьи и высокопоставленной семьи в Древнем Китае. Очевидно, что характеры девушек из бедных и высокопоставленных семей отличаются. Девушки из высокопоставленных и богатых семей спокойны, образованны, воспитанны, культурны и вежливо относятся к людям. Они также талантливы и добродетельны. С детства у них строгие ограничения, и они соблюдают этический кодекс поведения. Поэтому они обычно не выражают свою любовь. По сравнению с девушками из высокопоставленных и богатых семей, девушки из бедных семей очень живые и активные, они обладают привлекательностью.

Кроме того, в данной подгруппе существуют многие фразеологизмы, которые описывают матримониальное положение молодого человека, ср.: *на выданье*, 年已及笄 (или 及笄年华) [букв. в возрасте, когда можно использовать шпильки для волос], 待字闺中 [букв. ждать помолвки в своём тереме], 男大当婚, 女大当嫁 [букв. когда мужчина вырастает, ему нужно жениться вовремя; когда девушка вырастает, ей нужно выйти замуж вовремя], 小姑独处 [букв. девушка живёт одиноко] и 標梅之年 [букв. в возрасте, когда перезрелая слива опала].

Сопоставим фразеологизмы русского и китайского языков *на выданье* и 年已及笄 [букв. в возрасте, когда можно использовать шпильки для волос]. Русские единицы *на выданье* – «Прост. В возрасте, когда принято выдавать замуж» [Фёдоров 2008: 112]. По данным «Русско-английского фразеологического словаря», *на выданье* – «at an age when a young woman is expected to get married» [Лубенская 1997: 95]. Китайский фразеологизм 年已及笄 [букв. в возрасте, когда можно использовать шпильки для волос] описывает девушку, находящуюся в таком возрасте, когда она зрелая и пришло время выйти замуж [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 766].

При сопоставлении плана выражения следует отметить, что русская единица является фраземой с конструкцией «предлог *на* + существительное *выданье*»,

а китайская единица – чэньюй такого типа соотносится с крылатыми выражениями или цитатами в русской фразеологии. Поскольку данная единица является цитатой из произведения «Биография Летающего дракона» У сюань «*虽公子是个烈性汉子, 没有别情, 但你乃深闺弱质, 况年已及笄, 岂不晓得知恩报恩*» (русский перевод: *Хотя он является целеустремлённым мужчиной с холерическим характером. Ты – слабая девушка, находишься в возрасте, когда принято выйти замуж. Разве ты не знаешь глубокой любви?*) [Там же: 766]. В предложении русский и китайский фразеологизмы употребляются в качестве характеризующей предикации. См. иллюстрации: 1) *Одна беда: Маша, девка на выданье, и какое у ней приданое? Частый гребень, да веник, да алтын денег* (Пушкин. «Капитанская дочка») [Фёдоров 2008: 112]; 2) *他有个妹妹, 年已及笄, 很漂亮很文静, 天真无邪* (русский перевод: *У него есть младшая сестра, которая находится в возрасте, когда можно использовать шпильки для волос. Она очень красивая, спокойная и наивная.* Национальный корпус современного китайского языка).

В плане содержания русский и китайский фразеологизмы совпадают по денотативному и сигнификативному компонентам значения. Мотивационный компонент значения содержит разные образные основания: образ, создаваемый русской единицей, основан на семейной и гендерной метафоре, а образ китайской – на антропной метафоре. Эмотивно-оценочный аспект значения данных фразеологических единиц показывает, что они употребляются в нейтральной позиции.

Предлог *на* в единице *на выданье* соотносится с пространственным кодом культуры, компонент *выданье* соотносится с антропным кодом культуры. В основе образа данного фразеологизма лежит также архетипическая оппозиция «свой – чужой». Таким образом, данный фразеологизм означает, что девушка переходит из своего пространства (своей семьи) в другое пространство (другую семью). Компонент *及笄* [*использовать шпильки для волос*] в китайской единице также соотносится с антропным кодом культуры и представляет собой другое

название возраста 15 лет [Толковый словарь китайского языка Baidu онлайн: <https://hanyu.baidu.com/>]. В китайском языке также существуют языковые факты, которые доказывают, что 及笄 [использовать шпильки для волос] – другое название возраста 15 лет. Например, в книге «Изложение истории династии Цин» Цай Донпана есть такое выражение: 小女伯哩年将及笄, 如蒙不弃, 愿附姻好 (русский перевод: *Моя дочка уже в таком возрасте, когда использует шпильки для волос, Если Вы любите ее, она пойдёт замуж за Вас*). Более того, в китайской фразеологии существуют ещё фразеологизмы с компонентом 及笄 [использовать шпильки для волос], ср.: 年将及笄 [букв. будет в таком возрасте, когда можно использовать шпильки для волос], 及笄之年 [букв. в период использования шпилек для волос]. В Древнем Китае, если девушка уже может использовать шпильки для волос, это обозначает, что волосы у нее уже выросли, девушка уже в возрасте 15 лет должна выйти замуж. В современной китайской лингвокультуре, это означает, что женщина в том возрасте, когда можно выходить замуж. Использовать шпильки для волос – это «реалия, которая служит устойчивой мерой того, что женщина может выйти замуж» [Доу Чуньяо 2019-в: 352].

Молодость в китайской фразеологии характеризуется самостоятельностью, т.е. молодой человек должен быть самостоятельным в обществе. Ср.: 三十而立 [букв. в возрасте 30 лет, когда человек должен встать на ноги] и 雏鹰展翅 [букв. птенец орла расправляет крылья].

Как было показано выше, фразеологизм 三十而立 [букв. в возрасте 30 лет, когда человек должен встать на ноги] является цитатой из древнего и известного произведения «Луньчунь»: 子曰: “吾十有五, 而志于学。三十而立, 四十而不惑, 五十而知天命, 六十而耳顺, 七十而从心所欲, 不逾矩。” (《论语 为政》) (русский перевод: *Конфуций говорил, что когда мне исполнилось 15 лет, я обратил все помыслы на учёбу. В возрасте 30 лет, я пытался установить цели и стать самостоятельным человеком <...> «Лунь Юй»*).

Фразеологизм 雏鹰展翅 [букв. птенец орла расправляет крылья] означает

молодого человека, который начал самостоятельно работать и жить [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 272]. Очевидно, что образ данной единицы основан на зооморфной метафоре. В основе образа данного фразеологизма лежит аналогия «расправив крылья парить в воздухе – самостоятельно жить и работать». Данный фразеологизм в предложении употребляется в качестве характеризующей предикации. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: *孩子们都长得很健康, 雏鹰展翅去外地了* (русский перевод: *Дети очень здоровы, все они начали самостоятельно работать и жить в другом городе*).

Кроме того, сема «надо относиться с уважением» присутствует в значении китайского фразеологизма *后生可畏* [букв. *молодое поколение дышит в затылок*], который проявляет стереотипное представление китайцев о положении молодого поколения в обществе: молодые люди – это новая сила в обществе, они легко превосходят старых, и к ним нужно относиться с уважением [Там же: 647].

Итак, семейное положение молодых людей описано в данной подгруппе. В русской и китайской лингвокультурах различия между мужчинами и женщинами появляются в молодости, поскольку в русской и китайской фразеологии существуют единицы, которые описывают девушку, которая должна выйти замуж, а отсутствуют единицы, означающие мужчину такого возраста. Кроме того, с точки зрения носителей китайской лингвокультуры, молодые люди должны быть самостоятельными в обществе, они также должны пользоваться уважением.

Таким образом, во фразеосемантическом микрополе 'молодость/ 青年' русского и китайского языков, мы проанализировали 105 фразеологических единиц, в том числе 38 русских и 67 китайских. В китайской фразеологии существует подгруппа «Молодость+физиологическое явление», которая отсутствует в русской фразеологии. В русской фразеологии есть единицы, характеризующие ум молодого человека с положительной стороны, а в китайской фразеологии отсутствуют единицы, которые описывают ум молодого человека. По сравнению с русской фразеологией, в китайской фразеологии существуют многие

единицы, описывающие только молодость человека. Молодость в русской и китайской лингвокультурах характеризуется красотой, энергичностью и хорошим физическим состоянием. Неопытность, незрелость и несамостоятельность являются основными признаками молодости человека. Вместе с тем молодой человек всё-таки обладает хорошими чертами характера, ср.: смелостью и др. Кроме того, молодость – это возрастной период, в котором люди обычно вступают в брак.

3.3. Фразеосемантические микрополя 'зрелость/壮年' в русском и китайском языках

1) фразеосемантическая подгруппа «Только о зрелости».

В русском и китайском языках имеются фразеологизмы, означающие только зрелость человека. В русской фразеологии *зрелость* понимается как переходный период между *молодостью* и *старостью*. Ср.: русские пословицы и поговорки *Родился мал, вырос глуп, помер стар – ничего не знаю; Молодо – жидко, старо – круто, а середовая пора одним днем стоит; До тридцати лет греет жена, после тридцати рюмка вина, а после и печь не греет* и др. Кроме того, данная подгруппа ещё включает русские фразеологизмы с опорными лексемами *возраст*, *век* и китайские фразеологизмы с опорной лексемой *年齡* [*возраст*].

В китайской фразеологии данная подгруппа включает единицы с опорным компонентом *年齡* [*возраст*], в семантике которых содержится характеристика возраста человека. Она не маркирована другими гендерными или статусными характеристиками, ср.: фразеологизм *不惑之年* [букв. *в возрасте, когда уже нет сомнений*] означает людей в возрасте 40 лет, а фразеологизмы *知命之年* [букв. *в возрасте, когда человек знает волю неба*], *聖人之年* [букв. *в возрасте совершенно-мудрого*] и *年已及艾* [букв. *в возрасте чернобыльника*] обозначают людей в возрасте 50 лет, т.е. они представляют собой идиоматическое обозначение

возраста 50-летнего человека [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 1062, 1334, 1952]. В русской фразеологии единицы с опорными лексемами *возраст* и *век* обладают гендерной маркированностью, ср.: *бальзаковский возраст* и *бабий век*.

Русская коллокация *бальзаковский возраст* означает возраст женщины от 30 до 40 лет [Мокиенко, Никитина 2008: 95]. В предложении она употребляется в качестве несогласованного определения или характеризующей предикации. Ср. в [НКРЯ]: 1) *В первый год своей работы в Пекине я объяснял все это нашему дипломату и его супруге – пышной даме бальзаковского возраста* (В.В. Овчинников. Размышления странника [2012]); 2) *Она тогда руководила закрытым авиационным институтом и, будучи в бальзаковском возрасте, была просто красавицей и очень обаятельной женщиной* (Артем Тарасов. Миллионер [2004]). Отметим, что русский фразеологизм *бальзаковский возраст* основан на представлениях о женщине О. де Бальзака (1799–1850) в романе «Женщина тридцати лет». Данный фразеологизм изначально иронически обозначал женщин, которые стремились походить (или были похожи) на героиню данного романа. Впоследствии он начал употребляться как показатель возраста женщины [Крылатые слова: Энциклопедия 2003: 41]. Образ фразеологизма соотносится с оппозицией «мужчина – женщина». С точки зрения носителей русской культуры, у женщин есть бальзаковский возраст, а у мужчин его нет, т.е. существуют различия между мужчиной и женщиной. В этом фразеологизме проявляется типичное стереотипное представление о поведении и внешнем виде женщин, находящихся в зрелом возрасте.

Рассмотрим русский фразеологизм с опорной лексемой *век* в данной подгруппе, т.е. *бабий век*. Следует обратить внимание на значение слова *век*. Слово *век* означает – «1. промежуток времени в сто лет; столетие. 2. исторический период времени, характеризующийся чем-л. 3. жизнь, период существования кого-, чего-л. 4. очень долгое время» [БТС 2008: 116]. Тем самым, согласно словарю, третье значение слова *век* связано с возрастом, поскольку он является антропной характеристикой, сопряженной с описанием жизни человека. Именно в этом

значении данное слово входит в состав фразеологизмов и является опорным компонентом в единице: *бабий век*, который означает окончание молодости и красоты, активного периода жизни женщины. Ср. в [НКРЯ]: *Но вернуться в хирургию жена не захотела: почти пятьдесят лет – бабий век* (Николай Амосов. Голоса времен [1999]). Данный фразеологизм нельзя употребить по отношению к мужчинам, в нем указывается на определённый возрастной этап в жизни женщины. Данный фразеологизм происходит из поговорки: *Сорок лет – бабий век*, у которой имеется шутовское продолжение: *Сорок пять – баба ягодка опять* [Жуков 2010: 376–377; Зимин 2016: 349].

Кроме фразеологизмов с опорными лексемами *возраст* и *век* в русской фразеологии ещё существует единица *не первой молодости*, который обозначает «немолодой, в возрасте тридцати с лишним, сорока лет» [Фёдоров 2008: 377]. Согласно С.И. Лубенской, *не первой молодости* – «subj-compl with copula (subj: human) or nonagreeing postmodif; fixed middle-aged, not young» [Лубенская 1997: 377]. Данный фразеологизм в предложении употребляется в качестве характеризующей предикации. См. иллюстрации: *Это была дама уже не первой молодости, лет около сорока, художница-дилетантка, работой которой руководил Левитан* (Лазарев-Грузинский. А.П. Чехов) [Фёдоров 2008: 377].

Рассмотрим китайские фразеологизмы с опорным компонентом 年龄 [возраст]. Фразеологизм 圣人之年 [букв. в возрасте совершенно-мудрого] в современном китайском языке употребляется крайне редко. Остальные единицы в предложении употребляются в качестве характеризующей предикации. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: 1) 他正值不惑之年, 经验丰富, 精力旺盛 (русский перевод: Он находится в таком возрасте, когда уже нет сомнений. Он – опытный и энергичный); 2) 杨炳芳, 江苏常州人, 现已入知命之年, 1964年毕业于苏州丝绸工学院 (русский перевод: Ян Бинфэн, человек из города Чанчжоу в провинции Цзянсу. Сейчас он уже находится в таком возрасте, когда человек знает волю неба. В 1964 г. он окончил Сучжоуский технологический институт шёлка); 3) 我年已及艾, 还有什么不满意的事 (русский перевод: Я

уже находился в возрасте 50 лет. У меня ещё есть какие недовольные дела?). Кроме того, фразеологизмы 不惑之年 [букв. в возрасте, когда уже нет сомнений] и 知命之年 [букв. в возрасте, когда человек знает волю неба] в предложении употребляются также в качестве определения, которое описывает качество или свойство человека. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: 1) 1978年, 不惑之年的晁华山从古都西安来到北大, 成为考古系宿白教授的研究 生 (русский перевод: В 1978 году 40-летний Чао Хуашан приехал из древней столицы Сиань в Пекинский университет и стал аспирантом профессора Су Бэй факультета археологии); 2) 按理说, 知命之年的他, 在西医治疗方面, 积累了丰富的经验, 形成了完整的治疗方法 (русский перевод: Разумеется, что он – человек, находящийся в возрасте 50 лет, обладает богатым опытом в области западной медицины. Он сформировал полный курс лечения).

Фразеологизмы 不惑之年 [букв. в возрасте, когда уже нет сомнений] и 知命之年 [букв. в возрасте, когда человек знает волю неба] связаны с конфуцианской мыслью и происходит от слов из «Лунь Юй»: 吾十有五而志于学, 三十而立, 四十而不惑, 五十而知天命, 六十而耳顺, 七十而从心所欲, 不逾矩 (русский перевод: <...> Когда мне исполнилось 40 лет, я чётко понял, что такое правильное и что такое неправильное, я стал разумным человеком. Когда мне исполнилось 50 лет, я понял свои исторические миссии и почему и откуда я пришёл в этот мир <...>). Компоненты 不惑 [букв. не сомнений] и 知命 [букв. знать волю неба] соотносятся с антропным кодом культуры. Согласно мнению Конфуция, 不惑 [букв. не сомнений] означает, что у человека, который находится в возрасте 40 лет, нет сомнений. Конфуций полагал, что человек в возрасте 40 лет может хорошо контролировать эмоциональные изменения и понимать, что такое гуманность, справедливость и благопристойность [Толковый словарь китайского языка Baidu онлайн: <https://hanyu.baidu.com/>]. Небо в древней китайской философии считается святым небожителем и может решить судьбу человечества. Древние китайские императоры обычно заявляют подданным, что их власть от неба. Конфуций считал,

что плохому началу – плохой конец. Человек в возрасте 50 лет должен узнать свою судьбу и не выдвигать невозможные требования [Толковый словарь китайского языка Baidu онлайн: <https://hanyu.baidu.com/>]. Таким образом, данные единицы в целом выявляют конфигурацию типичного представления китайцев о периоде жизни человека и показывают с позиции Конфуции основной жизненный путь человека.

Фразеологизм *圣人之年* [букв. *в возрасте совершенно-мудрого*] также связан с конфуцианством. Конфуций в возрасте 50 лет начал писать «И-Цзин», т.е. «Книгу перемен» (древнекитайская книга гаданий; одна из книг конфуцианского Пятикнижия), одно из наиболее авторитетных и оригинальных произведений китайской канонической и философской литературы. Ученики Конфуция полагали, что он самый мудрый человек; человек возраста 50 лет должен быть мудрым. Таким образом, данный фразеологизм обозначает людей возраста 50 лет [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 1334]. Фразеологизм *年已及艾* [букв. *в возрасте чернобыльника*] означает возраст человека с помощью обозначения растения *艾* [чернобыльника]. Данный фразеологизм означает людей возраста 50 лет, поскольку согласно «Записки о благопристойности», *艾* [чернобыльник] – образное, дополнительное название возраста 50 лет: человек начинает стареть и его волосы похожи на чернобыльник.

Кроме единиц с опорным компонентом *年龄* [возраст] в китайской фразеологии ещё есть фразеологизм *春归人老* [букв. *весна уходила и человек старел*], который обозначает зрелость человека и отличается сочинительной конструкцией: «*春归* [весна уходила] и *人老* [человек старел]». Данный фразеологизм означает женщину, у которой молодость уже прошла [Там же: 289]. Очевидно, что данный фразеологизм обладает гендерной маркированностью. В современном китайском языке он употребляется крайне редко.

Таким образом, данная подгруппа включает восемь русских и четыре китайских фразеологизма. Среди них существуют русские единицы с опорными компонентами *возраст* и *век*, описывающие только женщину, а также

китайские единицы с опорным компонентом 年齡 [возраст], в семантике которых отсутствует гендерная маркированность.

2) фразеосемантическая подгруппа «Зрелость + внешность».

Русские и китайские фразеологизмы в данной подгруппе включают единицы *бабье лето*, 潘鬓成霜 [букв. заиндевелые волосы на висках], 七尺之躯 [букв. тело роста 7 чи], 半老徐娘/徐娘半老 [букв. грациозная женщина старшего возраста] и 风韵犹存 [букв. сохранить элегантность и очарование].

Среди этих единиц фразеологизм 潘鬓成霜 [букв. заиндевелые волосы на висках] не имеет гендерной маркированности. Он обозначает людей, у которых волосы на висках побелели от возраста [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 1082]. Этот фразеологизм в современном китайском языке употребляется крайне редко. Компонент 鬓 [волосы на висках] соотносится с телесным кодом культуры. Очевидно, что этот фразеологизм характеризует внешность людей зрелого возраста с помощью описания волос на висках.

Фразеологизмы 七尺之躯 [букв. тело роста 7 чи], 半老徐娘/徐娘半老 [букв. грациозная женщина старшего возраста], 风韵犹存 [букв. сохранить элегантность и очарование] и *бабье лето* обладают гендерной маркированностью.

Фразеологизм 七尺之躯 [букв. тело роста 7 чи] означает рост мужчины зрелого возраста [Там же: 1121]. Как указано выше, чи – это единица длины, равная 0.23 метра. Итак, 七尺 (7 чи) примерно составляет 1.61 метр, т.е. данный фразеологизм обозначает рост зрелого мужчины. В современном китайском языке есть ещё единица с компонентом 七尺 (7 чи), означающая мужчину зрелого возраста. Ср. устойчивое словосочетание 七尺男儿 [букв. настоящий мужчина роста 7 чи].

Китайские фразеологизмы 半老徐娘/徐娘半老 [букв. грациозная женщина старшего возраста] и 风韵犹存 [букв. сохранить элегантность и очарование]

означают только женщину. Ср.: фразеологизм *半老徐娘/徐娘半老* [букв. *грациозная женщина старшего возраста*] описывает грациозную немолодую (зрелую) женщину, у которой ещё есть внешняя привлекательность [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 45, 1225; Китайский большой фразеологический словарь 2009: 61, 1671]. Фразеологизм *风韵犹存* [букв. *сохранить элегантность и очарование*] означает женщину зрелого возраста, которая ещё сохранила красивую внешность [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 495]. Очевидно, что данные фразеологизмы обозначают женщину, которая уже не молода, но ещё привлекательна. Такое же выражение встречается во фразеологии русского языка, ср.: *бабье лето*.

По данным «Академического словаря русской фразеологии» (под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского), *бабье лето* – «*книжн.* Обозначение возраста женщины, когда юность уже прошла, но внешняя привлекательность ещё осталась, *описываемое как осенний период с тёплой погодой*» [АСРФ 2015: 426]. См. иллюстрации: *Всё как будто качается, на виске что-то белое... Бабье лето кончается – ничего не поделаешь* (Н. Горланова, История одной депрессии) [Там же: 426]. В художественной литературе выражение *бабье лето* используется как символ приятного, немного грустного периода второй молодости женщины. Исторически появление фразеологизма *бабье лето* в русском языке «связано с окончанием полевых работ в России, когда крестьяне, особенно женщины («бабы» – в просторечии) уже собрали урожай, закончили все хозяйственные дела и теперь получили короткий отдых от своего тяжёлого труда» [Баско 2015: 44].

Таким образом, в данной подгруппе есть китайские фразеологизмы, которые обозначают внешность людей зрелого возраста с помощью описания волос и роста. Кроме того, как русское *бабье лето*, так и китайские фразеологизмы *半老徐娘/徐娘半老* [букв. *грациозная женщина старшего возраста*] и *风韵犹存* [букв. *сохранить элегантность и очарование*] означают зрелую женщину, молодость у которой уже прошла, но внешняя привлекательность ещё осталась.

3) фразеосемантическая подгруппа «Зрелость + физическое состояние».

Данная подгруппа включает два фразеологизма русского и китайского языков, ср.: *вторая молодость* и *未老先衰* [букв. *не по возрасту дряхлый*]. Данные единицы имеют противоположные оценки. Русский фразеологизм *вторая молодость* характеризует физическое состояние людей зрелого возраста с положительной стороны, а китайский фразеологизм – с отрицательной.

Фразеологизм *вторая молодость* – «экспресс. 1. подъём творческой энергии, прилив физических и духовных сил в немолодом возрасте; 2. повторение успеха в каком-либо деле, признание результатов какой-либо деятельности через много лет» [Фёдоров 2008: 377-378]. По С.И. Лубенской, данный фразеологизм имеет следующее значение: «1. a new surge of physical and spiritual forces that one feels at a mature age; 2. widespread recognition, appreciation of sth. that for some period had fallen into oblivion» [Лубенская 1997: 377]. См. иллюстрации: *Он переживал возвращение молодости. Пусть она, эта **вторая молодость**, не так богата силами физически, зато житейская мудрость, знание людей и природы вещей с лихвой восполняют юный задор, кипучую энергию и неутомимость безвозвратно ушедших лет* (Н. Вирта. Крутые горы) [Фёдоров 2008: 378].

В китайской фразеологии существует один фразеологизм, описывающий физическое состояние людей зрелого возраста: *未老先衰* [букв. *не по возрасту дряхлый*]. Он означает человека, который по возрасту не старый, но уже ослабел из-за тяжелой душевной и физической нагрузки [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 1534], т.е. данная единица означает нестарого, т.е. зрелого или молодого человека, который находится в плохом физическом состоянии. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: 1) *心怀开朗的人相对保持年轻, 否则真会未老先衰* (русский перевод: *Весёлые люди обычно остаются молодыми, иначе они могли бы дряхлели*); 2) *中年本是人生的黄金时期, 处在巅峰时刻, 但有些人却过早地未老先衰了* (русский перевод: *Средний возраст – это золотой период жизни человека. Люди среднего возраста находятся на пике, но некоторые из них уже ослабели*). Очевидно, что сема

«слабость» присутствует в значении данного фразеологизма.

Перейдём к рассмотрению русских и китайских фразеологических единиц, обозначающих социальный статус людей зрелого возраста.

4) фразеосемантическая подгруппа «Зрелость + социальный статус».

Фразеологическая система русского и китайского языков в данной подгруппе характеризует семейное положение. Ср.: *старая дева*, 旷夫怨女 [букв. холостой мужчина и незамужняя женщина], 老的老, 小的小 [букв. содержать одновременно и старых и детей].

Фразеологизм 老的老, 小的小 [букв. содержать одновременно и старых, и детей] означает людей зрелого возраста, которым нужно воспитывать детей и содержать старых, т.е. кормить всю семью, у них бремя тяжелое [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 882]. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: 他每天都很累, 家里老的老小的小, 只有他自己赚钱 (русский перевод: *Каждый день он очень усталый. В семье только он зарабатывает деньги и одновременно содержит стариков и детей*).

Перейдём к сопоставлению сходных по значению единиц *старая дева* и 旷夫怨女 [букв. холостой мужчина и незамужняя женщина]. Русский фразеологизм *старая дева*, по данным «Большого фразеологического словаря русского языка» (под ред. В.Н. Телия), обозначает немолодую женщину, которая никогда не выходила замуж и не имеет ни мужа, ни детей, т.е. она ведет одинокий образ жизни [БФСРЯ 2014: 671]. Китайский фразеологизм 旷夫怨女 [букв. холостой мужчина и незамужняя женщина] описывает того, кто вышел из возраста вступления в брак и живёт один [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 629; Китайский большой фразеологический словарь 2009: 866].

В плане выражения русский фразеологизм является коллокацией с конструкцией «имя прилагательное + имя существительное», китайский фразеологизм является чэньюй с сочинительной конструкцией «旷夫

[холостой мужчина] и 怨女 [незамужняя женщина]». В предложении русский фразеологизм употребляется в качестве подлежащего или именной части сказуемого. См. иллюстрации: 1) *Старая дева* в сентиментальной задумчивости бродила по дорожке. Её шелудивая Жулька бежала рядом и резвилась без устали; 2) Анастасия Дмитриевна была *старая дева*, вздорная, с капризами и причудами [БФСРЯ 2014: 671]. Китайский фразеологизм в предложении употребляется в роли дополнения или характеризующей предикации. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: 1) 时而看见才子佳人，互通款曲；时而又看见旷夫怨女，各诉衷肠 (русский перевод: Иногда мы видели молодой талант и писаную красавицу, они выражали чувство взаимной любви. Иногда мы ещё видели немолодого холостого и незамужнюю женщину, они выражали свои взаимные мысли); 2) 文革期间，上山下乡，一声令下，把数以千万计的青年男女赶到穷乡僻壤，葬送了很多人的青春和终身幸福，很多人都成了旷夫怨女 (русский перевод: В периоде Культурной революции Правительство направило несметное количество молодых людей на работу в захолустную деревню. Это разрушило молодость и счастье многих людей. Многочисленные люди стали холостыми мужчинами и незамужними женщинами). Очевидно, что данный фразеологизм в первом предложении употребляется в качестве дополнения, а во втором предложении – в качестве характеризующей предикации.

В плане содержания сопоставляемые фразеологизмы сходны по денотативному компоненту, но они отличаются между собой областями денотации. Китайский фразеологизм означает мужчину и женщину, которые не вступили в брак, а русский – только женщину. Сигнификативный компонент значения сопоставляемых фразеологизмов проявляет конфигурацию типичного представления о немолодом и холостом человеке, его образе жизни. В мотивационном компоненте образ данной русской единицы основан на метонимии (с помощью переноса признаков лиц молодого возраста на группу человека более старшего возраста) [БФСРЯ 2014: 671]; образ китайской единицы создаётся на антропной метафоре с помощью составляющих компонентов 旷夫 [холостой

мужчина] и 怨女 [незамужняя женщина]. Что касается эмотивно-оценочного компонента, русский фразеологизм обладает негативной оценочностью (с неодобрением или пренебрежением), а китайский фразеологизм проявляет нейтральную или негативную оценку.

Образ, создаваемый сопоставляемыми фразеологизмами, связан с оппозициями «молодой – старый» и «мужчина – женщина». Компоненты *дева*, ㄩ^ㄨ 夫 [холостой мужчина] и 怨女 [незамужняя женщина] соотносятся с антропным кодом культуры. Образ русской единицы восходит к метонимии, которая создаётся с помощью переноса признаков лиц молодого возраста на группу человека более старшего возраста, т.е. *старая дева* – это оксюморон, в котором составляющие компоненты противоположны по значению. Ср.: слово *старая* – возрастной период после зрелости; а *дева* – девушка, которая в возрасте между отрочеством и юностью. Иероглиф ㄩ^ㄨ в китайском фразеологизме обозначает «прогулять, пропускать школу» и т.д., т.е. опоздать. В связи с этим компонент фразеологизма ㄩ^ㄨ 夫 описывает тех немолодых мужчин, лучшие годы которых уже прошли, но они остались одиноки. Иероглиф 怨 означает «гореть ненавистью», поэтому компонент фразеологизма 怨女 означает тех немолодых женщин, которым не удалось вступать в брак [Толковый словарь китайского языка Baidu онлайн: <https://hanyu.baidu.com/>]. Итак, образ русского и китайского фразеологизмов в целом связан с образом обиженных, немолодых и одиноких людей, не реализовавших себя в своём главном предназначении – стать мужем или женой.

5) фразеосемантическая подгруппа «Зрелость + эмоциональное состояние».

В китайской фразеологии имеются единицы, характеризующие эмоциональное состояние людей зрелого возраста. С точки зрения носителей китайской лингвокультуры люди сталкиваются с расставанием с родственниками и друзьями в зрелости и очень переживают из-за этого расставания. Ср.:

фразеологизмы *哀感中年* [букв. *грусть и средний возраст*] и *丝竹中年* [букв. *струнные и духовые музыкальные инструменты и средний возраст*] обозначают настроение людей зрелого возраста, которые расстались с родственниками и друзьями [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 2, 1401]. Отметим, что данные фразеологизмы в современном китайском языке употребляются крайне редко. Образ фразеологизма *丝竹中年* [букв. *струнные и духовые музыкальные инструменты и средний возраст*] связан с китайской музыкальной культурой. Иероглиф *丝* означает струнные музыкальные инструменты (гучжэн, гусли и др.), а иероглиф *竹* – духовые музыкальные инструменты (сяо, флейта и др.) [Толковый словарь китайского языка Baidu онлайн: <https://hanyu.baidu.com/>]. Переживая из-за расставания с родственниками и друзьями в зрелости, древние китайцы, как правило, писали музыку и играли на этих музыкальных инструментах. Эта музыка имела печальный и депрессивный характер [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 1401]. Итак, данный фразеологизм выражает эмоцию таких людей зрелого возраста.

Таким образом, во фразеосемантическом микрополе 'зрелость/壮年' русского и китайского языков насчитывается 25 фразеологических единиц, в том числе 11 русских и 14 китайских. В китайской фразеологии есть подгруппа «Зрелость + эмоциональное состояние», которая отсутствует в русской фразеологии. В подгруппе «Только о зрелости» русские единицы с опорными лексемами *возраст* и *век* обозначают только женщину (*бальзаковский возраст, бабий век*), а китайские фразеологизмы с опорным компонентом *年齡* [*возраст*] означают как мужчину, так и женщину. В подгруппе «Зрелость + физическое состояние» русские и китайские фразеологизмы имеют противоположные оценки, китайский фразеологизм *未老先衰* [букв. *не по возрасту дряхлый*] описывает слабое физическое состояние людей зрелого возраста, а русский фразеологизм *вторая молодость* обозначает прилив физических и духовных сил у человека в зрелом возрасте.

Кроме того, фразеологическая система русского и китайского языков

проявляет сходное представление о зрелости человека. Напр., в русской и китайской фразеологии описывается внешность женщины зрелого возраста, молодость у которой уже прошла, но внешняя привлекательность ещё осталась. В подгруппе «Зрелость + социальный статус» как русский, так и китайский фразеологизмы (*старая дева*, 旷夫怨女 [букв. холостой мужчина и незамужняя женщина]) описывают немолодого человека, который вышел из возраста, когда обычно вступают в брак, и живёт один. Сопоставление данных сходных по значению фразеологизмов русского и китайского языков позволит раскрыть сходство и различия в описании социального статуса людей зрелого возраста.

3.4. Фразеосемантические микрополя 'старость/老年' в русском и китайском языках

1) фразеосемантическая подгруппа «Только о старости».

В русской и китайской фразеологии отмечаются единицы, которые характеризуют только старость человека. Данные фразеологизмы прежде всего включают единицы с опорными компонентами *годы (лета)*, *век*, 年龄 [возраст] и 寿命 [продолжительность жизни].

Русские фразеологизмы с опорным компонентом *годы (лета)*, ср.: *на склоне лет*, *на старости лет*, *в обед сто лет*, *выходить из годов*, *в годах* и *в летах* обозначают пожилого человека. В семантике данных фразеологических единиц содержится характеристика возраста человека, которая не ограничена полом или социальным статусом. Фразеологизм *на склоне лет* – «в глубокой старости» [Фёдоров 2008: 621]; *на старости лет* – «Разг. в преклонном возрасте» [Там же: 656]; *в обед сто лет* – «Прост. Шутл. Очень стар кто-либо» [Там же: 342], по данным А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, *в обед сто лет* имеет значение: «Кто-л. или что-л. очень старые, описываемые как сущность, которой очень скоро исполняется много лет» [АСРФ 2015: 551]; фразеологизм *выходить из годов* – «Прост. Становиться совсем старым» [Фёдоров 2008: 125].

Данные фразеологизмы употребляются в качестве характеризующей предикации. См. иллюстрации: 1) *О, как на склоне наших лет Нежной мы любим и суеверней* (Тютчев. Последняя любовь); 2) *(Устинья Наумовна:) Да, очень мне нужно на старости лет язык-то ломать по-твоему* (А. Островский. Свои люди – сочтёмся); 3) – *Противен мне был жених... К тому же уже на возрасте, в обед сто лет будет... А худющий, будто чёрт на нём воду возил* (А. Санжаровский. Жених и невеста); 4) *Он мысленно начал перебирать тех, у кого есть деньги... у Евсея Мошкина?.. У этого должны быть. Кадушки, рамы делает, налогов с него нет – старик, из годов вышел* (Ф. Абрамов. Две зимы и три лета) [Там же: 125, 342, 621, 656]. Отметим, что фразеологизм *на склоне лет (жизни, дней)* является калькой с французского языка *sur le déclin de la vie*. Слово *склон* в данном фразеологизме обозначает ‘закат’. Таким образом, в основе образа данной единицы лежит аналогия «старость человека – закат солнца». В русском языке существуют и другие единицы со сходней семантикой, ср.: *на закате дней, на заре жизни* [Зимин 2016: 349–350].

Следует особо обратить внимание на единицу *в годах (летах)*. Согласно данным «Фразеологического словаря русского литературного языка», *в годах (летах)* – ‘Разг. Пожилой’ [Фёдоров 2008: 142]; по данным «Русско-английского фразеологического словаря», *в годах (летах)* – ‘older, elderly’ [Лубенская 1997: 123].

В отдельных случаях можно обнаружить омонимию единиц, которые описывают возраст человека, и единиц, описывающих время. Рассмотрим данное явление на примере омонимичных единиц *в годах₁, в годах₂, в годах₃*. Ср.: 1) *Он работал пастухом в колхозе, был уже в годах, когда мы в вологодской организации решили его вместе с другими дарованиями принять в Союз писателей* (Виктор Астафьев. Затеси [1999] // «Новый Мир», 2000); 2) *Ещё раньше было замечено, что некоторые газы в стеклянной трубке светятся под воздействием тока. Первые газоразрядные лампы были созданы в 20-х годах XX века* (Приручение света // «Трамвай», 1990); 3) *Время измерялось в годах. В электронной таблице кодировался модифицированный метод Эйлера для численного*

интегрирования систем обыкновенных дифференциальных уравнений (Л.С. Куравский, С.Б. Малых. Применение марковских моделей для анализа эволюции психологических характеристик в популяции // «Вопросы психологии», 2003). Очевидно, что в первом примере приведена коллокация, внутренняя форма которой мотивирована пространственной метафорой, эксплицированной в грамматическом значении предлога *в* – *быть в годах*. Во втором примере приведен устойчивый клишированный оборот. В третьем примере приведено свободное сочетание *измерять в чём-л. (в годах)*.

Перейдём к рассмотрению китайских фразеологизмов с опорным компонентом *年齡* [возраст]. Ср.: *耳顺之年* [букв. в возрасте, когда уши стали мне послушны], *悬车之年* [букв. в возрасте, когда повесить повозку], *古稀之年* [букв. до такого возраста мало людей может дожить], *破瓜之年* [букв. в возрасте, когда разделять иероглиф 瓜] и *迟暮之年* [букв. на склоне лет].

В семантике данных фразеологических единиц содержится характеристика возраста человека, которая не маркирована другими гендерными или статусными характеристиками. Ср.: *迟暮之年* [букв. на склоне лет] – идиоматическое название старости человека [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 244], *耳顺之年* [букв. в возрасте, когда уши стали мне послушны] – идиоматическое обозначение возраста человека – 60 лет [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 318; Китайский большой фразеологический словарь 2009: 441]. Фразеологизмы *悬车之年* [букв. в возрасте, когда повесить повозку] и *古稀之年* [букв. до такого возраста мало людей может дожить] – идиоматическое обозначение возраста человека – 70 лет [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 573, 1674]. Следует особо обратить внимание на фразеологизм *破瓜之年* [букв. в возрасте, когда разделять иероглиф 瓜]. Как указано выше, образ данного фразеологизма соотносится с языковой игрой с помощью компонента *破瓜* [букв. разделять иероглиф 瓜]. Он представляет собой не только фразеологическую номинацию возраста 16 лет

девушки, но и пожилого человека 64 лет [Там же: 1114].

Фразеологизмы *悬车之年* [букв. *в возрасте, когда повесить повозку*] и *破瓜之年* [букв. *в возрасте, когда разделять иероглиф 瓜*] в современном китайском языке устарели и употребляются крайне редко. Остальные фразеологизмы в предложении употребляются в качестве характеризующей предикации. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: 1) *他虽已到了迟暮之年, 身子骨却依然那么硬朗* (русский перевод: *Он уже находится на склоне лет, но он всё ещё крепок*); 2) *我今年60岁了, 到了耳顺之年, 对别人的评价、议论已不大放在心上* (русский перевод: *Мне исполнилось 60 лет в этом году. Я уже находился в таком возрасте, когда уши стали мне послушны. Я не очень замечал чужую оценку и чужое рассуждение*); 3) *诗是20年前写的, 那时您已是古稀之年了, 而您的心还是那样青春似火!* (русский перевод: *Эти стихи вы написали 20 лет назад, в то время вы уже находились в таком возрасте, до которого мало людей может дожить. Ваше сердце как сердце молодого человека*).

Кроме того, фразеологизмы *耳顺之年* [букв. *в возрасте, когда уши стали мне послушны*] и *古稀之年* [букв. *до такого возраста мало людей может дожить*] в предложении употребляются также в качестве определения, которое описывает качество или свойство человека. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: 1) *耳顺之年的他, 似精力已弱, 听别人报告时, 鼾声大作* (русский перевод: *У него, находящегося в возрасте 60 лет, есть плохой дух. Когда он слушал чужой доклад, он храпел*); 2) *古稀之年的专家不顾年迈体弱, 坚持上工地, 向年轻工人们传授宝贵经验* (русский перевод: *70-летний специалист настойчиво присутствует на строительной площадке и передаёт ценный опыт, невзирая на своё слабое здоровье*).

Фразеологизм *耳顺之年* [букв. *в возрасте, когда уши стали мне послушны*] связан с конфуцианской мыслью и происходят от слов «Лунь Юй»: *吾十有五而志于学, 三十而立, 四十而不惑, 五十而知天命, 六十而耳顺, 七十而从心所欲,*

不逾矩 (русский перевод: <...> *Когда мне исполнилось 60 лет, я невозмутимо, тихо и внимательно послушал мнения [особенно разные мнения] других людей, понял их и правильно оценил. Когда мне исполнилось 70 лет, я сделал так, как я думал, и одновременно не переступил правило и порядок общества*). Компонент *耳顺* [букв. *уши стали мне послушны*] соотносится с антропным кодом культуры и представляет собой образное название возраста человека – 60 лет, который уже научился отличать правду от неправды [Толковый словарь китайского языка Baidu онлайн: <https://hanyu.baidu.com/>]. В китайской фразеологии ещё существует фразеологизм с компонентом *耳顺* [букв. *уши стали мне послушны*], *年逾耳顺* [букв. *перевалить за такой возраст, когда уши стали мне послушны*], обозначая того, чей возраст перевалил за 60 лет [Большой фразеологический словарь китайского языка 2014: 765]. Фразеологизм *耳顺之年* [букв. *в возрасте, когда уши стали мне послушны*] выявляет конфигурацию типичного представления китайцев о старости человека и показывает с позиции Конфуция основной жизненный путь человека.

Фразеологизмы *悬车之年* [букв. *в возрасте, когда повесить повозку*] и *古稀之年* [букв. *до такого возраста мало людей может дожить*] представляют собой дополнительное, идиоматическое название возраста человека – 70 лет. Следует особо обратить внимание на фразеологизм *悬车之年* [букв. *в возрасте, когда повесить повозку*]. Компонент *悬车* [букв. *повесить повозку*] соотносится с антропным кодом культуры и имеет следующие значения в китайском языке: 1) название засечки времени в Древнем Китае, отрезок времени перед сумерками; 2) отказаться от должности (службы); 3) другое название возраста 70 лет; 4) жить в покое и не служить или отказаться от чиновной карьеры [Толковый словарь китайского языка Baidu онлайн: <https://hanyu.baidu.com/>]. В Древнем Китае у чиновника было право пользоваться повозкой. После ухода на пенсию они должны повесить повозку во дворе и больше её не использовать. Система пенсий в Китае уже существовала несколько тысяч лет. Со времён династии Чжоу (1046–256 гг. до н.э.) установилась система пенсий: чиновник в возрасте 70

лет должен выйти в отставку и повесить повозку дома [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 1227]. В китайском языке существуют языковые факты, которые показывают, что единица 悬车 [букв. повесить повозку] означает возраст 70 лет, когда человек уходит в отставку, ср., например, в китайской фразеологии 悬车致仕 [букв. повесить повозку и выйти в отставку] обозначает того, который по старости выходит в отставку [Там же: 1227]. В «эпитафии Чен Ши» (Цай Юн) есть такое выражение: 时年已七十, 遂隐丘山, 悬车告老, 闭心静居 (русский перевод: *Тогда мне исполнилось 70 лет, я ушёл в затворничество в горах, повесил повозку по старости, жил на покое*). В «Диспуте в Зале Белого тигра» (Бань Гу) существует также выражение с единицей 悬车 [букв. повесить повозку]: 臣七十悬车致仕者, 臣以执事趋走为职, 七十阳道极, 耳目不聪明, 跛踦之属, 是以退去避贤者 (русский перевод: *Я – человек, которому уже исполнилось 70 лет. Мой долг – заниматься делом под руководством. Но у меня глаза и уши уже плохие, человек с ограниченной мобильностью. Мне надо выйти в отставку*). Фразеологизм 悬车之年 [букв. в возрасте, когда повесить повозку] проявляет типичное представление китайцев о системе пенсий и старости человека.

Перейдём к рассмотрению русских фразеологических единиц с опорным компонентом *век* и китайских фразеологических единиц с опорным компонентом 寿命 [продолжительность жизни].

Как указывалось выше, слово *век* имеет значение «жизнь, период существования кого-, чего-л.» [БТС 2008: 116]. Именно в этом значении данное слово входит в состав фразеологизмов, является опорным компонентом в единицах: *Мафусаилов век, век вековать/век свековать* и *в чужой век*. Данные фразеологизмы являются единицами, характеризующими старость человека, независимо от его гендерных и статусных различий.

Лексема 寿命 [продолжительность жизни] в китайском языке означает – «1. срок жизни человека по дате рождения; 2. срок существования или использования вещей» [Толковый словарь китайского языка Baidu онлайн:

<https://hanyu.baidu.com/>]. Данные фразеологизмы включают единицы *乔松之寿* [букв. *продолжительность жизни небожителей Ван Цяо и Чи Сунцзы*], *期颐之寿* [букв. *столетняя продолжительность жизни человека*], *龟年鹤寿* [букв. *продолжительность жизни пресноводной черепахи и обыкновенного журавля*], *松柏之寿* [букв. *продолжительность жизни сосны и кипариса*], *寿比南山* [букв. *продолжительность жизни человека так длинная, как Южная гора*] и *寿山福海* [букв. *гора долголетия и море счастья*]. Отметим, что эти единицы характеризуют старость человека, независимо от его гендерных и статусных различий.

Среди данных единиц русский и китайский фразеологизмы *Мафусаилов век* и *乔松之寿* [букв. *продолжительность жизни небожителей Ван Цяо и Чи Сунцзы*] являются близкими по значению. Китайский фразеологизм *乔松之寿* [букв. *продолжительность жизни небожители Ван Цяо и Чи Сунцзы*] означает долгожителей [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 839]. Русский фразеологизм *Мафусаилов век* – ‘устар. Жить очень долго, до глубокой старости’ [Фёдоров 2008: 61].

В плане выражения русский фразеологизм является крылатым выражением, он восходит к Книге Бытия (Первая книга Моисеева) [Князев 2010: 339]. Китайская единица представляет собой чэньюй такого типа, который соотносится с крылатым выражением или цитатой в русской фразеологии. Она происходит от книги «Чжаньго цэ» (книга по истории древнего Китая периода Чжаньго [V–III вв. до н.э.], содержит речи, беседы и послания, приписываемые историческим лицам, жившим в эту эпоху) «*君何不以此时归相印, 让贤者授之, 必有伯夷之廉; 长为应侯, 世世称孤, 而有乔松之寿*» (русский перевод: *Если бы Вы уступили место канцлера добродетельным людям, Вы бы получили хорошую репутацию, как Бо И. Вы ещё можете наслаждаться богатством и будете долголетним, как Ван Цяо и Чи Сунцзы*) [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 839].

Русский и китайский фразеологизмы сходны по структуре. В предложении русский фразеологизм *Мафусаилов век* играет роль характеризующей

предикации. Ср.: в [НКРЯ]: *А ну, как я Мафусаилов век проживу?* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Дневник провинциала в Петербурге [1872]). Согласно данным НКРЯ данный фразеологизм употребляется очень редко и является устаревшей единицей. Китайский фразеологизм в предложении также используется в качестве характеризующей предикации. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: *爷爷已到乔松之寿, 身体依然十分硬朗, 每天都还在关注国家大事* (русский перевод: *Дедушка уже стал долголетним, как Ван Цяо и Чи Сунцзы. Он тем не менее физически очень крепок и каждый день проявляет большой интерес к делам государственной важности*).

План содержания согласно денотативному аспекту русских и китайских фразеологизмов совпадают. Они описывают человека, который доживает до глубокой старости. Кроме того, как русский, так и китайский фразеологизмы могут употребляться в качестве пожелания кому-либо хорошего здоровья и долголетия. См. иллюстрации: 1) *Желаю ему прожить Мафусаилов век, напишет он ещё, может быть, тридцать, сорок томов* (П.Д. Боборыкин. Жертва вечерняя [1868]); 2) *奶奶, 今天是您的生日, 祝您身体健康, 您一定会有乔松之寿的* (русский перевод: *Бабушка, сегодня Ваш день рождения. Желаю Вам крепкого здоровья и долголетия*. Национальный корпус современного китайского языка). Сигнификативный аспект значения сопоставляемых единиц показывает типичное представление о долгожителях. Мотивационный аспект значения данных фразеологизмов основан на сходных образных основаниях. Образ, создаваемый данными единицами, построен на сравнении со святыми долгожителями, т.е. с возрастом человека. Что касается эмотивно-оценочного аспекта значения сопоставляемых фразеологизмов, они обладают положительной коннотацией.

Очевидно, что образ сопоставляемых фразеологизмов соотносится с религиозными слоями культуры. Мафусаил в русской фразеологии – один из десяти допотопных библейских патриархов (Адам, Енос, Енох, Иаред, Каинан, Ламах, Малелеил, Мафусаил, Ной, Сиф), который прожил 969 лет, т.е. прославлялся долголетием в Библии. Заметим, что в Библейских преданиях

встречаются примеры долголетия людей (ср., например, Адам прожил до 930 лет, Сиф – до 912 лет и т.д.) [Князев 2010: 339]. Учёные высказывали разные предположения относительно этих неправдоподобных цифр; бытовало мнение, что в древности евреи считали годом один лунный месяц и что, соответственно, каждую эту цифру необходимо уменьшить в двенадцать раз (см., напр., [Дубровина 2010: 350]). Компоненты 乔松¹ [Ван Цяо и Чи Сунцзы] в китайской фразеологии связаны с персонажами древнекитайской даосской религии. Ван Цяо и Чи Сунцзы – это бессмертные небожители. Ван Цяо и Чи Сунцзы – повелители дождей, «которые принимали «жидкий нефрит», потом входили в огонь и сжигали себя (наиболее раннее из известного представления о превращении в бессмертных в Китае – Сянь). Они часто посещали Куньлунь, бывали в пещере Си-ван-му. Они подымались вверх с ветром и опускались с дождем. В более поздних сочинениях (Гань Бао, «Соу шэнь цзи» – «Записки о поисках духов» IV в.) предание несколько изменено. Им приписывается умение, приняв пилюлю из «ледяного нефрита, входить в огонь и не сгорать» [Доу Чуньяо 2019-б: 176]. Таким образом, русский и китайский фразеологизмы выступают в роли эталона долголетия в русской и китайской лингвокультурах.

Согласно А.И. Фёдорову, фразеологизм *век вековать/век свековать* – «жить до глубокой старости» [Фёдоров 2008: 62]. Фразеологизм *в чужой век* – «Устар. Неодобр. Жить чрезмерно долго, до глубокой старости» [Там же: 61]. Данные фразеологизмы в предложении употребляются в качестве характеризующей предикации. См. иллюстрации: 1) – *Болею, плоть немощна, ну, да ведь, сам посуди, пожил! Восьмой десяток! Не век же вековать, надо и честь знать* (Чехов. Степь); 2) *Дед Федот не торопит судьбу, не ропщет, что смерть-то заблудилась, не волнуется, что чужой век живёт. Судьба – она мудра и сама рассудит, кому и когда пора приспела* (Л. Скорик. На посту) [Там же: 61–62].

Китайские фразеологизмы 松柏之寿 [букв. продолжительность жизни сосны и кипариса], 龟年鹤寿 [букв. продолжительность жизни пресноводной черепахи и обыкновенного журавля] и 寿比南山 [букв. продолжительность

жизни человека такая длинная, как Южная гора] означают пожилого человека, который дожил до очень почтенного возраста [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 430, 995; Китайский большой фразеологический словарь 2009: 1412], а фразеологизм 寿山福海 [букв. гора долголетия и море счастья] обозначает пожилого человека, который прожил много лет и остался счастливым [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 995]. Фразеологизмы 寿山福海 [букв. гора долголетия и море счастья] и 龟年鹤寿 [букв. продолжительность жизни пресноводной черепахи и обыкновенного журавля] отличаются сочинительной конструкцией: «寿山 [южная гора] и 福海 [восточное море]», «龟年 [продолжительность жизни черепахи] и 鹤寿 [букв. продолжительность жизни обыкновенного журавля]».

Образ пожилого человека, создаваемый китайскими фразеологизмами, характеризующими только старость человека, создаётся на основе метафор «человек – растение» и «человек – животное». Создаваемый образ фразеологизмом 松柏之寿 [букв. продолжительность жизни сосны и кипариса] создаётся на основе метафоры «человек – растение» с помощью компонента 松柏 [сосна и кипарис]. Сосна и кипарис вечнозелёные, символизируют бессмертное бытие и являются символом долголетия в китайской лингвокультуре [Ли Ли 2005; Ван Ин 2012]. В китайском языке существуют языковые факты, которые доказывают, что 松柏 [сосна и кипарис] символизируют долголетие: 如松柏之茂, 无不尔或承 (русский перевод: Как заросли сосны и кипариса, всё будет вечным для тебя всегда) и т.д. Образ фразеологизма 龟年鹤寿 [букв. продолжительность жизни пресноводной черепахи и обыкновенного журавля] создаётся на основе зооморфной метафоры, что соотносится с зооморфным кодом культуры через компоненты 龟 [черепаха] и 鹤 [журавль]. Журавль и черепаха также символизируют бессмертие и являются символами долголетия в китайской лингвокультуре. Образы черепахи и журавля широко распространены в китайской

культуре, религии и мифологии. Им часто приписывается легендарное долголетие. По этой причине нередко встречаются черепахи и журавли в живописи, скульптуре и произведениях декоративно-прикладного искусства Китая и других восточных стран при желании кому-либо долгих лет жизни [Сун Вэньчжэн 2013: 26; Лю Чжаоюань 1997: 7]. Очевидно, что фразеологизмы *松柏之寿* [букв. *продолжительность жизни сосны и кипариса*] и *龟年鹤寿* [букв. *продолжительность жизни пресноводной черепахи и обыкновенного журавля*] выполняют функцию эталона долголетия.

Кроме фразеологических единиц с опорными компонентами *年龄* [возраст] и *寿命* [продолжительность жизни], в китайской фразеологии ещё имеются другие единицы, характеризующие старость человека. Ср.: *半截入土* [букв. *половина тела человека уже была под землей*], *土埋半截* [букв. *стоять одной ногой в могиле*], *风烛残年* [букв. *оставшиеся годы жизни подобны свече на ветру*], *风烛草露* [букв. *пламя свечи на ветру и роса на траве*], *风中之烛* [букв. *как горящая свечка на ветру*], *风中秉烛* [букв. *держат свечу на ветру*], *风前残烛* [букв. *остаток свечи на ветру*], *钟鸣漏尽* [букв. *затихает колокольный звон и иссякает вода в клесидрах*], *桑榆暮景* [букв. *тутовые деревья, вязы и вечерний пейзаж*], *残年暮景* [букв. *остающиеся годы жизни и вечерний пейзаж*] и *日薄西山* [букв. *солнце садится за западные холмы*].

Среди этих единиц некоторые фразеологизмы характеризуются сочинительной конструкцией: «*风烛* [пламя свечи на ветру] и *残年* [остаток жизни]», «*桑榆* [тутовые деревья, вязы] и *暮景* [вечерний пейзаж]», «*钟鸣* [затихает колокольный звон] и *漏尽* [иссякает вода в клесидрах]», «*残年* [остающиеся годы жизни] и *暮景* [вечерний пейзаж]», «*风烛* [пламя свечи на ветру] и *草露* [роса на траве]». Данные единицы лишены гендерной маркированности, т.е. они характеризуют возраст человека, независимо от его пола.

Эти фразеологизмы в предложении употребляются в качестве характеризующей предикации. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: 1) *不错! 咱这半截入土的人, 心里正盼孙子* (русский перевод: *Очень хорошо! Я – человек, который одной ногой в могиле, ожидаю внуков*); 2) *他已经是土埋半截的人了, 难不成还想把家当带进棺材里* (русский перевод: *Он уже очень пожилой человек, разве он хочет принести все свои вещи в гроб*); 3) *周仁, 你是医生, 应该知道这一点 – 老爷子今年七十三了, 已是风烛残年* (русский перевод: *Чжоу Жэнь, вы врач, должны знать, что этому старику в этом году исполняется 73 года. Оставшиеся года его жизни подобны свече на ветру, его жизнь может оборваться в любой момент*); 4) *直到钟鸣漏尽的岁数, 他还在刻苦的钻研* (русский перевод: *Он ещё настойчиво учится до глубокой старости*); 5) *炎夏盛暑, 一个已届桑榆暮景的老人, 从大老远的地方赶来, 向一位贫病交加的大学生“略尽绵薄”, 令我为之动容* (русский перевод: *В периоде летней жары старик, который находится на склоне лет, пришёл издалека помогать бедному и больному студенту. Я очень расчувствовался*); 6) *太后也是日薄西山, 接近黄昏了, 她不可能重新红火起来* (русский перевод: *Вдовствующая императрица уже находилась на склоне лет, как вечерние сумерки. Она не может снова восстановить здоровье*).

Фразеологизм *半截入土* [букв. половина тела человека уже была под землёй] означает очень старого человека, который уже одной ногой в могиле [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 45; Китайский большой фразеологический словарь 2009: 61]. В китайской фразеологии ещё существует сходная единица *土埋半截* [букв. стоять одной ногой в могиле] [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 1492]. Образ фразеологизма *半截入土* [букв. половина тела человека уже была под землёй] создаётся оппозицией «рождение – смерть» и связан с представлением китайцев о способе погребения. Погребение в земле – наиболее распространенный способ погребения в Древнем Китае. В китайской фразеологии есть единица *入土为安* [букв.

хоронить в земле, чтобы обрести вечный покой], которая обозначает, что человек был похоронен в земле после смерти, поэтому умерший нашел своё место, и члены семьи умершего почувствовали спокойствие. В китайской культуре считается, что надо похоронить мертвеца в земле после его смерти, чтобы он обрел вечный покой [Фразеологический словарь китайского языка онлайн. <http://cy.5156edu.com/>].

Фразеологизм *风烛残年* [букв. *оставшиеся годы жизни подобны свече на ветру*] означает очень пожилого человека [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 495]. Данный фразеологизм проявляет стереотипное представление для носителей китайской лингвокультуры о старости человека. Образ фразеологизма восходит к оппозиции «жизнь – смерть» и основан на антропной метафоре, уподоблении по сходству пламени свечи на ветру, которое легко гасится, и человека, который находится в почтенном возрасте. В китайской фразеологии имеются другие сходные единицы с компонентом *风烛* [*пламя свечи на ветру*], характеризующие старость, ср.: *风烛草露* [букв. *пламя свечи на ветру и роса на траве*] означает человека, который очень стар [Там же: 495], *风中之烛* [букв. *как горящая свечка на ветру*] – 1. обозначает человека, который очень старый, может умереть в любое время; 2. обозначает вещь, гнилой, к гибели [Там же: 495], *风中秉烛* [букв. *держат свечу на ветру*] – 1. означает человека, который очень стар; 2. означает вещь, гнилой, к гибели [Там же: 495], *风前残烛* [букв. *остаток свечи на ветру*] – 1. обозначает человека, который очень старый, может умереть в любое время; 2. обозначает вещь, гнилой, к гибели [Там же: 490]. Очевидно, что последние три фразеологизма характеризуют не только старость человека, но и «старение» вещей.

Фразеологизм *钟鸣漏尽* [букв. *затихает колокольный звон и иссякает вода в клепсидах*] обозначает очень пожилого человека [Там же: 1979]. Компоненты *钟* [колокол] и *漏* [клепсидр] в фразеологизме *钟鸣漏尽* [букв. *затихает колокольный звон и иссякает вода в клепсидах*] относятся к вещному коду

культуры. Образ данного фразеологизма связыван со способом отсчета времени в Древнем Китае. Клепсидр – старинный прибор для измерения времени в виде сосуда, равномерно, капля за каплей наполняемого водой. Уровень воды показывает прошедшее время [Мо Сюсю 2009: 12–14]. Колокол в Древнем Китае употребляется музыкальному инструменту и таймеру, т.е. удар в колокол – способ объявить время в Древнем Китае. Каждый вечер колокольный звон затихает, и вода в клепсидах иссякает. Таким образом, в основе образа данного фразеологизма лежит аналогия «старость человека – вечер».

Фразеологизм *桑榆暮景* [букв. *тутовые деревья, вязаи и вечерний пейзаж*] обозначает человека, который находится на склоне лет [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 1282]. Образ данного фразеологизма основан на растительной метафоре с помощью компонента *桑榆* [*тутовые деревья и вязаи*] и восходит к древнейшей оппозиции «старый – молодой». Компонент *桑榆* [*тутовые деревья и вязаи*] описывает вечер, когда заходящее солнце освещает верхушки тутовых деревьев и вязов. В китайской фразеологии существует также фразеологизм с компонентом *桑榆* [*тутовые деревья и вязаи*]: *失之东隅, 收之桑榆* [букв. *потерпеть неудачу утром, собрать урожай вечером*]. *桑榆* [*тутовые деревья и вязаи*] обозначает вечер. В основе образа фразеологизма *桑榆暮景* [букв. *тутовые деревья, вязаи и вечерний пейзаж*] также лежит аналогия «старость человека – вечер».

Фразеологизм *日薄西山* [букв. *солнце садится за западные холмы*] – 1. Означает человека, который очень стар.; 2. Означает старую вещь [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 895]. Данный фразеологизм характеризует не только пожилых людей, но и старые вещи. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: *宗派主义和山头主义正日薄西山, 每况愈下* (русский перевод: *Сектантство и сепаратизм уже гнилые, становятся все хуже и хуже*). Образ данного фразеологизма соотносится с природным кодом культуры. В основе образа данного фразеологизма лежит аналогия «старость человека – заход солнца (вечер)».

Фразеологизмы 半截入土 [букв. половина тела человека уже была под землёй], 土埋半截 [букв. стоять одной ногой в могиле], 风烛残年 [букв. оставшиеся годы жизни подобны свече на ветру], 钟鸣漏尽 [букв. затихает колокольный звон и иссякает вода в клесидрах], 桑榆暮景 [букв. тутовые деревья, вяза и вечерний пейзаж], 残年暮景 [букв. остающиеся годы жизни и вечерний пейзаж] и 日薄西山 [букв. солнце садится за западные холмы] показывают типичное представление китайцев о старости. Старость – это последний возрастной период человека, «спутник» которого представляет собой ожидание смерти. Такое представление также выражается и в русской фразеологии. Ср.: *Старость не радость, а смерть не находка; Старость не радость, а и смерть не корысть; От старости могила лечит; От старости зелье – могила; Старику не животы наживать, а дни проживать.* Кроме того, отметим, что в русской фразеологии есть пословицы и поговорки, в которых слова *старость* и *радость* рифмуются между собой, и их сопоставление основано на смысловом контрасте. Ср.: *Старость не радость; Старость не радость, не красные дни; Старость не радость, горб не корысть; Старость не радость, а пришибить некому* и т.д.

Таким образом, русские фразеологизмы с опорными компонентами *годы* (*лета*) и *век* и китайские фразеологизмы с опорными компонентами *年齡* [*возраст*] и *壽命* [*продолжительность жизни*] являются единицами, описывающими старость человека. Кроме того, как русские, так и китайские единицы показывают, что старость представляет собой последний возрастной период человека.

2) фразеосемантическая подгруппа «Старость + внешность».

Рассмотрим фразеосемантическую подгруппу «старость + внешность» русского и китайского языков. Очевидно, что возраст человека и его внешность тесно взаимосвязаны. В русской и китайской фразеологии имеется множество единиц, в денотативном компоненте значения которых тема возраста

используется для характеристики роста, состояния волос, бровей, кожи и других внешних признаков.

Как в русской, так и в китайской фразеологии существуют многочисленные единицы, характеризующие цвет волос (или бровей, бород) и состояние кожи, ср.: *как лунь* (цвет волос и бровей), *как серебро* (цвет волос и бровей), *как снег* (цвет волос и бровей), *как печёное яблоко* (состояние кожи), *как у индюка* (состояние кожи), *白发苍苍* [букв. белые и седые волосы] (цвет волос), *白头叠雪* [букв. белые и снежные волосы] (цвет волос), *雪鬓霜鬟* [букв. снежные волосы на висках и заиндевелый узел волос] (цвет волос), *白发森然* [букв. белые и густые волосы] (цвет волос), *龙眉皓发* [букв. серые брови и белоснежные волосы] (цвет волос и бровей), *庞眉白发* (или *庞眉皓发/庞眉黄发*) [букв. мохнатые брови и седые волосы] (цвет волос и бровей), *庞眉鹤发* [букв. мохнатые брови и волосы журавля] (цвет волос и бровей), *须发皆白* [букв. волосы и бороды поседели] (цвет волос и бород), *须眉交白* [букв. белые бороды и брови] (цвет бород и бровей), *须眉皓然* [букв. белые бороды и брови] (цвет бород и бровей), *白发红颜* [букв. белые волосы и красное лицо] (цвет волос и состояние кожи), *皓首苍颜* [букв. белые волосы и серое лицо] (цвет волос и состояние кожи) и *鹤发鸡皮* [букв. волосы журавля и кожа курицы] (цвет волос и состояние кожи).

Как у индюка описывает дряблую шею пожилого человека, т.е. внешности человека [Лебедева 2015: 54]. См. иллюстрации: *Обнажив дряблую как у индюка шею, француз облегчённо ею повертел* (В. Набоков. Подвиг) [Там же: 54]. Фразеологизм *как печёное яблоко* обозначает морщинистое, сморщенное лицо старого человека, т.е. внешности человека [Там же: 37]. См. иллюстрации: *Лицо его, брюзглое и морщинистое как печёное яблоко, украшалось сверху коротко обстриженными волосами* (Д. Григорович. Пахатник и бархатник) [Там же: 37]. Образ фразеологизма *как у индюка* основан на зооморфной метафоре, а единица *как печёное яблочко* описывает кожу человека с помощью растительной метафоры. Фразеологизмы *鹤发鸡皮* [букв. волосы журавля и кожа курицы], *黄发鲐背*

[букв. *пожелтевшие волосы и спина скумбрии*] и *鲐背鹤发* [букв. *спина скумбрии и волосы журавля*] означают волосы и состояние кожи людей пожилого возраста [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 631, 676, 1429]. Образ, создаваемый этими фразеологизмами, основан на зооморфной метафоре. Компоненты *鹤发* [*волосы журавля*], *鸡皮* [*кожа курицы*] и *鲐背* [*спина скумбрии*] соотносятся с зооморфным кодом культуры и означают белые волосы, сморщенную кожу и пятнистую спину человека соответственно.

В китайской фразеологии также есть единицы, которые описывают состояние кости пожилого человека, ср.: фразеологизм *背曲腰弯* [букв. *спина изогнутая и поясница кривая*] означает человека, очень старого, сгорбленного [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 80]. Фразеологизм *鹤骨鸡肤* [букв. *кость журавля и кожа курицы*] обозначает пожилых людей, очень худых, у которых сморщенная кожа [Там же: 632]. Такая же семантика характеризует фразеологизм *鹤骨霜髯* [букв. *кость журавля и белые бороды*] [Там же: 632]. Данные фразеологизмы показывают типичное представление китайцев о внешности стариков.

Некоторые китайские фразеологизмы описывают состояние зубов, т.е. с помощью описания зубов данные единицы характеризуют возраст человека, ср.: *发秃齿豁* [букв. *жидкие волосы и редкие зубы*] (состояние волос и зубов), *头童齿豁* [букв. *лысый и беззубый*] (состояние волос и зубов), *蓬头厉齿* [букв. *растрёпанные волосы и редкие зубы*] (состояние волос и зубов), *眉庞齿鲩* [букв. *седые брови и молочные зубы*] (состояние бровей зубов) и *黄发儿齿* [букв. *седые волосы и молочные зубы*] (состояние волос и зубов). Фразеологизмы *眉庞齿鲩* [букв. *седые брови и молочные зубы*] и *黄发儿齿* [букв. *седые волосы и молочные зубы*] в современном китайском языке употребляются крайне редко.

Фразеологизм *蓬头厉齿* [букв. *растрёпанные волосы и редкие зубы*] описывает старого и неопрятного человека [Там же: 1090]. Фразеологизмы *发秃齿豁* [букв. *жидкие волосы и редкие зубы*] и *头童齿豁* [букв. *лысый и*

беззубый] означают старого человека, который уже облысел, и у него очень редкие зубы [Там же: 450, 1486]. Отметим, что фразеологизм *头童齿豁* [букв. *лысый и беззубый*] обозначает не только возраст человека, но и плохое состояние вещей. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: *它(钢琴)像一位头童齿豁的老人, 依然辛勤工作着* (русский перевод: *Оно [пиано], как лысый старик, ещё работает до сих пор*). Образ данных фразеологизмов соотносится с соматическим, т.е. телесным кодом культуры через компоненты *зубы, брови и волосы*. В китайском языке внешность человека описывается в номинативных единицах, характеризующих возраст с помощью описания зубов, бровей и волос, т.е. состояние зубов, бровей и волос человека тесно связано с его возрастом. Данные фразеологизмы проявляют стереотипное представление о внешности стариков в китайской лингвокультуре.

Сопоставим сходные по значению фразеологизмы русского и китайского языков *как снег, как серебро, как лунь, 白发苍苍* [букв. *белые и седые волосы*], *龙眉皓发* [букв. *серые брови и белоснежные волосы*] и *鹤发鸡皮* [букв. *волосы журавля и кожа курицы*]. Русские единицы *как снег, как серебро* и *как лунь* описывают седые волосы и бороду [Лебедева 2015: 16]. Китайский фразеологизм *白发苍苍* [букв. *белые и седые волосы*] описывает пожилых людей с седыми волосами [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 33]; единица *龙眉皓发* [букв. *серые брови и белоснежные волосы*] описывает пожилого человека с белыми бровями и волосами [Там же: 984]; единица *鹤发鸡皮* [букв. *волосы журавля и кожа курицы*] описывает пожилых людей, у которых белые волосы и грубая кожа [Там же: 631].

В ходе сопоставления плана выражения русские единицы *как лунь, как снег, как серебро* представляют собой компаратив, т.е. описательную фразу. Китайские единицы *白发苍苍* [букв. *белые и седые волосы*], *龙眉皓发* [букв. *серые брови и белоснежные волосы*] и *鹤发鸡皮* [букв. *волосы журавля и кожа курицы*] являются чэньюй. С точки зрения русской фразеологии они соотносятся с

русскими цитатами, так как данные единицы восходят к древним известным литературным текстам (см. подробнее параграф 1.2.1. данной диссертации). Ср.: китайская единица 白发苍苍 [букв. *белые и седые волосы*] происходит из «Молитвенного текста за двенадцатого племянника» литературоведа Хань Юй (768–824 гг.) в периоде династии Тан (618–907 гг.): 吾年未四十，而视茫茫，而发苍苍，而齿牙动摇 (русский перевод: *Мне ещё не сорок лет, но у меня уже размытое зрение, белые волосы и расшатывание зубов*). Единица 龙眉皓发 [букв. *серые брови и белоснежные волосы*] является цитатой из «Хоу Ханьшу, биографии Лю Чона»: 山阴县有五六老叟，龙眉皓发，自若邪山谷间出 (русский перевод: *В уезде Шан Ин живут пять-шесть стариков, у них серые брови и белоснежные волосы. Они свободно блуждают в горах*). Фразеологизм 鹤发鸡皮 [букв. *волосы журавля и кожа курицы*] – цитата из «Дескриптивной поэмы Чжу Чжан»: 子老矣，鹤发鸡皮，蓬头厉齿 (русский перевод: *Ты уже стар и стал стариком с белыми волосами и грубой кожей. У тебя волосы торчащие и зубы редкие*) [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 33, 631, 984].

Кроме того, китайские фразеологизмы 龙眉皓发 [букв. *серые брови и белоснежные волосы*] и 鹤发鸡皮 [букв. *волосы журавля и кожа курицы*] представляют собой единицы с сочинительной конструкцией, т.е. для структуры данных единиц характерно парное описание: «龙眉 [серые брови] и 皓发 [белоснежные волосы]», «鹤发 [волосы журавля] и 鸡皮 [кожа курицы]». Русские единицы как *серебро*, *как лунь* и *как снег* содержат только объект сравнения, они обычно употребляются в сочетании с устойчивым признаком сравнения, выраженным двумя лексемами: *белый* и *седой*. Следует особо обратить внимание на китайскую единицу 白发苍苍 [букв. *белые и седые волосы*], в которой есть повтор 苍苍 [*седой, сизый*]. Повтор слова в китайском языке играет важную роль: 1) совершенствовать ритм языка; 2) усиливать художественный эффект, давать читателю чувство красоты. В китайской литературе часто встречается повтор слова, который характеризуется образностью и

музыкальностью [Жэнь Яхуа, Го Чуан 2011: 93].

В предложении русские фразеологические единицы, означающие людей пожилого возраста, выполняют функцию характеризующей предикации. См. иллюстрации: 1) *Дядя Ерошка был огромного роста казак, с седою как лунь широкою бородой* (Л. Толстой. Казаки); 2) *Седой как снег, без единого чёрного волоса старик... подбежал к двери* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); 3) *[Карл Петрович]... великодушный старик с белою как серебро бородкой а-ля Валлентейн...* (А. Белый. Начало века) [Лебедева 2015: 16]. Китайская единица 鹤发鸡皮 [букв. волосы журавля и кожа курицы] также выполняет функцию характеризующей предикации. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: *他已经很老了, 可以说鹤发鸡皮* (русский перевод: *Он уже старый, можно сказать, что он уже находится в таком возрасте, когда у него грубая кожа и белые волосы*); фразеологизм 白发苍苍 [букв. белые и седые волосы] может выполнять функцию характеризующей предикации или определения, которое обозначает качество или свойство человека. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: 1) *从三楼窗口望下去, 在屋前的草地上, 白发苍苍的总机械师在舒拳动腿地玩太极拳* (陈国凯《两情若是久长时》) (русский перевод: *На земле передо домом главный техник с белыми волосами занимается спортом тайцзицюань*); 2) *当年刚新婚的表姐, 如今已白发苍苍, 当年正青春的表哥, 现在也头顶微秃了* (琼瑶《剪不断的乡愁》) (русский перевод: *В том году старшая двоюродная сестра по материнской линии как только вышла замуж, а она теперь уже с белыми волосами. В том году старший двоюродный брат по материнской линии находился в молодости, а теперь он уже лысый*); 3) *他老态龙钟, 白发苍苍, 言语还很清晰* (русский перевод: *Он – неуклюжий от старости, с белыми волосами, но говорит чётко*). В современном китайском языке фразеологизм 龙眉皓发 [букв. серые брови и белоснежные волосы] употребляется крайне редко.

В плане содержания русские и китайские фразеологизмы сходны по

денотативному компоненту значения, но они не совпадают по областям денотации. Русские единицы описывают седые волосы и/или бороды (если описывается мужчина). Китайские же единицы описывают седые волосы; седые волосы и брови; белые волосы и голубую кожу. По сигнификативному компоненту китайские и русские фразеологизмы также отличаются. Китайские единицы показывают типичное представление о внешности старого человека. По сравнению с китайскими единицами русские единицы *как лунь* и *как снег* показывают типичное представление о внешности не всегда старого, но много пережившего человека. Ср. в [НКРЯ]: 1) *В дверях стоял моложавый улыбающийся мужчина, но уже весь седой как лунь, среднего роста, в очках, с мягким, как бы извиняющимся выражением лица* (Елена и Валерий Гордеевы. Не все мы умрем [2002]); 2) *Но он ни на что не жалуется и ни о чём не просит, – он мужественный человек! Лицо его по-прежнему прекрасно, только волосы на голове стали белые как снег и торчат ёжиком* (Владлен Давыдов. Театр моей мечты [2004]).

Мотивиционный компонент значения русских и китайских фразеологических единиц *как лунь* и *鹤发鸡皮* [букв. волосы журавля и кожа курицы] проявляет их сходные образные основания. Образ китайского фразеологизма построен на сравнении цвета волос человека с цветом перьев журавля и состояния кожи человека с курицей. Образ, создаваемый единицей *как лунь*, также основан на сравнении цвета волос человека с цветом перьев птицы. Образ русской единицы *как снег* построен на сравнении цвета волос с цветом снега, а образ единицы *как серебро* – на сравнении цвета волос с цветом серебра. Что касается эмотивно-оценочного компонента значения, китайские фразеологизмы *龙眉皓发* [букв. серые брови и белоснежные волосы], *白发苍苍* [букв. белые и седые волосы] и русские единицы совпадают и склонны к выражению позитивной оценочности. Эмотивно-оценочный компонент значения китайского фразеологизма *鹤发鸡皮* [букв. волосы журавля и кожа курицы] не имеет оценочной маркировки. См. иллюстрации: *那位八太爷在船上找花姑娘, 找了半*

天, 只找到一个鹤发鸡皮的老太婆(《民国演义》第一五八回)(русский перевод: *Тот магистрат искал красивую девушку на борту, искал в течение длительного времени, но наконец только нашёл старуху, у которой грубая кожа и белые волосы.* «Исторический роман в периоде Китайской Республики», эпизод 158).

Образ сопоставляемых фразеологизмов восходит к древнейшей оппозиции «внешнее – внутреннее», т.е. они выявляют процесс старения, который происходит в организме человека и его внешних проявлениях. Компоненты сопоставляемых единиц лунь, 鹤 [журавль] и 鸡 [курица] соотносятся с зооморфным кодом культуры. Лунь – «хищная птица семейства ястребиных с серовато-белым оперением» [Лебедева 2015: 16]. Образ журавля во фразеологизме 鹤发鸡皮 [букв. волосы журавля и кожа курицы] добавляет символические смыслы. Цвет перьев у белого журавля соотносится с цветом волос пожилого человека. Журавль в китайской культуре 仙鹤 [журавль небожителя] связан с представлением о бессмертии. Таким образом, журавль в китайской культуре – символ долголетия [Сун Вэньжэн 2013: 26]. В связи с этим единицы как лунь и 鹤发鸡皮 [букв. волосы журавля и кожа курицы] представляют собой метафорический перенос с облика животных и птиц на внешность человека.

Компоненты снег и серебро в единицах как снег и как серебро соотносятся с природно-ландшафтным кодом культуры, так как цвет снега и серебра – белый. Кроме того, компоненты 白 [белый], 苍苍 [седой], 龙 [серые] и 皓 [белоснежные] во фразеологизмах 白发苍苍 [букв. белые и седые волосы] и 龙眉皓发 [букв. серые брови и белоснежные волосы] соотносятся с цветовым кодом культуры. Итак, белый цвет в русской и китайской лингвокультурах может символизировать потерю активности и старость (ср.: рус. *убелённый сединой*, кит. 垂白 [с сединой], 戴白 [убелённый сединами]). Образы, создаваемые единицами как лунь и 鹤发鸡皮 [букв. волосы журавля и кожа курицы] восходят к наделению явлений природы признаками человека или предположению о связи человека с животным. Таким образом, китайские единицы передают стереотипное

представление китайцев о внешности старого человека, а русские единицы как *лунь*, как *серебро*, как *снег* играют роль эталона изменений во внешности пожилого человека.

Кроме того, в китайской фразеологии имеются единицы с семантикой «увядшей красоты», ср.: *年老色衰* [букв. *терять красоту с возрастом*], *菊老荷枯* [букв. *цветы хризантемы постарели, и цветы лотоса засохли*], *叶瘦花残* [букв. *истощённый лист и завядший цветок*], *人老珠黄* [букв. *старый человек и пожелтевшая жемчужина*] и *美人迟暮* [букв. *красивый человек терял красоту с возрастом*]. Данные фразеологизмы, как правило, описывают пожилых женщин. Следует особо обратить внимание на фразеологизмы *叶瘦花残* [букв. *истощённый лист и завядший цветок*] и *菊老荷枯* [букв. *цветы хризантемы постарели и цветы лотоса засохли*], которые описывают пожилую женщину с увядшей красотой [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 592; Китайский большой фразеологический словарь 2009: 821; 1730]. Образ данных фразеологизмов создаётся растительной метафорой. Компоненты *叶* [лист], *花* [цветок], *菊* [цветы хризантемы] и *荷* [цветы лотоса] относятся к растительному коду китайской культуры. В основе образа данных фразеологизмов лежит аналогия «увядание цветов – старость женщины». Данные фразеологизмы отражают эталон красоты женщины.

Очевидно, что цвет волос (или бровей) и состояние кожи являются важнейшими признаками опознавания возраста человека, т.е. данные фразеологизмы обнаруживают в своих образах «следы» древнейших архетипических представлений, основанных на наблюдении связей внешнего и внутреннего. Кроме того, в китайской фразеологии существуют единицы, которые описывают пожилую женщину с увядшей красотой.

3) фразеосемантическая подгруппа «Старость + физиологическое явление».

В данной подгруппе существуют китайские фразеологические единицы,

описывающие старость человека и её физиологические проявления. Ср.: *老蚌生珠* [букв. *старая устрица произвела на свет жемчужину*], *枯杨生稊* [букв. *старый тополь даёт побеги*] и *老泪纵横* [букв. *в старческих слезах*].

Фразеологизмы *老蚌生珠* [букв. *старая устрица произвела на свет жемчужину*] и *枯杨生稊* [букв. *старый тополь даёт побеги*] означают человека, который в старости стал отцом [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 622, 639; Китайский большой фразеологический словарь 2009: 881]. Данные фразеологизмы в предложении употребляются в качестве характеризующей предикации. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: 1) *不久之前, 刘先生终于结婚了, 并且老蚌生珠, 生了个女孩* (русский перевод: *Недавно господин Лю наконец женился и успешно родил девочку почти в старости*); 2) *这高欢年经半百, 精力渐衰, 而且他好酒渔色, 怎能枯杨生稊, 一索得男* (русский перевод: *Гао Хуань уже стар, его энергия постепенно слабела, к тому же предавался пьянству и разврату. Как можно родить сына?*).

Образ данных фразеологизмов базируется на растительной и зооморфной метафорах. Образ фразеологизма *老蚌生珠* [букв. *старая устрица произвела на свет жемчужину*] соотносится с зооморфным кодом китайской культуры с помощью компонента *老蚌* [*старая устрица*], а образ фразеологизма *枯杨生稊* [букв. *старый тополь даёт побеги*] – с растительным кодом культуры через компонент *枯杨* [*старый тополь*]. В основе образа данных фразеологизмов лежит природное явление: устрица порождает жемчужину, а тополь пускает побеги. Компоненты *老蚌* [*старая устрица*] и *枯杨* [*старый тополь*] символизируют пожилых людей, а *珠* [*жемчужина*] и *稊* [*побеги*] – детей.

Рассмотрим фразеологизм *老泪纵横* [букв. *в старческих слезах*]. Он обозначает пожилых людей, которые заливаются слезами из-за печали и волнения [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 641; Китайский большой фразеологический словарь 2009: 883]. Данный

фразеологизм в предложении выполняет роль характеризующей предикации. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: *他的儿子在 frontline 光荣牺牲, 听到这个消息, 他不禁老泪纵横* (русский перевод: *Услышав, что его сын пал смертью храбрых, он залился слезами*).

Перейдём к рассмотрению фразеологических единиц русского и китайского языков, характеризующих старость человека и его физическое состояние.

4) фразеосемантическая подгруппа «Старость + физическое состояние».

Старость в русской и китайской лингвокультурах характеризуется слабостью, ср.: *песок сыплется, старый гриб, выжить из памяти*; пословицы: *Придёт старость – придёт и слабость; На старого и немощи валятся; Выношенная шуба не греет; Петухи на насест садятся, а старые люди на печь валятся; В старой кости сугреву нет; В старом теле что во льду; В старости люди не могут согреться; И по летам, и по годам — одно место: печь; Обносится тулуп — плешь да шкура* и др., *老眼昏花* [букв. *потемнело в старых глазах*] – о пожилых людях, у которых зрение плохое [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 643]; *齿落舌钝* [букв. *зубы выпали и тупой на язык*] – о пожилых людях, у которых зубы выпали, и они неясно говорят [Там же: 248]; *枯木朽株* [букв. *гнилой ствол и трухлявый пень*] означает старого, слабого и непригодного человека или ослабевшую силу [Там же: 858]; *老态龙钟* (или *老迈龙钟* *老迈年高* [букв. *неуклюжий от старости*]) – о пожилых людях, которые уже слабы, обладают ограниченными возможностями движения [Там же: 642] и другие сходные по значению единицы *老弱残兵* [букв. *старый и хилый увечный солдат*], *残年余力* [букв. *остающиеся годы жизни и последние силы*], *年老力衰* (или *年迈力衰* *年老力弱* [букв. *с годами силы истощались*]), *潦倒龙钟* [букв. *дрякл и трясушь от старости*], *暮景残光* [букв. *вечерний пейзаж и лучи заката*] и *视茫发苍* [букв. *смутное зрение и седые волосы*].

Среди этих единиц фразеологизм *песок сыплется* – ‘s.o. is very old, decrepit,

and near the end of his life'[Лубенская 1997: 458]; *песок сыплется* – 'разг. ирон. Кто-либо очень старый и дряхлый'[Фёдоров 2008: 466]. Образ данного фразеологизма восходит к древнейшей оппозиции «молодой – старый». Компонент *песок* соотносится с природно-ландшафтным кодом культуры. В русской лингвокультуре песок символизирует бренность жизни, и «постепенно уменьшающаяся масса песка в часах сопоставима с неумолимо сокращающимся временем человеческой жизни» [Литвиненко 2006: 136]. Данный фразеологизм показывает стереотипное представление о плохом физическом состоянии старого человека.

Согласно А.И. Фёдорову, фразеологизм *выжить из памяти* – «Разг. Страдать забывчивостью, рассеянностью от старости» [Фёдоров 2008: 113]. См. иллюстрации: – *Да давно ли ты Сёмку Власова забрил? – То-то давно ли, – насмешливо сказал управитель, – ты уж из памяти стал выживать. Тридцать лет, старый дурак!* (Эртель. Гарденины...) [Там же: 113]. Фразеологизм *старый гриб* – «Прост. Ирон. О человеке старом и малосильном» [Там же: 158]. См. иллюстрации: [Мирон:] *Старый-то гриб на молодой женится, думает, что сам помолодеет, а вместо того ещё скорее рушится, в затхлость обращается* (А. Островский. Невольницы) [Там же: 158]. Образ, создаваемый фразеологизмом *старый гриб*, основан на растительной метафоре, т.е. метафорическом уподоблении пожилого человека старому грибу.

Растительная метафора также используется в китайской единице *枯木朽株* [букв. *гнилой ствол и трухлявый пень*]. Данный фразеологизм в предложении употребляется в качестве характеризующего предиката. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: *我已年老, 枯木朽株, 难当重任* (русский перевод: *Я уже старый, уже стал гнилом стволом и трухлявым пнём, не могу справиться с этой работой*). Он не только характеризует возраст человека, но и описывает более широкую категорию – время. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: *科举这个在中国古代通过考试选拔官吏的制度, 随着封建制度的衰落, 成了枯木朽株* (русский перевод: *С упадком феодализма*

кэцзюй как важная система в Древнем Китае, которая подобрал чиновники с помощью экзамена, уже стала гнилом стволом и трухлявым пнём). Очевидно, что гнилой ствол и трухлявый пень в китайской лингвокультуре символизируют старость, т.е. фразеологизм фокусируется на стихийном распаде человека. Образ фразеологизма основан на метафорическом уподоблении пожилого человека гнилому стволу и трухлявому пню.

Кроме того, в русской и китайской фразеологии также есть единицы, означающие пожилого человека, который находится в хорошем физическом состоянии. Ср.: русские единицы несут положительную оценку и подчёркивают жизнеспособность старости: *Стар гриб, да корень свеж*; *Сколоченная посуда два века живёт*; *Стар пестрец, да уха сладка*; китайские фразеологизмы *白发红颜* [букв. белые волосы и красное лицо], *白发朱颜* [букв. белые волосы и румяное лицо], *朱颜鹤发* [букв. румяное лицо и волосы журавля], *鹤发松姿* [букв. волосы журавля и манера сосны] и *返老还童* [букв. от старости вернулось детство] означают пожилых людей, которые здоровы, имеют прекрасный внешний вид [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 34, 456, 631, 1989], а единицы *鹤发童颜* [букв. волосы журавля и детское лицо], *老当益壮* [букв. быть целеустремлённым и на старости лет] и *焕发青春* [букв. обретать вторую молодость] – пожилых людей, у которых есть физическая сила и крепкий дух [Там же: 632, 674, 881].

Некоторые китайские единицы отличаются сочинительной конструкцией: «*鹤发* [волосы журавля] и *松姿* [манера сосны]», «*鹤发* [волосы журавля] и *童颜* [детское лицо]», «*朱颜* [румяное лицо] и *鹤发* [волосы журавля]», «*白发* [белые волосы] и *朱颜* [румяное лицо]», «*白发* [белые волосы] и *红颜* [красное лицо]». Очевидно, что данные фразеологизмы употребляются для характеристики некоторых явлений, т.е. внешности и физического состояния.

Растительная метафора присутствует в русских единицах *Стар гриб, да корень свеж* и *Стар пестрец, да уха сладка*, а образ китайских фразеологизмов

鹤发童颜 [букв. волосы журавля и детское лицо] и 朱颜鹤发 [букв. румяное лицо и волосы журавля] строится на зооморфной метафоре, на сравнении цвета волос человека с цветом перьев журавля. Кроме того, растительная и зооморфная метафоры присутствуют во фразеологизме 鹤发松姿 [букв. волосы журавля и манера сосны].

Таким образом, фразеологическая система русского и китайского языков отражает неоднозначную оценку физического состояния старости человека. Старость в русской и китайской лингвокультурах характеризуется не только слабостью. В русской и китайской фразеологии также существуют единицы, обозначающие пожилого человека, находящегося в хорошей физической форме. Перейдём к рассмотрению русских и китайских фразеологизмов, обозначающих черты характера людей пожилого возраста.

5) фразеосемантическая подгруппа «Старость + черты характера».

Старость в русской и китайской фразеологии характеризуется опытом. Сема «опытность» присутствует во фразеологических единицах русского и китайского языков, означающих пожилых людей. Ср.: русские пословицы и поговорки *Старый ворон не каркнет мимо; Старый конь мимо не ступит; Старого воробья на мякине не обманешь; Старый волк знает толк; Старый конь борозды не портит; Старого волка в тенета не загонишь; У старого козла большие рога* и др. Очевидно, что в русской лингвокультуре данная положительная оценка старости человека связывается с животными (ср.: вороном, конём, воробьём, волком, козлом). Такое явление также встречается в китайской фразеологии, ср.: фразеологизм-чэньюй 老马识途 [букв. старая лошадь знает дорогу] – описывает старых людей, у них большой опыт, и они могут справиться с какой-л. работой [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 883]. В китайской фразеологии существует единица, описывающая опытность старого человека, в семантике которых присутствует также растительная метафора, ср.: 树老根多, 人老识多 [букв. у старого дерева много корней, у старого человека много знаний и

опыта]. Кроме того, в китайской фразеологии ещё есть единицы 老将知兵 [букв. ветеран знает солдат] и 老将出马, 一个顶俩 [букв. Когда ветеран вступает в бой, он может выполнять работу за двоих], которые означают пожилых людей [Там же: 882].

Важно отметить, что в русской фразеологии существуют фразеологизмы, образ которых связан с мифологическим образом. Ср.: *Баба Яга* и *Дед Мороз*. По «Академическому словарю русской фразеологии» (под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского) *Баба Яга* – «Горбатая, тощая, безобразная и злая старуха с крючкообразным носом, поедаящая людей, – типичный персонаж русских волшебных сказок» [АСРФ 2015: 28]. По А.И. Фёдорову, *Баба Яга* – «Персонаж русских народных сказок – злая старуха, колдунья; Разг. Презр. О злой, сварливой или безобразной женщине» [Фёдоров 2008: 16]. Фразеологизм *Дед Мороз*, по данным «Академического словаря русской фразеологии», во-первых, обозначает «мифологическое существо – добрый старик с длинной седой бородой, в шубе и шапке, с посохом и мешком, который на Новый год дарит детям подарки» [АСРФ 2015: 206], во-вторых, фразеологизм *Дед Мороз* – это «человек, представляющий мифологическое существо – доброго старика с длинной седой бородой, в шубе и шапке, с посохом и мешком, участвующий в новогодних представлениях и дарящий детям новогодние подарки» [Там же: 206]. См. иллюстрации: 1) *Баба Яга подошла к Алисе, погладила её по щеке и проскрипела: – Ах ты какая гладенькая да красивенькая, человечьим духом пахнешь, вкусная будешь* (Кир Булычёв. Козлик Иван Иванович); 2) *Когда я был маленьким, я просил Деда Мороза подарить мне коньки и пулемёт «Максим»* (Публ. Инт) [Там же: 28, 206].

Баба Яга – один из древнейших мифологических сказочных персонажей, стереотипный образ. *Баба Яга* – это «старуха, сторбленная, худая, у нее большой, загнутый вниз, крючковатый нос, костяная нога, она одета в старые рваные лохмотья; живёт в избушке на курьих ножках; умеет колдовать, владеет тайнами приготовления различных снадобий; летает в ступе, управляя помелом» [Русское культурное пространство 2004: 177]. Фразеологизм *Баба Яга* может употребляться

для характеристики старой неприятной женщины. *Дед Мороз*, как и *Баба Яга*, также стереотипный образ и может употребляться для характеристики человека. Мороз встречается в русских сказках и обрядах, связанных в первую очередь с зимними праздниками. *Дед Мороз* описывается в многих произведениях русских писателей. *Дед Мороз* – это «высокий крепкий старик, с длинной белой (седой) бородой, с добрым улыбающимся лицом, с ярким румянцем и с большим красным носом (Н.А. Некрасов. Мороз, Красный Нос). Он одет в длинную, до пят шубу, как правило, красного цвета, с белым мехом, носит такие же шапку и варежки, обычно обут в валенки» [Там же: 186].

В китайской фразеологии кроме единиц, описывающих опытность пожилого человека, имеются и другие фразеологизмы, характеризующие черты характера немолодых людей с положительной стороны. Ср.: фразеологизмы *德高望重* [букв. *обладать высокими добродетельными качествами и пользоваться ограмным авторитетом*], *年高德劭* [букв. *почтенный годами и добродетельный*], *耆年硕德* [букв. *почтенный годами и обладает высокими добродетельными качествами*] и *忠厚长者* [букв. *почтенный человек с высокими добродетельными качествами*] характеризуют пожилых и добродетельных людей. Фразеологизм *慈祥和蔼* [букв. *добросердечный и мягкий*] обозначает пожилых и добрых людей.

С точки зрения носителей китайской лингвокультуры пожилые люди должны поддерживать себя в хорошем душевном состоянии, иметь высокие стремления и ставить себе новую цель в жизни. Ср.: *宝刀不老* [букв. *драгоценный меч не стареет*], *白首之心* [букв. *душа человека с белыми волосами*], *老骥伏枥* [букв. *хоть стар крылатый конь, но мечтает ещё о чём*], *老骥伏枥, 志在千里* [букв. *старый конь прислонился к стойлу, а помыслы его простираются на тысячу ли*], *老而弥坚* [букв. *становиться более крепким, по мере того как стареть*], *老马为驹* [букв. *старый конь стал молодым конём*], *老马嘶风* [букв. *старый конь ржёт с высоко поднятой головой на ветру*] и *烈士暮年, 壮心不已* [букв. *на склоне лет не слабеют высокие стремления богатыря*] [Китайский большой

фразеологический словарь 2009: 38, 68, 882–883, 923].

Данные фразеологизмы в предложении употребляются в качестве характеризующей предикации. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: 1) *而今我白发斑斑，却老骥伏枥，还能为人民做事情，这是我的幸福* (русский перевод: *Теперь волосы у меня уже белыми, но хоть стар крылатый конь, но мечтает ещё о чём. Я ещё смогу сделать что-нибудь для народа, это моё счастье*); 2) *一些老科幻作家，如郑文光，刘兴诗，金涛等，宝刀不老，重新投入创作* (русский перевод: *Некоторые из старых писателей-фантастов, в том числе и Чжэн Вэньгуан, Лю Синши, Джин Тан и т.д., не стареют душой, снова занимаются над писанием*) и т.д.

В китайской фразеологии данная положительная оценка старости человека связывается с конем. Конь в китайской культуре играет важную роль. Жизнеспособность, активность и энергичность – основные характеристики коня. Он борется все время и неустанно крепит свои силы [Михайлова, Чжао И 2016: 172]. Данные фразеологизмы с компонентом *конь* раскрывают типичное представление о старости – пожилые люди должны продолжать бороться за свою жизнь, как кони.

Старость в китайской лингвокультуре характеризуется чистотой, наивностью и добротой, т.е. семы «чистота», «доброта» и «наивность» выявляются у следующих китайских фразеологизмов, описывающих людей пожилого возраста, ср.: единицы *白发丹心* [букв. *белые волосы и красное сердце*], *童心未泯* [букв. *детское сердце не исчезло*], *寒花晚节* [букв. *выносливые цветы и нравственные качества в старости*] и *黄花晚节* [букв. *цветы хризантемы и нравственные качества в старости*].

Фразеологизм *白发丹心* [букв. *белые волосы и красное сердце*] описывает человека, который уже стар, но у него искреннее сердце и чистая душа [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 34]. Данная единица отличается сочинительной конструкцией: «*白发* [белые волосы] и *丹心* [красное сердце]»; в современном китайском языке она употребляется крайне редко.

Образ данного фразеологизма соотносится с телесным кодом культуры через компоненты 发 [волосы] и 心 [сердце], а также соотносится с цветовым кодом культуры с помощью компонентов 白 [белый] и 丹 [красный]. Данный фразеологизм характеризует внешность и черты характера пожилых людей. Фразеологизм 童心未泯 [букв. *детское сердце не исчезло*] обозначает, несмотря на то, что кто-либо стар, но он всё ещё сохранял детскую чистоту и невинность [Там же: 1481]. Данный фразеологизм имеет положительную оценку. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: *当我们老的时候, 我们就会发现童心未泯是一件值得骄傲的事情。在人生的旅途中, 我们应该经常问问自己, 什么时候我们开始丢失了孩童般天真烂漫的笑容, 我们为何不能保持一颗童心* (русский перевод: *Когда мы стары, мы будем понимать, что мы должны гордиться сохранением детской невинности. На жизненном пути мы должны часто спрашивать себя, когда мы потеряли детскую наивную улыбку, почему мы не можем сохранить детское сердце*).

Фразеологизмы 寒花晚节 [букв. *выносливые цветы и нравственные качества в старости*] и 黄花晚节 [букв. *цветы хризантемы и нравственные качества в старости*] также отличаются сочинительной конструкцией: «寒花 [выносливые цветы] и 晚节 [нравственные качества в старости]», «黄花 [цветы хризантемы] и 晚节 [нравственные качества в старости]». Компоненты 寒花 [выносливые цветы] и 黄花 [цветы хризантемы] относятся к растительному коду культуры. Лексема 寒花 [выносливые цветы] представляет собой другое название 黄花 [цветы хризантемы] [Толковый словарь китайского языка Baidu онлайн: <https://hanyu.baidu.com/>]. Цветы хризантемы – одни из десяти любимых и известных цветов в Китае и представляют собой часть традиционной китайской культуры, имеют широкое и глубокое символическое значение. Они символизируют личность, честность, нравственные качества благородного человека [Чжан Жундун 2008: 12–13]. Таким образом, китайцы придают большое значение детской чистоте и нравственным качествам, а фразеологизмы,

означающие человека, который потерял чистоту и нравственные качества в старости, имеют отрицательную оценку. Ср.: *晚节不终* (или *晚节不保* [букв. *потерять чистоту в старости*]) [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 1095; Китайский большой фразеологический словарь 2009: 1508]. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: *有些节操高尚的人, 晚年时倒未能经受住考验, 晚节不保, 弄得身败名裂* (русский перевод: *Некоторые люди, имеющие благородные нравственные качества, не выдержали суровые испытания в старости и потеряли чистоту и наконец потеряли авторитет*).

Фразеологическая система китайского языка также характеризует черты характера стариков с отрицательной стороны. Кроме вышеуказанных фразеологизмов *晚节不终* (или *晚节不保* [букв. *потерять чистоту в старости*]) в китайской фразеологии ещё есть единицы, показывающие отрицательную оценку. Ср.: фразеологизмы *摆老资格* [букв. *кичиться своим стажем*] – о пожилых и опытных людях, которые считают себя всегда правыми. Они самоуверенные и игнорируют других людей [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 55], *倚老卖老* [букв. *спекулировать на своём возрасте*] – о пожилых людях, которые всегда считают себя опытными, неразумно требуют других подчиняться [Там же: 1807].

Итак, старость в русской и китайской фразеологии характеризуется опытностью. Данная положительная оценка в русской и китайской лингвокультурах обычно связывается с животными и растениями. В русской фразеологии есть единицы, образ которых связывается с мифологическим образом, такие единицы отсутствуют в китайской фразеологии. Кроме того, в китайской фразеологии есть ещё единицы, означающие пожилых и добродетельных людей, и единицы, описывающие пожилых людей, которые «сохраняют» чистоту, наивность и доброту. С точки зрения носителей китайской лингвокультуры пожилые люди должны поддерживать себя в хорошем душевном состоянии, иметь высокие стремления и ставить себе новую цель в жизни. Старость в китайской

фразеологии также описывается с отрицательной стороны, ср.: *晚节不终* [букв. *потерять чистоту в старости*], *摆老资格* [букв. *кичиться своим стажем*] и *倚老卖老* [букв. *спекулировать на своём возрасте*].

б) фразеосемантическая подгруппа «Старость + интеллектуальные способности».

Что касается фразеологических единиц, характеризующих старость человека и его интеллектуальные способности, то в китайской фразеологии только фразеологизм *发短心长* [букв. *короткие волосы и длинное сердце*] означает очень старого и мудрого человека [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 324; Китайский большой фразеологический словарь 2009: 449].

Данный фразеологизм в предложении употребляется в роли характеризующей предикации. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: *可见老年人发短心长, 老谋深算, 仍然轻觑不得* (русский перевод: *Очевидно, что у старых людей короткие волосы и длинное сердце. Они постоянно обдумывают и рассчитывают. Нельзя презирать их*). Он отличается сочинительной конструкцией «*发短* [короткие волосы] и *心长* [длинное сердце]». Образ данного фразеологизма основан на древнейших оппозициях «молодость – старость» и «внешнее – внутреннее». Иероглифы *发* [волосы] и *心* [сердце] соотносятся с соматическим кодом культуры, а иероглифы *短* [короткий] и *长* [длинный] имеют противоположное значение. Компонент *发短* [короткие волосы] обозначает человека, у которого волосы редкие, т.е. типичная внешность старого человека; компонент *心长* [длинное сердце] означает старого человека, который очень мудр. Таким образом, данный фразеологизм в целом показывает стереотипное представление китайцев о внешности и интеллектуальных способностях пожилого человека.

Очевидно, что сема «мудрость» присутствует в значении фразеологизма *发短*

心长 [букв. *короткие волосы и длинное сердце*]. По сравнению с китайской фразеологией в русской фразеологии относительно много фразеологических единиц, описывающих интеллектуальные способности пожилого человека. Фразеологическая система русского языка отражает неоднозначную оценку интеллектуальных способностей старости. Сема «мудрость» также присутствует в значениях единиц русского языка, означающих ум пожилого человека: ср.: русские пословицы или поговорки *Седина в бороду – ум в голову*; *Старина с мозгом*; *Старина что диво* и др. выражают положительную оценку ума старцев.

Кроме того, в русской фразеологии по сравнению с единицами, выражающими положительную оценку ума пожилых людей, фразеологических единиц, характеризующих их ум с отрицательной стороны, гораздо больше, ср.: *старый пень, выжить из ума, впасть в детство*, а также пословицы *Из старого ума выжили, нового не нажили*; *До лысины (До старости) дожил, а ума не нажил*; *Век дожил, а ума не нажил*; *Старый разум проживаем, нового не наживаем – дураками умрём*; *Борода с воз, а ума с накопильник нету*; *Борода глазам (уму) не замена*; *Борода с лопату, а ума – кот наплакал*; *Борода с ворота, а ума и на калитку нет*; *И сед, а ума нет*; *Волосом сед, а ума нет*; *И старую собаку не волком звать*.

Следует особо обратить внимание на пословицу *И старую собаку не волком звать*, которая обозначает заурядного человека, который в старости становится ещё глупее [Зимин 2016: 276]. Волк в русской лингвокультуре – это «самое умное животное из всех животных, живущих в средней полосе России. Даже старая опытная собака не может сравниться с волком» [Там же: 276]. Итак, образ, создаваемый этой поговоркой, основан на зооморфной метафоре и соотносится с зооморфным кодом культуры с помощью компонентов *собака* и *волк*. Образ данной поговорки также основан на сравнении: *старая, опытная собака* и *волк*.

Рассмотрим русские фразеологизмы *впасть в детство*, *выжить из ума* и *старый пень*. Как указано выше, эти единицы имеют отрицательную оценку ума пожилых людей. Фразеологизм *выжить из ума* – «кто перестал соображать, здраво мыслить, поглупеть от старости» [СОВРЯ 1995: 175]. По данным

«Русско-английского фразеологического словаря», *выжить из ума* – «to lose the ability to think, reason sensibly because of old age» [Лубенская 1997: 731]. Единица *впасть в детство* обозначает человека, который ведет себя неразумно, несообразно возрасту, т.е. «совершает нерациональные действия и поступки. Обычно о старых людях» [БФСРЯ 2014: 135]. По данным «Русско-английского фразеологического словаря», *впасть в детство* – «to lose one's mental faculties because of old age» [Лубенская 1997: 187]. Единица *старый пень* означает старого и глупого, плохо соображающего человека или вид брани, обращенный к старому человеку [Фёдоров 2008: 458].

Образ фразеологизма *старый пень* создается на основе уподобления ему старого (плохого физического состояния) и глупого (плохого интеллектуального состояния) человека. Данный фразеологизм в целом передает стереотипное представление о старости и глупости с точки зрения носителей русской лингвокультуры. Компонент *детство* в единице *впасть в детство* соотносится с антропным и временным кодами культуры; компонент *впасть* с предлогом «в» – с антропным и пространственным кодами культуры. Образ фразеологизма *впасть в детство* создается на перемещении неразумного поведения взрослого или старого человека в другое временное пространство – в детство. Так в поведении взрослого или старого человека проявляется глупость [БФСРЯ 2014: 135; Вознесенская 2016: 98]. Компонент *ум* во фразеологизме *выжить из ума* соотносится с соматическим кодом и замещает тело человека (*ум* – часть тела человека). Поэтому образ данного фразеологизма восходит к оппозиции «частное – целое». Компонент *выживать/выжить* в сочетании с предлогом *из* соотносится с антропным и пространственным кодами культуры. Данный фразеологизм выступает в роли эталона прекращения разумной жизнедеятельности пожилого человека.

Итак, китайская фразеология описывает интеллектуальные способности пожилых людей с положительной стороны, т.е. старость в китайской фразеологии характеризуется мудростью. Русская фразеология отражает неоднозначную оценку ума пожилых людей. Фразеологических единиц русского языка, выражающих отрицательную оценку ума пожилых людей, больше: 14 единиц,

выражающих отрицательную оценку и 3 единицы – положительную.

7) фразеосемантическая подгруппа «Старость + социальный статус».

Что касается социального статуса человека в старости, прежде всего, следует отметить, что пожилые люди, с точки зрения носителей русской и китайской лингвокультур, должны пользоваться уважением, ср.: русские пословицы и поговорки *Старших и в орде почитают; Старую кукушку и на ястреба не променять; Не у детей и седина в честь; Сер волк, сед волк, а всё ему волчья честь* и др.; китайские фразеологизмы *年高望重* [букв. *старый и престижный*], *敬老慈幼* [букв. *уважать стариков и беречь детей*], *敬老怜贫* (или *爱老怜贫* [букв. *уважать стариков и сочувствовать бедным*]), *敬老尊贤* [букв. *уважать старых и добродетельных людей*], *惜老怜贫* [букв. *оберегать стариков и сочувствовать бедным*] и *恤老怜贫* [букв. *заботиться о старых людях и жалеть бедных*]. Кроме того, в русской фразеологии есть единицы, в семантике которых отмечается отсутствие уважения к пожилому человеку, ср.: пословицы и поговорки *Старую собаку не батькой звать; Ныне старики — уж и невесть каки; Богатому красть, а старому лгать.*

Старость в русской и китайской лингвокультурах также отличается негативной характеристикой, т.е. старый человек может стать обузой в обществе или семье, ср.: русские пословицы *Чужой век живёт; За него давно на том свете провиант получают; На старого Потапа выросла лопата; Словно живой прах по земле прошёл; Дедушка сед, а смерти на него нет; Ты чужой век живёшь, пора тебя лобанить; Состарился, а жить не уставился* и др.; китайский фразеологизм *秋风团扇* [букв. *ветер осенью поднялся, больше не использовать веер*], означающий старую женщину, которая потеряла красоту, впала в немилость у мужа, и он её бросил [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 1202]. Образ, создаваемый данным китайским фразеологизмом, соотносится с природным и вещным кодами культуры. Веер, представляющий собой важный носитель китайской национальной культуры, является инструментом для

создания потока воздуха и необходим во время летнего сезона [Гуо Я 2001: 75]. В Древнем Китае наложницы императора, дамы из высшего общества любили использовать круглый веер и с его помощью они выглядели изысканно. Таким образом, круглый веер может рассматриваться как символ женщины [Ван Шаохуа 2012: 43–45]. Данный фразеологизм в целом показывает стереотипное представление о социальном статусе старой женщины, которая становится обузой для мужчин.

По сравнению с русскими единицами данной подгруппы в китайской фразеологии есть единицы, которые фокусируются на описании пожилых людей, которые по старости выходят на пенсию, ср.: *悬车致仕* [букв. повесить повозку и отказаться от должности], *悬车告老* [букв. повесить повозку и подать в отставку по старости], *告老在家* [букв. выйти в отставку и прожить старость дома] и *告老还乡* [букв. выйти в отставку и вернуться на родину] [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 393, 1227; Китайский большой фразеологический словарь 2009: 547, 1674]. Фразеологизмы *悬车致仕* [букв. повесить повозку и отказаться от должности] и *悬车告老* [букв. повесить повозку и подать в отставку по старости] в современном китайском языке употребляются крайне редко.

В китайской фразеологии есть единицы, описывающие пожилых людей, которые никаких успехов не добились за всю жизнь. Ср.: *白首空归* [букв. вернуться домой с пустыми руками в старости], *垂老无成* [букв. ничего не получить в старости] и *老大无成* [букв. уже стал старым, но никаких успехов не добиться] [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 38, 285, 881]. Кроме того, в китайской фразеологии единица *冯唐易老* [букв. Фэн Тан легко старел] описывает пожилых и слабых людей, которые были недовольны политикой [Там же: 499]. *冯唐* (Фэн Тан) представляет собой историческое лицо во время правления династии Западная Хань (206 г. до н.э. – 9 г. н.э.). Он только стал чиновником в ранге «лан», т.е. телохранителем в покоях императора, будучи

уже старым. Из-за своего возраста он раз за разом пропустил многие случаи повышения по службе. Когда царствовал император У-Ди (156–87 гг. до н.э.), гунны много раз вторгались в Западную Хань. Фэн Тан ещё раз был рекомендован в качестве «мудрого и добродетельного», но, к сожалению, ему уже было 90 лет [Там же: 499]. Итак, 冯唐 [Фэн Тан] в современном китайском языке означает пожилых людей, которые родились не в своё время, несчастливы и недовольны судьбой.

Кроме того, в китайской фразеологии ещё имеются фразеологизмы, которые характеризуют спокойную и беззаботную жизнь человека после его выхода на пенсию, ср.: 夕阳红 [букв. красное заходящее солнце], 老有所终 [букв. обрести спокойствие на склоне лет] и 含饴弄孙 [букв. держать во рту солодовый сахар и возбуждать внука] [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 443; Китайский большой фразеологический словарь 2009: 612, 885, 1583]. Образ фразеологима 夕阳红 [букв. красное заходящее солнце] соотносится с природным и цветовым кодами культуры с помощью компонентов 夕阳 [заходящее солнце] и 红 [красный]. В основе образа данного фразеологизма лежит аналогия «старость человека – заходящее солнце (закат)». Красный в китайском языке – «цвет удачи, счастья, любви и жизни» [Ван Хунвэй, Янь Кай 2014: 20]. Таким образом, фразеологим 夕阳红 [букв. красное заходящее солнце] обозначает счастливую жизнь пожилых людей после их выхода на пенсию. Фразеологизм 含饴弄孙 [букв. держать во рту солодовый сахар и возбуждать внука] показывает стереотипное представление китайцев об образе жизни стариков и выступает мерилем счастья для них. См. иллюстрации из корпуса современного китайского языка: 人到老年都喜欢自己的孙子, 我母亲也不例外, 退休以后, 天天在家含饴弄孙 (русский перевод: Все люди в старости любят своих внуков, моя мать тоже. После выхода на пенсию она каждый день держит во рту солодовый сахар и возбуждает внука).

Следует обратить внимание на фразеологизм 老蚕作茧 [букв. старая

гусеница отложила кокон], образ которого основан на зооморфной метафоре. Данный фразеологизм описывает человека, который уже стар, но ещё живёт в постоянных хлопотах [Китайский большой фразеологический словарь 2009: 881]. В современном китайском языке данный фразеологизм употребляется крайне редко.

Таким образом, как русские, так и китайские фразеологизмы показывают сходное социальное положение пожилых людей, т.е. старик должен пользоваться уважением, а также может стать обузой в обществе или в семье. Различия заключаются в том, что китайские фразеологизмы ещё описывают выход на пенсию пожилых людей и их жизнь после выхода на пенсию. Кроме того, в китайской фразеологии ещё есть единицы, описывающие пожилых людей, которые никаких успехов не добились за всю жизнь или недовольны политикой.

8) фразеосемантическая подгруппа «Старость + эмоциональное состояние».

В данной фразеосемантической подгруппе существует один китайский фразеологизм, который обладает гендерной маркированностью: *白头之叹* [букв. *вздых и горе человека с белыми волосами*] – о вздохе и горе старой женщины с белыми волосами, после того, как её бросил муж [Большой фразеологический словарь современного китайского языка 2014: 30; Китайский большой фразеологический словарь 2009: 40]. В современном китайском языке данный фразеологизм употребляется крайне редко.

9) фразеосемантическая подгруппа «Старость + поведение».

Русский фразеологизм *мышиный жеребчик* характеризует поведение пожилого человека. *Мышиный жеребчик* – «Кто. Молодящийся пожилой мужчина, старик, увлекающийся ухаживанием за женщинами (особенно молодыми). Имеется в виду, что лицо мужского пола активно интересуется женщинами, проявляет много внимания к ним, несмотря на уже далеко не молодой возраст и физическое бессилие» [БФСРЯ 2014: 391].

Данная единица в предложении употребляется в роли характеризующей предикации. См. иллюстрации: – *А ты его видела?* – *Нет, но хотела бы познакомиться.* – *Не советую. Будешь разочарована. Он – мышинный жеребчик, и этим всё сказано* (Реч.) [Там же: 391]. Компоненты фразеологизма *мышинный, жеребчик* соотносятся с зооморфным кодом культуры. Образ фразеологизма основан на древнейших оппозициях «мужчина – женщина», «молодость – старость» и «сильный – слабый». Данный фразеологизм «восходит к древнейшей мифологической форме осознания мира – анимистической, – к олицетворению неживого: в основе образа лежит аналогия *животное – человек*» [Там же: 391]. В основе образа данного фразеологизма лежит оксюморон, который участвует в формировании метафоры: жеребец – рослый и сильный, мышь – маленькая и слабая. Данный фразеологизм «выступает в роли эталона неподобающего (сексуального) поведения находящего в преклонном возрасте, но молодящегося любителя ухаживать за женщинами (особенно молодыми)» [Там же: 392].

Таким образом, во фразеосемантическое микрополе 'старость/老年' русского и китайского языков входят 204 фразеологические единицы, в том числе 79 русских и 125 китайских. В русской фразеологии есть своеобразная подгруппа «Старость + поведение», которая отсутствует в китайской фразеологии, а в китайской фразеологии также существуют своеобразные подгруппы «Старость + физиологическое явление» и «Старость + эмоциональное состояние».

Как русские, так и китайские фразеологизмы в подгруппе «Только о старости» проявляют типичное представление русских и китайцев о пожилых людях. Их внешность проявляется с помощью описания волос, бород, бровей, зубов и т.д. В подгруппе «Старость + физическое состояние» фразеологическая система русского и китайского языков показывает, что пожилой человек может находиться в слабом и хорошем физическом состоянии. Основным признаком старости человека представляет опытность. С точки зрения носителей русской и китайской лингвокультур, пожилые люди пользуются уважением, но могут становиться «обузой» для общества. В подгруппе «Старость + интеллектуальные способности» китайский фразеологизм характеризует интеллектуальные

способности пожилых людей с положительной стороны, а русская фразеология отражает неоднозначную оценку ума пожилых людей.

3.5. Выводы по Главе 3

Фразеологизм, будучи образно мотивированной частью номинативных единиц, обнаруживает особые способы вербализации возраста человека в русской и китайской лингвокультурах. В образе фразеологических единиц закодированы культурные смыслы, идеи, прескрипции, т.е. взгляд на мир и мировидение того или иного народа. Ценностное содержание русской и китайской культур выявляется с помощью культурной интерпретации образов фразеологизмов сопоставляемых языков.

Во фразеосемантических полях 'возраст/ 年齡' в русском языке проанализированные единицы составляют 151 единицу (детство – 23, молодость – 38, зрелость – 11, старость – 79), а в китайском языке – 222 единицы (детство – 16, молодость – 67, зрелость – 14, старость – 125). Очевидно, что как в русской, так и в китайской фразеологии в количественном отношении самую большую подгруппу составляют фразеологические единицы, характеризующие старость и её дополнительные признаки, а самую маленькую подгруппу – фразеологизмы, которые описывают зрелость и её особенности.

В каждом микрополе 'детство/童年', 'молодость/青年', 'зрелость/壮年' и 'старость/老年' существуют подгруппы «Только о возрасте» и «Возраст + дополнительные признаки». Фразеологизмы в подгруппе «Возраст + дополнительные признаки» означают возраст человека с помощью описания других явлений, так или иначе связанных с возрастной проблематикой, ср.: внешности, физиологических явлений, физического состояния, черт характера, интеллектуальных способностей, социального статуса, эмоционального состояния и поведения. Кроме того, следует отметить, что в каждом микрополе есть подгруппы, которые присутствуют только в одном языке. Ср.: в русской

фразеологии существует подгруппа «Молодость + интеллектуальные способности», которая отсутствует в китайской фразеологии, а в китайской фразеологии есть своеобразная подгруппа «Зрелость + эмоциональное состояние».

С помощью исследования единиц, обладающих гендерной маркированностью (ср.: *бальзаковский возраст, старая дева, 豆蔻年华* [букв. время расцвета ребристого амомума], *小鸟依人* [букв. привязанность птенца к человеку], *小家碧玉* [букв. красивая девушка из бедной семьи] и мн. др.) выявляются признаки обозначения и вербализации возраста мужчин и женщин в русской и китайской фразеологии.

В русской и китайской фразеологии имеются многие эквивалентные, т.е. близкие по значению фразеологизмы, репрезентирующие возраст человека. Сопоставительное исследование данных эквивалентных единиц нацелено на поиск воплощения культурно значимой информации, которая позволяет познавать ментальность и особенности мировоззрения русского и китайского народа. Ср.: фразеологизмы *Мафусаилов век* и *乔松之寿* [букв. продолжительность жизни небожители Ван Цяо и Чи Чуңцзы], образ которых восходит к религиозным слоям культуры. Сопоставительное изучение данных единиц позволяет раскрыть близость и национальное своеобразие фразеологических картин мира двух народов.

Образ, создаваемый многими фразеологическими единицами русского и китайского языков, репрезентирующими возраст человека, создаётся, как правило, на основе метафор «человек – растение» и «человек – животное». Опытность старости описывается с помощью метафоры «человек – животное/птица», ср.: *Старый ворон не каркнет мимо, 老马识途* [букв. старая лошадь знает дорогу] и т.д.

Фразеологическая система отражает сходные и различные представления носителей русской и китайской лингвокультур об основных возрастных периодах. Ребёнок в русской и китайской фразеологии характеризуется маленьким ростом,

добротой, чистотой и наивностью. В русской и китайской лингвокультурах отмечается тесная связь детей и их ростом с семейным положением и влиянием родителей. Молодые люди в русской и китайской фразеологии характеризуются красотой, энергичностью и хорошим физическим состоянием. Кроме того, неопытность, незрелость, несамостоятельность и смелость являются основными признаками молодости человека. Молодость – это возрастной период, в котором людям принято вступить в брак. Те, кто уже вышли из молодого возраста и не вступили в брак, называются *старой девой* и 旷夫怨女 [букв. холостым мужчиной, незамужней женщиной]. Старость в русской и китайской фразеологии рассматривается как последний возрастной период в жизни человека. Внешность старости проявляется с помощью описания волос, бороды, бровей, зубов и т.д. Основной признак старости человека – опытность. С точки зрения носителей русской и китайской лингвокультур пожилые люди пользуются уважением, но могут стать «обузой» для общества.

Основные отличительные представления между носителями русской и китайской лингвокультур заключаются в том, что в русской фразеологии четко отмечается, что детство – это начало. С точки зрения носителей китайской лингвокультуры дети могут употреблять табуированные слова. Старость в русской фразеологии характеризуется не только мудростью, но и глупостью (*выжить из ума* и др.). Люди зрелого возраста могут иметь слабое физическое состояние. Важно отметить, что в китайской фразеологии единиц, характеризующих черты характера и статуса людей молодого и пожилого возраста, гораздо больше, чем в русской фразеологии. Например, в китайской фразеологии существует единица, которая показывает, что молодые люди тоже должны пользоваться уважением, поскольку они являются «новыми силами» общества, ср.: 后生可畏 [букв. молодое поколение дышит в затылок]; пожилые люди также характеризуются наивностью и чистотой, как дети (童心未泯 [букв. детское сердце не исчезло] и др.) и молодом душой (老骥伏枥 [букв. хоть стар крылатый конь, но мечтает ещё о чём] и т.д.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая кандидатская диссертация выполнена в русле сопоставительной лингвистики и посвящена сопоставлению лексических и фразеологических номинаций с семантикой возраста человека в русском и китайском языках.

Возраст – сложное и неоднородное явление, которое включает в себя количество лет и дней, прожитых человеком, а также основные периоды – *детство, юность, молодость, зрелость* и *старость*, которые не имеют чётких границ и резкого качественного перехода. Они понимаются весьма субъективно и различаются в этнокультурном представлении различных народов. Возраст как универсальный феномен включает знания, представления, оценки, опыт, особенности мировидения и культуры этноса и получает воплощение в лексемах и фразеологизмах русского и китайского языков.

Семантическое поле в современной лингвистике рассматривается как способ систематизации номинативных единиц и имеет сложную иерархическую структуру. В разных языках одинаковые семантические поля могут быть организованы по-разному, ср.: структуры семантических полей 'возраст/年齡' в русском и китайском языках отличаются между собой. В семантическом поле 'возраст' в русском языке имеются микрополя 'детство', 'отрочество', 'юность', 'молодость', 'зрелость' и 'старость', а в семантическом поле '年齡[возраст]' в китайском языке микрополя '童年 [детство]', '少年 [юность]', '青年 [молодость]', '壮年 [зрелость]', '中年[средний возраст]' и '老年[старость]'.

Именно поэтому в русской и китайской лингвокультурах возраст человека осознается как упорядоченная последовательность четырёх основных периодов в жизни человека: *детство, молодость, зрелость* и *старость*. Различия заключаются в представлении русских и китайцев о временной шкале в жизни человека. Так, в русской лингвокультуре выделяются *детство, отрочество, юность, молодость, зрелость* и *старость*; а в китайской – *童年 [детство], 少年 [юность], 青年 [молодость], 壮年 [зрелость], 中年 [средний возраст]* и

老年 [старость]. Очевидно, что в русской лингвокультуре *зрелость* – это возраст между *молодостью* и *старостью*, а в китайской между *зрелостью* и *старостью* ещё существует возрастной период – *средний возраст*.

Семантические поля '年齡/возраст' в русском и китайском языках включают в себя как лексические, так и фразеологические единицы. В данной работе анализированные номинативные единицы составляют 470 русских единиц (393 лексических и 77 фразеологических единиц) и 441 китайская единица (348 лексических и 93 фразеологических единицы). Очевидно, что в китайском языке больше фразеологических единиц, чем в русском, а в русском – лексических единиц больше, чем в китайском.

Лексические и фразеологические единицы русского и китайского языков, отражающие возраст человека, регулярно развивают метафорические значения, так или иначе связанные с возрастом, т.е. лексическая и фразеологическая системы отражают типичные представления с точки зрения носителей русской и китайской лингвокультур о детстве (детскость, наивность и др.), молодости (неопытность, недостаточная зрелость, энергичность и др.), зрелости (полнота физического и умственного развития) и старости (слабость, недостаток жизненных сил и др.). Кроме того, в русской и китайской лингвокультурах характеристики и оценки, приписываемые возрастным периодам могут отличаться. Например, в китайской лексике *зрелость* характеризуется не только взрослостью, но и самостоятельностью и мудростью, ср.: лексемы 而立 [букв. *встать на ноги*] и 不惑 [букв. *не иметь сомнений*] и т.д. По сравнению с русскими фразеологизмами в китайской фразеологии фиксируется только фразеологизм 发短心长 [букв. *короткие волосы и длинное сердце*], который обозначает старого и мудрого человека, а русская фразеологическая система отражает неоднозначную оценку интеллектуальных способностей пожилого человека. Ср.: единицы *старый пень*, *выжить из ума* и *впасть в детство* характеризуют ум стариков с отрицательной стороны, а пословицы и поговорки *Седина в бороду – ум в голову*; *Старина с мозгом*; *Старина что диво* и др. выражают положительную оценку

ума стариков.

Возраст человека является универсальным феноменом в русской и китайской лингвокультурах, который отличается динамичностью и многомерностью. Он, как правило, пересекается с другими понятиями (ср.: внешность, физическое и физиологическое состояние, черты характера, интеллектуальные способности, социальный статус, поведение и деятельность), что находит отражение в денотативном компоненте значения номинаций. Итак, в русском и китайском языках существуют номинативные единицы, обозначающие не только возраст человека, но и единицы, означающие возраст с помощью описания других явлений, так или иначе связанных с возрастной проблематикой.

Как в русском, так и в китайском языках есть ряд лексических и фразеологических единиц, которые употребляются для характеристики не одного, а нескольких явлений, так или иначе связанных с возрастной градацией. Ср., например, рус. *от горшка два вершка* (внешность и внутренние свойства); кит. 弱冠 [букв. надевание шапки совершеннолетия] (внешность и социальный статус), 鹤发童颜 [букв. волосы журавля и детское лицо] (внешность и физическое состояние) и т.д. Кроме того, в русском языке существует своеобразная лексико-семантическая подгруппа «Молодость + интеллектуальные способности», которая отсутствует в китайском языке (напр., *недоросль*); в каждом фразеосемантическом микрополе русского и китайского языков есть своеобразные подгруппы, зафиксированные только в одном из языков, ср.: в русской фразеологии есть подгруппа «Молодость + интеллектуальные способности» (например, *Ум бороды не ждёт*), а в китайской фразеологии есть подгруппа «Зрелость + эмоциональное состояние» (например, 哀感中年 [букв. грусть и средний возраст]) и т.д.

Анализ единиц, обладающих гендерной маркированностью, позволит раскрыть различия между мужчинами и женщинами при обозначении возраста в русской и китайской лингвокультурах. Номинативные единицы в русском и китайском языках, объективирующие возраст человека, включают единицы,

которые характеризуют возраст человека независимо от гендерных различий, и единицы, обладающие гендерной маркированностью и отражающие различия между мужчинами и женщинами. Например, в русском и китайском языках существуют лексемы, означающие девушку, которая ещё не вышла замуж, ср.: *девица*, 及笄 [букв. использование шпильки для волос], 待字 [букв. ждать помолвки] и т.д. В русской и китайской фразеологии также существуют единицы, которые показывают гендерные различия, ср.: *бальзаковский возраст*, 年已及笄 [букв. в возрасте, когда можно использовать шпильки для волос] и т.д., т.е. возраст женщины означает деликатно.

На наш взгляд, человек, как правило, сравнивается с растениями и животными, являющимися составной частью окружающей его природы. Образ, создаваемый многими номинативными единицами русского и китайского языков, репрезентирующими возраст человека, отражается метафорами «человек – растение» и «человек – животное». Лексемы, называющие растения, обычно употребляются для характеристики молодого человека, т.е. метафорические передаются значения «незрелость», «несамостоятельность», ср.: *青椒* [зелёный перец], *зелень*, *в <во> цвете <в расцвете> лет <сил>* и т.д. В русской и китайской фразеологии отмечается опытность пожилого человека, и данная положительная оценка старости связывается с животными, ср.: *Старый ворон не каркнет мимо*; 老马识途 [букв. старая лошадь знает дорогу] и т.д.

По сравнению с лексическими единицами фразеологизмы, будучи образно мотивированными, обнаруживают особые способы вербализации возраста человека. Фразеологизмы представляют собой типичные пути осмысления возраста человека в русской и китайской лингвокультурах. В образе фразеологизмов русского и китайского языков закодировано ценностное содержание русской и китайской культур, которое выявляется с помощью культурной интерпретации образов фразеологизмов в сопоставляемых языках.

Таким образом, анализ лексических и фразеологических единиц с семантикой возраста человека в сопоставляемых языках позволяет раскрыть изоморфизм и

алломорфизм в отношении способов и степени подробности вербализации возраста человека, количества лексических и фразеологических единиц, репрезентирующих возраст человека. Сопоставительное исследование номинативных единиц в разных языках – важное средство реконструкции в сопоставляемых лингвокультурах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамова Г.С.* Психология человеческой жизни: Исследования геронтопсихологии : учеб. пособие / Г.С. Абрамова. – М.: Академия, 2001. – 224 с.
2. *Азнаурова Э.С.* Стилистический аспект номинации словом как единицей речи // Языковая номинация (Виды наименований). – М.: Наука, 1977. – С. 86–128.
3. *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. – СПб.: Питер, 2001. – 272 с.
4. *Антропова Л.И.* Лексико-фразеологическое поле с общим значением «порицать» в современном немецком языке : дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1978. – 162 с.
5. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды: в 2. Т. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки русской культуры, 1995. 464 с.; 767 с.
6. *Арсентьева Е.Ф.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц, выражающих характер человека, в английском и русском языках : дисс. ... канд. филол. наук. – Казань, 1983. – 304 с.
7. *Арсентьева Е.Ф.* Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте (на материале русского и английского языков) : дисс. ... канд. филол. наук. – Казань, 2006. – 171 с.
8. *Артёмова Н.В.* Особенности полевой структуры лексики современного русского языка: на примере глаголов лишения : дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2000. – 212 с.
9. *Арутюнова Н.Д.* О номинативном аспекте предложений / Н.Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. 1971. № 6. – С. 63–73.
10. *Арутюнова Н.Д.* Номинация, референция, значение // Языковая номинация. Общие вопросы / отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1977. – С. 188–206.
11. *Арутюнова Н.Д.* От редактора // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – 204 с.
12. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. 2-е изд. – М.: «Языки русской

- культуры». 1999. – 896 с.
13. *Архангельский В.Л.* Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. – Ростов-на-Дону: РГУ, 1964. – 315 с.
  14. *Бабурин Л.К.* Определение степени родства романских языков: вероятностно-статистическое сопоставление высокочастотной знаменательной лексики испанского, французского, итальянского и румынского языков : дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2009. – 238 с.
  15. *Баженов Г.А.* Вопросы фразеологии в сопоставительном аспекте : дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – 160 с.
  16. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
  17. *Баранов А.Н.* Основы фразеологии (краткий курс) : учеб. пособие / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 312 с.
  18. *Баско Н.В.* Русские фразеологизмы в ситуациях : учеб. пособие по русской фразеологии и развитию речи. 2-е изд., перераб. – Русский язык. Курсы. – М., 2015. – 160 с.
  19. *Бережан С.Г.* Теория семантических полей и синонимия // Проблемы языкознания. – М., 1967. С. 165–170.
  20. *Белюсова А.С.* Русские имена существительные со значением лица. Лексический класс и вопросы его словарного описания // Вопросы языкознания. 1981. № 3. С. 71–84.
  21. *Боброва Т.А.* О природе названия и принципах номинации // Русский язык в школе. 1974. № 4. С. 73–79.
  22. *Бондарко А.В.* Функциональная грамматика. – Л.: Наука, 1984.
  23. *Брагина Н.Г.* Память в языке и культуре. – М.: Языки славянских культур. 2007. – 520 с.
  24. *Братченко С.Л.* Диагностика личностно-развивающегося потенциала : метод. пособие для школьных психологов / С.Л. Братченко. – Псков: 1997. – 68 с.
  25. *Вайсгербер Й.Л.* Родной язык и формирование духа. – М.: Едиториал УРСС,

1993. – 232 с.

26. Ван Ляои. Основы китайской грамматики. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1954. – 262 с.
27. Ван Хунвэй, Янь Кай. Цветовой код культуры в формировании языковой картины мира // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. 2014. № 49. С. 18–25.
28. Васильев Л.М. Теория семантических полей. Текст // Вопросы языкознания. 1971. № 5. – С. 105–113.
29. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Труды юбилейной научной сессии Ленинградского гос. ун-та. – Л., 1946.
30. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: избранные труды. – М., 1977.
31. Воевода Е.В. Цветовосприятие и ассоциативные поля в русском и английском языках // Научный вестник ВГАСУ. 2012. № 2. – С. 113–123.
32. Вознесенская М.М. Метафора детства в русской фразеологии // Prostor in čas v frazeologiji. Mednarodna frazeološka konferenca Ljubljana, 27 – 28 marca. – Ljubljana: Univerza v Ljubljani, Filozofska fakulteta, 2016. С. 87–102.
33. Волков Б.С., Волкова Н.В. Психология развития человека. – М.: Академический проект. 2004. – 224 с.
34. Волошкина И.А. Фразеосемантическое поле «характер человека» (на материале французского языка) : дисс. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2009. – 233 с.
35. Волынская Л.Б. Престижность возраста / Л.Б. Волынская // Социс. 2000. № 7. – С. 120–124.
36. Всеволодова М.В., Лим С.Ё. Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов: на материале синтаксических фразеологизмов со значением оценки. – М.: МАКС ПРЕСС. 2002. – 161 с.
37. Выготский Л.С. Проблема культурного развития ребёнка // Вестник МГУ. Сер. 14: Психология, 1991. № 4. С. 5–18.

38. Гак В.Г. Сопоставительное изучение языков и лингвистическая типология / Гак В.Г. // Русский язык за рубежом. 1974. № 3. С. 52–58.
39. Гак В.Г. К типологии лингвистической номинации // Языковая номинация (Общие вопросы). – М.: Наука, 1977. – С. 230–293.
40. Гальперин И.Р. Проблемы лингвостилистики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 9. – М.: Прогресс, 1980. – С. 5–34.
41. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. – М.: Прогресс, 1992. – 224 с.
42. Горелов В.И. Лексикология китайского языка : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». – М.: Просвещение, 1984. – 216 с.
43. Городецкий Б.Ю. К проблеме семантической типологии. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 564 с.
44. Губарев В.П. К типологии фразеологических моделей // Филологические науки. – М., 1985. №4. С. 65–68.
45. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
46. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 450 с.
47. Демичева В.В. Наименование лиц женского пола в русском языке XVIII века : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж. 1995. – 24 с.
48. Демьянков В.З. Морфологическая интерпретация текста и её моделирование. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 206 с.
49. Добровольский Д.О. Образная составляющая в семантике идиом / Д.О. Добровольский // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 71–93.
50. Долгих Н.Г. Теория семантического поля на современном этапе развития семасиологии // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1973. № 1. С. 89–98.
51. Донскова И.И. Проблемы системного сопоставления разноязычной лексики: на примере английской и русской лексики семантического поля «жилые здания и помещения» : дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 230 с.
52. Доу Чуньяо. Фразеология и её классификация в русской и китайской

- филологии // Вестник Орловского гос. ун-та. Серия: новые гуманитарные исследования. 2015. № 5 (46). – С. 284–287.
53. *Доу Чуньяо*. Лексическая единица с семантикой возраста человека в китайском языке // Вестник ТвГУ. Серия филология. 2019-а. № 2. С. 228–232.
54. *Доу Чуньяо*. Русские и китайские фразеологизмы с семантикой 'возраст': сопоставительный аспект // Вестник МГУ. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019-б. № 2. С. 173–179.
55. *Доу Чуньяо*. Русские и китайские фразеологизмы с семантикой 'возраст' в сопоставительном аспекте // Магия ИННО: интегративные тенденции в лингвистике и лингводидактике : сб. научных трудов : в 2 т. Т. 1. – М.: МГИМО-Университет, 2019-в. С. 350–354.
56. *Доу Чуньяо, Ковшова М.Л.* Концептуализация возраста в русской и китайской фразеологии: к постановке проблемы // Лингвокультурологические исследования. Язык лингвокультурологии: теория vs. эмпирия. – М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 227–230.
57. *Дронов П.С.* Общая лексикология. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 224 с.
58. *Дыльнов Г.В., Климов В.А.* Об основном понятии «социология жизни» // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 12–19.
59. *Дьяконов А.И.* Понятие «поле» в лингвистике, особенности полевой структуры сферы «англицизмы в русском языке» // Сибирский филологический журнал. 2012. № 1. С. 198–210.
60. *Дягилева И.Б.* Вопросительные частицы: Контекстуальный анализ : дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2002. – 173 с.
61. *Ерёменко О.И.* Наименование лиц женского пола в русском литературном языке XIX века : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1998. – 21 с.
62. *Жуков В.П.* Русская фразеология. – М.: Высшая школа, 1986. – 310 с.
63. *Журавлёв А.Ф.* Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в русском языке. – М.: Наука, 1982. – С. 45–109.

64. *Заботкина В.И.* О взаимосвязи картины мира и культурноносных смыслов в слове // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / отв. ред. Серии В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 50. – М.: МАКС Пресс, 2014. С. 101–107.
65. *Золотова Г.А.* Семантическое поле предложения // Синтактика, парадигматика и их взаимоотношения на уровне синтаксиса. Рига, 1970. С. 89–193.
66. *Зубкова Л.Г.* Теория языка в её развитии: от натуроцентризма к логоцентризму через синтез к лингвоцентризму и к новому синтезу. – М.: Издат. Дом ЯСК, 2016. – 624 с.
67. *Инчина Ю.А.* Национально-культурная специфика фразеологизмов с зоонимным компонентом в триязычной ситуации: На материале русского, английского и немецкого языков : дисс. ... канд. филол. – М., 2002. – 210 с.
68. *Караулов Ю.Н.* Структура лексико-семантического поля // Филологические науки. 1972. № 1. С. 57–68.
69. *Караулов Ю.Н.* Русский язык. Энциклопедия. – М.: Дрофа, 1997. – 721 с.
70. *Кириллова Н.Н.* Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект. Ч. 1: Природа и космос. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – 319 с.
71. *Климова К.А.* Новогреческая мифологическая лексика в сопоставлении с балканославянской : дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 260 с.
72. *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика : учебник. – М.: КомКнига, 2007. – 352 с.
73. *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 352 с.
74. *Ковшова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 456 с.
75. *Ковшова М.Л.* Сопоставительный анализ фразеологизмов: лингвокультурологический подход // Филология и культура. 2014. № 4 (38). – С. 115–120.
76. *Кодухов В.И.* Общее языкознание / В.И. Кодухов. – М.: Высшая школа, 1974. – 303 с.
77. *Колшанский Г.В.* Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований / отв. ред. В.Н.

- Ярцева. – М.: Наука, 1976. С. 5–81.
78. *Колшанский Г.В.* Контекстная семантика. – М.: Высшая школа, 1980. – 152 с.
79. *Кон И.С.* Возрастные категории в науках о человеке и обществе // Социологические исследования. 1978. № 3.
80. *Кон И.С.* Возрастной символизм и образы детства // Социологическая психология. – М.: Воронеж, 1999. – С. 422–441.
81. *Косериу Э.* Лексические солидарности // Вопросы учебной лексикографии : сб. ст. – М., 1969. С. 93–104.
82. *Косериу Э.* Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение / Э. Косериу // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. – М.: Прогресс, 1989. С. 63–81.
83. *Красных В.В.* К вопросу о постулатах лингвокультурологии // Живодействующая связь языка и культуры. Материалы конференции, посвященной юбилею проф. В.Н. Телия в 2 т. Т. 1. – Тула, 2010. С. 33–35.
84. *Красных В.В.* Лингвокультура как объект когнитивных исследований // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 2013-а, № 2. С. 7–18.
85. *Красных В.В.* Культура и лингвокультура в свете интегративного подхода // Пространство языка – пространство культуры. Материалы региональной науч.-практич. конференции. – М.: МАРХИ, 2013-б. С. 72–75.
86. *Кривченко Е.Л.* К понятию «семантическое поле» и методам его изучения // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1973. № 1. С. 99–103.
87. *Кронгауз М.А.* Семантика : учебник / М.А. Кронгауз; (Ин-т «Открытое о-во»). – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 399 с. : ил.
88. *Кронгауз М.А.* Семантика : учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академия, 2005. – 352 с.
89. Крылатые слова: Энциклопедия / (авт.-сост. В. Серов). – М.: Локид-Пресс, 2003. – 830 с.
90. *Крючкова Н.В.* Концепты возраста: на материале русского и французского языков : дисс. ... канд. филолог. наук. – Саратов. 2003. – 252 с.

91. *Кубрякова Е.С.* Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
92. *Кубрякова Е.С.* Номинативный аспект речевой деятельности. – М.: Наука, 1986. – 159 с.
93. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова; Рос. акад. наук, ин-т языкознания. – М.: Яз. славянской культ., 2004. – 560 с.
94. *Кунин А.В.* Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря : в 3 т. : дисс. ... д-ра. филол. наук. – М., 1964. – 1229 с.
95. *Кунин А.В.* Английская фразеология. – М.: Изд-во «Высшая Школа», 1970. – 345 с.
96. *Лебедева Л.А.* Устойчивые сравнения русского языка: тематический словарь. 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. – 316 с.
97. *Лебедева М.Ю.* Концептуальное поле «детство» и его репрезентация в русском языке : дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2013. – 260 с.
98. *Лебедько М.Г.* Время как когнитивная доминанта культуры. Сопоставление американской и русской темпоральных концептосфер : монография. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 240 с.
99. *Левецкий А.Э., Доу Чуньяо.* Лексические средства вербализации концепта МОЛОДОСТЬ в русском языке // Гуманитарные чтения «Севастопольская гавань» : материалы науч.-практич. конференции. – Севастополь: ФГАОУ ВО «СевГУ», 2019-а. С. 295–300.
100. *Левецкий А.Э., Доу Чуньяо.* Возраст человека в зеркале лингвокультуры // Вестник Московского гос. лингвистического ун-та. Гуманитарные науки. 2019-б. № 6 (822). С. 122–131.
101. *Левецкий А.Э., Славова Л.Л.* Сравнительная типология русского и английского языков : учеб. пособие для вузов. – Смоленск: БСТ, 2016. – 272 с.
102. *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения. Текст : в 2 т. / Алексей Леонтьев. – М.: Педагогика, 1983. – 320 с.

103. *Литвиненко Ю.Ю.* Концепт «возраст» в семантическом пространстве образа человека в русской языковой картине мира : дисс. ... канд. филол. наук. – Омск, 2006. – 256 с.
104. *Ли Чуньли.* Сопоставительный анализ фразеологизмов, выражающих характер человека, в русском и китайском языках : дисс. ... канд. филолог. наук. – М., 2018 – 258 с.
105. *Лотман Ю.М.* Избранные статьи. В 3 т. – Таллин: Александра, 1993. – 1426 с.
106. *Лукьянова Н.А.* Экспрессивная лексика разговорного употребления. – Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1986. – 230 с.
107. *Лычкина Ю.С.* Фразеосемантическое поле «Характер человека» в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» : дисс. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2005. – 189 с.
108. Малая медицинская энциклопедия / гл. ред. В.И. Покровский. – М.: Советская энциклопедия, 1991–1996.
109. *Мануильский М.А.* Биография в структуре жизненного мира индивида // Человек. 2005. № 5. С. 30–43.
110. *Медникова Э.М.* Значение слова и метода его изучения. – М.: Высшая школа, 1974. – 202 с.
111. Мифы народов мира: Энциклопедия : в 2 т. / под ред. С.А. Токарева. – М., 1998, 2000.
112. *Михайлова Ю.Н., Чжао И.* Культурные коннотации зоонимов в русской и китайской фразеологии // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 4 (157). С. 168–181.
113. *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология : учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов / В.М. Мокиенко. – М.: Высшая школа, 1980. – 207 с.
114. *Мокиенко В.М.* Идеография и историко-этимологический анализ фразеологии // Вопросы языкознания. 1995. № 4. С. 3–13.
115. *Молевич Е.Ф.* К анализу сущности и формы социальной старости // Социологические исследования. 2001. № 4. С. 61–64.
116. *Мутафчиев Р.* Анализ за лексиката по семантигните полета. «Език и

- литература». Т. 26, кн. 2. – София, 1971.
117. *Мухранова Е.Н.* Возраст как феномен культуры : дисс. ... канд. философ. наук. – СПб., 2006. – 180 с.
118. *Нестик Т.А.* Социальное конструирование времени // Социологические исследования. 2003. № 8. С. 12–21.
119. *Обвинцева Н.В.* Иерархические связи в лексико-семантическом поле отношения (на материале русского и английского языков) // Мир русского слова. 2009. № 2. С. 35–38.
120. *Петровский А.В.* Быть личностью. – М.: Педагогика, 1990. – 112 с.
121. *Пищальникова В.А., Сонин А.Г.* Общее языкознание : учебник для студентов высших учебных заведений. – М.: Р. Валент, 2017. – 480 с.
122. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
123. *Постовалова В.И.* Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) / В.И. Постовалова // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 25–33.
124. *Постовалова В.И.* Язык как деятельность: Опыт интерпретации концепции Вильгельма фон Гумбольдта / отв. ред. А.А. Леонтьев. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 256 с.
125. *Потебня А.А.* Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – 624 с.
126. *Прокопьева С.М.* Механизмы создания фразеологической образности (на материале языков германской и тюркской группы) : дисс. д-ра филол. наук. – М., 1996. – 268 с.
127. *Райхштейн А.Д.* Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. – М.: Высшая школа, 1980. – 142 с.
128. *Ревзина О.Г.* Память и язык / О.Г. Ревзина // Критика и семиотика. Вып. 10. – Новосибирск, 2006. – С. 10–24.
129. *Решетов А.М.* Фэнхуан (Феникс) в культурной традиции китайцев [Электронный ресурс] // Радловский сборник: научные исследования и

музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. – URL:
http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-135-0/978-5-88431-135-0_63.pdf
(дата обращения: 17.01.2021).

130. *Ройзензон Л.И., Авалиани Ю.Ю.* Современные аспекты изучения фразеологии // Проблемы фразеологии и задачи её изучения в высшей и средней школе. – Вологда, 1967. С. 67–82.
131. *Ройзензон Л.И.* Лекции по общей и русской фразеологии / Л.И. Ройзензон. – Самарканд, 1973.
132. *Русалов В.М.* Психологическая зрелость: единая и множественная характеристика? / В.М. Русалов // Психологический журнал. 2006. № 5. – С. 83–91.
133. Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука. 1980.
134. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. – М.: «Гнозис», 2004. – 318 с.
135. *Рябинина М.В.* Национально-культурная специфика фразеологизмов с компонентами дерево/название дерева в русском, английском и немецком языках. – Хабаровск. Изд-во ТОГУ, 2014. – 137 с.
136. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.
137. *Серебренников Б.А.* Номинация и проблема выбора // Языковая номинация (общие вопросы) / отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1977. – С. 147–187.
138. *Скляревская Г.Н.* Метафора в система языка / Г.Н. Скляревская. – СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2004. – 166 с.
139. *Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности : учеб. пособие для вузов. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 384 с.
140. *Сологуб О.П.* Типология принципов номинации (на материале русских народных названий птиц) : автореф. дисс. канд. филол. наук. – Томск, 1987.

– 17 с.

141. *Солодников В.В., Солодникова И.В.* Зрелый возраст в контексте жизненного пути / В.В. Солодников, И.В. Солодникова // *Человек*. 2009. № 2. – С. 95–106.
142. *Солодникова И.В.* Развитие человека в зрелости как проблема гуманитарных наук / И.В. Солодникова // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2. – С. 147–157.
143. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики [Текст] / Ф. де Соссюр // *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию : пер. с франц. А.А. Хлодовича. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
144. *Степанов Ю.С.* Номинация, семантика, семиология (виды семантических определений в современной лексикологии) // *Языковая номинация: [Общие вопросы]*. – М.: Наука, 1977. – С. 294–358.
145. *Степанов Ю.С.* Имена, предикаты, предложения: Семиологическая грамматика / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1981. – 360 с.
146. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
147. *Стернин И.А.* Проблемы анализа структуры значения слова / И.А. Стернин. – Воронеж: изд-во Воронежского ун-та, 1979. – 156 с.
148. *Стернин И.А.* Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного ун-та, 1985. – 137 с.
149. *Сунь И.* Синонимия русских фразеологизмов в сопоставлении с семантическими аналогами китайского языка : дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1998. – 141 с.
150. *Телия В.Н.* Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке. – М.: Наука, 1981. – 269 с.
151. *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
152. *Телия В.Н.* Номинация [Текст] / В.Н. Телия // *Энциклопедический лингвистический словарь*. – М.: Сов. энциклопедия, 1990-а. – С. 336–337.
153. *Телия В.Н.* Семантика идиом в функционально-параметрическом

- отображении // Фразеография в Машинном фонде русского языка. – М.: Наука, 1990-б. С. 32–47.
154. *Телия В.Н.* Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии // Национально-культурный компонент в тексте и в языке. Тезисы докладов Межд. науч. конф. : в 2 ч. Ч. 1. – Минск: «Універсітэцкае», 1994. – С. 13–15.
155. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
156. *Телия В.Н.* Фразеологизм / В.Н. Телия // Русский язык: Энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – С. 605–607.
157. *Телия В.Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13–24.
158. *Телия В.Н.* Культурно-языковая компетенция: её высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка / В.Н. Телия // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 19–30.
159. *Телия В.Н.* Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. – М., 2006.
160. *Титаренко Н.В.* Национально-культурный компонент фразеологизма в сопоставительном аспекте: на материале русского, английского и испанского языков : дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2008. – 200 с.
161. *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.
162. *Толстых А.В.* Возрасты жизни / А.В. Толстых. – М.: Республика, 1998. – 431 с.
163. *Торопцев И.С.* Предмет, задачи, материал и методы ономазиологии / И.С.

- Торопцев // Проблемы ономазиологии : сб. науч. трудов / Курск. – 1974. – С. 3–75.
164. *Трир Й.* Немецкий словарь в смысловой области разума. История языкового поля. От истоков до начала 13-го века. – Берлин, 1934.
165. *Тянь Цзюнь.* Структурные и семантические особенности соматических фразеологизмов в русском и китайском языках : дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2001. – 214 с.
166. *Уорф Б.Л.* Отношение нормы поведения к мышлению и языку / Б.Л. Уорф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 1. – М.: Прогресс, 1960. – С. 61–97.
167. *Уфимцева А.А.* О типологическом изучении лексики // Структурно-типологическое описание современных германских языков. – М.: Наука, 1966. С. 218–235.
168. *Уфимцева А.А.* Лексическая номинация [первичная нейтральная] [Текст] / А.А. Уфимцева // Языковая номинация. Виды наименований. – М.: Наука, 1977. – С. 5–86.
169. *Уфимцева А.А.* Лингвистическая сущность и аспекты номинации [Текст] / А.А. Уфимцева, Э.С. Азнаурова, Е.С. Кубрякова, В.Н. Телия // Языковая номинация / отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1997. – С. 7–98.
170. *Фойт В.* Семиотика и фольклор // Семиотика и художественное творчество. – М., 1977. С. 171–192.
171. *Фурашова Н.В.* Лингвокультурная коннотация в семантической структуре глаголов (на материале немецкого языка) // Лингвокультурологические исследования. Язык лингвокультурологии: теория vs. эмпирия. – М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 283–286.
172. *Хэ Хуа.* Структурно-семантический анализ сложных слов в китайском и русском языках : дисс. ... канд. филол. наук. – Казань, 1997. – 224 с.
173. *Цао Юнцзе.* Фразеологизмы как наследие культуры: на материале русского и китайского языков : дисс. ... канд. культурол. наук. – М., 2003. – 207 с.
174. *Цзюй Цзьюй.* Терминологическая лексика подъязыка экономики: на

- материале русской терминологии в сопоставлении с китайской : дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1997. – 224 с.
175. *Чернейко Л.О.* Базовые понятия когнитивной лингвистики и их взаимосвязи // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 30. – М.: МГУ, 2005 – С. 43–74.
176. *Чернейко Л.О.* Лингвофилософский анализ абстрактного имени. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 272 с.
177. *Чжоу Ханьжуй.* Фразеологизм как этнокультурный феномен: лингвострановедческий аспект: на материале китайского и русского языков : дисс. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2014. – 157 с.
178. *Шабалин В.Н.* Старость – это когда? // Аргументы и факты. 2015. №. 19. С. 33.
179. *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка : учеб. пособие / Предисл. Т.А. Бобровой. Изд. 7-е. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 274 с.
180. *Шаховский В.И.* Эмотивный компонент значения и методы его описания : учеб. пособие к спецкурсу. – Волгоград: Изд-во ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1983. – 96 с.
181. *Шаховский В.И.* Экспрессивность и оценка – компоненты детонации // Образные и экспрессивные средства языка. – Ростов-на-Дону: Ростовский гос. педагог. ун-т, 1986.
182. *Шмелев Д.Н.* Современный русский язык. Лексика : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Русский язык и литература». – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.
183. *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. 2-е изд., стереотип. – М.: Изд-во ЛКИ, 2006. – 278 с.
184. *Щур Г.С.* Теории поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974. – 255 с.
185. *Якобсон С.Г.* Психологические проблемы этического развития детей. – М.: Педагогика, 1984. – 144 с.
186. Язык и культура: сб. обзоров [Текст]; отв. ред. Е.О. Опарина и др.; РАН ИНИОН. – М.: ИНИОН, 1999. – 109 с.
187. 才淑阁.儿童少年心理行为问题流行病学调查[J].中国医科大学学报.1992

- 年 S1 期.69 - 72 页 (Цай Шугэ. Эпидемиологическое исследование проблем психического поведения детей и людей юного возраста // Вестник Китайского университета медицинской науки. 1992. № S1. С. 69–72).
188. 陈家麟.影响中小学生学习心理健康的家庭因素初探[J].扬州师院学报社会科学版.1992 年 04 期.92 - 94+97 页 (Чэнь Цзялинь. Изучение семейных факторов, влияющих на психическое здоровье школьников // Вестник Пединститута Янчжоу. Серия социальные науки. 1992. № 4. С. 92–94+97).
189. 陈枚.对青少年学生性别角色心理社会化发展特点的研究[J].心理发展与教育.1989 年 04 期.17 - 23 页 (Чэнь Мэй. Исследование особенностей психосоциального развития полоролевого роля людей юного и молодого возраста // Психологическое развитие и образование. 1989. № 4. С. 17–23).
190. 程爽.俄汉网络词汇对比分析[D].东北林业大学, 2016 年. 64 页 (Чэн Шуан. Сопоставительный анализ сетевого жаргона китайского и русского языков. Северо-восточный лесной университет. 2016. – 64 с.).
191. 董满在.对青少年心理健康教育的思考[J].内蒙古师大学报哲学社会科学版.2001 年 S1 期.77 - 79 页 (Дун Маньцай. Размышления о воспитании психического здоровья молодых людей // Вестник Педагогического университета Внутренней Монголии. Серия философии и социальные науки. 2001. № S1. С. 77–79).
192. 段佳音.汉语年龄词语研究[D].南京师范大学, 2010 年. 66 页 (Дуань Цзяинь. Изучение лексических единиц с семантикой возраста китайского языка. Нанкинский педагогический университет. 2010. – 66 с.).
193. 符淮青.现代汉语词汇[M].北京: 北京大学出版社, 1985 (Фу Хуайцин. Словарный состав современного китайского языка. – Пекин: Издательство Пекинского университета. 1985).
194. 龚晓莉.我国老年人行为能力理论探讨[D].华侨大学, 2005 年. 57 页 (Гун Сяоли. Теоретическое исследование дееспособности пожилых людей в Китае. Университет для китайских эмигрантов. 2005. – 57 с.).

195. 顾梦红.青少年逆反心理的成因及调节[J].宁夏教育.1992年10期.6-7页 (Гу Мэнхун. Причины и регуляция реверсивной психологии людей юного и молодого возраста // Образование в Нинся. 1992. № 10. С. 6–7).
196. 郭娅.中国的扇子文化[J].湖北大学学报[哲学社会科学版]. 2001年05期. 73-76页 (Гуо Я. Китайская культура веера // Вестник Хубэйского университета. Серия – философия и социальные науки. 2001. № 5. С. 73–76).
197. 韩佳蔚.从汉语成语看“玉”的文化象征意义[J].时代文学.2010年01期.191-193页 (Хан Цзявэй. Культурный символический смысл нефрита в китайской фразеологии // Литература «эпоха». 2010. № 1. С. 191–193).
198. 李莉.中国传统松柏文化研究[D].北京林业大学, 2005年. 204页 (Ли Ли. Китайская традиционная культура сосны и кипариса. Пекинский университет лесного хозяйства. 2005. – 204 с.).
199. 李淑英.中年人的心理特点与心理保健研究[J].徐州教育学院学报.2002年04期.107-108页 (Ли Шуин. Исследование психологических особенностей и психического здоровья людей среднего возраста // Вестник Педагогического института в городе Суючжоу. 2002. № 4. С. 107–108).
200. 罗淳.关于人口年龄组的重新划分及其蕴意[J].人口研究.2017年05期.16-25页 (Луо Чунь. О новой классификации возрастных групп населения и её смысл // Исследования населения. 2017. № 5. С.16–25).
201. 刘兆元.论中国龟文化及其扭曲[J].寻根.1997年06期.5-12页. (Лю Чжаоюань. О культуре черепахи в Китае и её изменение в развитии // Поиск источника события. 1997. № 6. С. 5–12).
202. 刘振华.社会心理因素与中年人疾病[J].中国社会医学.1987年02期.18-19页 (Лю Чжэньхуа. Социально-психологические факторы и болезни людей среднего возраста // Китайская социальная медицина. 1987. № 2. С. 18–19).
203. 陆俭.中年人的心理危机[J].中国民政.1998年04期.52-53页 (Лу Цзянь. Психологический кризис у людей среднего возраста // Гражданская администрация Китая. 1998. № 4. С. 52–53).

204. 莫秀秀.中国古代计时器设计研究[D].山东大学, 2009 年. 81 页 (*Мо Сюсю. Исследование в области дизайна таймера в Древнем Китае. Шаньдунский университет. 2009. – 81 с.*).
205. 任雅华,郭创.日汉叠词对比研究[J].甘肃科技.2011 年 24 期.91 - 93+97 页 (*Жэнь Яхуа, Го Чуан. Сопоставительное исследование повтора слова в китайском и японском языках // Наука и техника в Ганьсу. 2011. № 24. С. 91–93+97.*).
206. 宋萍,吴存松.影响中年人心理健康的相关因素与应对策略[J].社会心理学.2010 年 07 期.103 - 106 页 (*Сун Пин, У Цуньсун. Исследование факторов, влияющих на психическое здоровье людей среднего возраста и ответная стратегия // Социальная психология. 2010. № 7. С. 103–106.*).
207. 孙常叙.汉语词汇[M].吉林: 吉林人民出版社, 1956 (*Сунь Чансюй. Лексикология китайского языка. – Цзилинь: Цзилиньское издательство народа. 1956.*).
208. 孙维张.汉语成语学[M].吉林: 吉林教育出版社, 1989 (*Сунь Вэйчжан. Фразеология китайского языка. – Цзилинь: Цзилиньское издательство образования. 1989.*).
209. 孙文政.中国鹤文化的结构及其主要特征[J].《理论观察》, 2013 年 02 期. 25 - 26 页 (*Сун Вэньчжэн. Структура и основные характеристики китайской культуры о журавлях // Теория наблюдения. 2013. № 2. С. 25–26.*).
210. 史式.汉语成语研究[M].成都: 四川人民出版社, 1979 (*Ши Ши. Изучение фразеологизмов китайского языка. – Чэнду: Сычуаньское народное издательство. 1979.*).
211. 汪少华.扇子与中国文化[J].台州学院学报. 2012 年 05 期. 41 - 46 页 (*Ван Шаохуа. Вентиль и китайская культура // Вестник института Тайчжоу. 2012. № 5. С. 41–46.*).
212. 王颖.中国古代文学松柏题材与意象研究[D].南京师范大学, 2012 年. 206 页 (*Ван Ин. Сюжет и образ сосны и кипариса в древнекитайской литературе.*

Нанкинский педагогический университет. 2012. – 206 с.).

213. 吴慧鸣. 离异家庭儿童心理特点研究[J]. 西南师范大学学报人文社会科学版. 1990年04期. 29 – 35页 (У Хуэймин. Исследование психологических особенностей детей в разводящихся семьях // Вестник Юго-западного педагогического университета. Серия социально-гуманитарные науки. 1990. № 4. С. 29–35).
214. 吴吉康. 俄汉成语对应关系初探[J]. 兰州大学学报. 1998年02期. 80–87页 (У Джикан. Соотнесенность значения фразеологизмов китайского и русского языков // Вестник Ланьчжоуского университета. 1998. № 2. С. 80–87).
215. 吴锡改. 论青少年心理失衡[J]. 长江大学学报社会科学版. 2005年06期. 100 – 104页 (У Сигай. О психологической дисгармонии людей юного и молодого возраста // Вестник Университета Янцзы. Серия социальные науки. 2005. № 6. С. 100–104).
216. 吴雪松. 俄汉成语文化伴随意义对比研究[J]. 佳木斯大学社会科学学报. 2005年03期. 135 – 136页 (У Сюэсун. Сопоставительное изучение культурной коннотации китайских и русских фразеологизмов // Вестник Цзямусского университета. Серия – социальные науки. 2005. № 3. С. 135–136).
217. 信娜. 认知视角下的俄汉语词汇对比研究[D]. 黑龙江大学, 2007年. 55页 (Синь На. Сопоставительное исследование лексических единиц китайского и русского языков в когнитивной перспективе. Хэйлуньцзянский университет. 2007. – 55 с.).
218. 肖依娜. 俄汉语中颜色词的文化意义的比较[D]. 辽宁大学, 2014年. 96页 (Сяо Ина. Сопоставительное изучение культурного смысла лексических единиц, обозначающих цвет в китайском и русском языках. Ляонинский университет. 2014. – 96 с.).
219. 向光忠. 成语概说[M]. 武汉: 湖北人民出版社, 1982 (Сян Гуанчжун. Введение в фразеологию. – Ухань: Хубэйское народное издательство, 1982).
220. 徐国庆. 现代汉语词汇系统论[M]. 北京: 北京大学出版社, 1999 (Сюй Гоцин.

- Теория систем лексических единиц современного китайского языка. – Пекин: Издательство Пекинского университета. 1999).
221. 杨欣安.现代汉语（第二册）.重庆：重庆人民出版社，1957 (*Ян Синьан*. Современный китайский язык. Том 2. – Чунцин: Чунцинское издательство народа. 1957).
222. 曾文星.青少年的心理发展[J].中国心理卫生杂志.1987 年 05 期.219 – 222 页 (*Цзэн Вэньсин*. Психическое развитие людей юного и молодого возраста // Вестник психогигиены Китая. 1987. № 5. С. 219–222).
223. 赵佳华.西安城市老年人休闲行为研究[D].西安外国语大学，2012 年. 99 页 (*Чжао Цзяхуа*. Исследование свободного времени пожилых людей в городе Сиань Китая. Сианьский университет иностранных языков. 2012. – 99 с.).
224. 张弛.年龄词语研究与教学[D].山西大学，2014 年. 44 页 (*Чжан Чи*. Лексические единицы и их преподавание. Шаньсийский университет. 2014. – 44 с.).
225. 张磊.俄汉成语语义及结构的对比分析[D].吉林大学，2008 年. 59 页 (*Чжан Лэй*. Сопоставительный анализ семантики и структуры фразеологических единиц китайского и русского языков. Цилиньский университет. 2008. – 59 с.).
226. 张霖.青少年逆反心理特征及教育对策[J].陕西师范大学学报哲学社会科学版.1998 年 S3 期.5 – 7 页 (*Чжан Линь*. Особенности реверсивной психологии молодых людей и образовательные корректирующие меры // Вестник Педагогического университета провинции Шэньси. Серия философия и социальные науки. 1998. № S3. С. 5–7).
227. 张伟士,蒋之爽.中年人的心身疾病与心理卫生[J].生物学杂志.1987 年 04 期.15 – 16 页 (*Чжан Вэйши, Цзян Чжуншун*. Психосоматическое расстройство и психогигиена у людей среднего возраста // Журнал биологии. 1987. № 4. С. 15–16).
228. 张荣东.中国古代菊花文化研究[D].南京师范大学，2008 年. 199 页 (*Чжан Жундун*. Исследование культуры хризантемы в Древнем Китае. Нанкинский

педагогический университет. 2008. – 199 с.).

229. 朱楚珠,肖光.中国女性生命周期分析[J].中国人口科学.1991年03期.41-45页
(*Чжу Чучжу, Сяо Гуан. Анализ жизненного цикла китайских женщин // Китайская демография. 1991. № 3. С. 41–45).*
230. *Humboldt W. Uber den Nationalcharakter der Sprachen [Entwurf] (1822) // Werke in 5 Bdd. Bd. 3. Darmstadt, 1963. S. 77.*
231. *Trier J. Anger und Park. Eine vergessene Wurzel des englischen Gartens. — Berlin, T. U., 1968.– 16 S.*

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Академический словарь русской фразеологии / Баранов А.Н., Вознесенская М.М., Добровольский Д.О., Киселева К.Л., Козеренко А.Д. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЛЕКСРУС, 2015. – 1168 с.
2. *Александрова З.Е.* Словарь синонимов русского языка: практический справочник: около 11000 синонимических рядов. – М.: Дрофа: Русский язык; Медиа, 2010. – 564 с.
3. Большой толковый словарь русского языка: около 60000 слов / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: АСТ: Астрель, 2004. – 1268 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2008. – 1536 с.
5. Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В.Н. Телия. – 4-е изд. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2014. – 784 с.
6. *Даль В.И.* Пословицы и поговорки русского народа / В.И. Даль. – М.: ЭКСМО-пресс, 2000. – 606 с.
7. *Дубровина К.Н.* Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 808 с.
8. *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Русский язык. Медиа; Дрофа, 2010. – 656 с.
9. *Зимин В.И.* Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких

- выражений / В.И. Зимин. – М.: АСТ-Пресс, 2016. – 729 с.
10. *Князев Ю.П.* Словарь живых крылатых выражений русского языка: ок. 4000 крылатых выражений / Ю.П. Князев. – М.: Астрель: АСТ, 2010. – 793 с.
  11. *Кунин А.В.* Англо-русский фразеологический словарь / лит. ред. М.Д. Литвинова. 4-е изд., перераб. к доп. – М. Русский язык, 1984. – 944 с.
  12. Лингвистический энциклопедический словарь.– <http://lingvisticheskiy-slovar.ru/>
  13. *Лопатин В.В., Лопатина Л.Е.* Русский толковый словарь. Около 35000 слов. 70000 словосочетаний. – М.: Русский язык, 1997. – 831 с.
  14. *Лубенская С.И.* Русско-английский фразеологический словарь. – М.: «Языки русской культуры», 1997. – 1056 с.
  15. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. – М., 2008. – 784 с.
  16. *Морковкин В.В., Богачёва Г.Ф., Луцкая Н.М.* Большой универсальный словарь русского языка / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; под ред. В.В. Морковкина – М.: Словари XXI века, 2017. – 1456 с.
  17. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство Мир и Образование», 2012. – 736 с.
  18. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: около 57000 слов. – М.: Русский язык. 1978. – 847 с.
  19. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеол. выражений. – М.: Азъ. 1995. – 907 с.
  20. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; под общей ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998. – 713 с.
  21. Словарь образных выражений русского языка. / Т.С. Аристова, М.Л. Ковшова, Е.А. Рысева, В.Н. Телия, И.Н. Черкасова / под ред. В.Н. Телия. – М.: Отечество, 1995. – 368 с.
  22. Словарь синонимов русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.:

- Астрель: АСТ, 2002. – 648 с.
23. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Астрель: АСТ, 2001. – 1499 с.
24. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Н.Ю. Шведова, Л.В. Куркина, Л.П. Крысин: отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2007. – 1164 с.
25. *Фелицына В.П., Мокиенко В.М.* Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь / под ред. Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. – М.: Рус. яз., 1990. – 220 с.
26. *Фёдоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц / А.И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.
27. 现代汉语词典. 北京: 商务印书馆. 2012 年 (Толковый словарь современного китайского языка 2012).
28. 惯用语词典/戴木金编. 成都: 四川人民出版社. 1986 年 (*Дай Муцзинь*. Словарь «гуаньюньюй»-речений. – Чэнду: Сычуаньское издательство народа. 1986).
29. 汉语惯用语词典/施宝义主编. 北京: 北京外国语学院出版社. 1985 年 (*Ши Баою*. Словарь «гуаньюньюй»-речений китайского языка. – Пекин: Издательство Пекинского института иностранных языков, 1985).
30. 在线汉语大辞典 – URL: <http://www.hydc.com/> (Большой словарь китайского языка онлайн [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hydc.com/>).
31. 百度在线汉语词典 URL: <https://hanyu.baidu.com/> (Толковый словарь китайского языка Baidu [Электронный ресурс]. – URL: <https://hanyu.baidu.com/>).
32. 在线汉语字典 URL: <http://xh.5156edu.com/> (Толковый словарь китайского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://xh.5156edu.com/>).
33. 在线汉语词典 URL: <https://cidian.51240.com/> (Словарь китайского языка [Электронный ресурс]. – URL: <https://cidian.51240.com/>).
34. 在线成语词典 – URL: <http://cy.5156edu.com/> (Фразеологический словарь китайского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://cy.5156edu.com/>).

35. 词林在线词典 URL: <http://www.cilin.org> (Словарь Цы Лин [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cilin.org>).
36. 说文解字. – URL: <http://www.esk365.com/wycd/swjz/> (словарь китайских иероглифов. Шовэнь Цзецзы [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.esk365.com/wycd/swjz/>).
37. 汉语成语大词典. 北京: 商务印书馆. 2014 年 (Большой фразеологический словарь китайского языка. – Пекин: Коммерческое издательство, 2014).
38. 中华成语大词典. 北京: 商务印书馆. 2009 年 (Китайский большой фразеологический словарь. – Пекин: Коммерческое издательство, 2009.)

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ КОРПУСНЫХ ДАННЫХ

1. 现代汉语语料库 (Национальный корпус современного китайского языка) [Электронный ресурс]. – URL: <http://ccl.pku.edu.cn/> (Дата последнего обращения: 01.09.2020).
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (Дата последнего обращения: 09.09.2020).